

МИХАИЛ
МЕЧ ГОСПОДА

ГАЙ ЮЛИЙ
ОРЛОВСКИЙ

ГАЙ ЮЛИЙ
ОРЛОВСКИЙ

МИХАИЛ
МЕЧ ГОСПОДА

ПРОСЬБА
АЗАВЕЛЯ

ПРОСЬБА АЗАВЕЛЯ

МИХАИЛ, МЕЧ ГОСПОДА

КНИГА ПЕРВАЯ

ПРОСЬБА АЗАЗЕЛЯ

КНИГА ВТОРАЯ

ПОДЗЕМНЫЙ ГОРОД СОДОМА

КНИГА ТРЕТЬЯ

РЕЙД ВО СПАСЕНИЕ

ГАЙ ЮЛИЙ
ОРЛОВСКИЙ

МИХАИЛ МЕЧ ГОСПОДА

КНИГА ПЕРВАЯ

ПРОСЬБА АЗАЗЕЛЯ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-66

Оформление серии *А. Саукова*

В оформлении переплета использована работа
художника *Ф. Барбышева*

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Орловский, Гай Юлий.
О-66 Михаил, Меч Господа. Книга первая. Просьба Азазеля / Гай Юлий Орловский. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с.

ISBN 978-5-699-99135-8

Демоны и раньше ускользали из ада, но из чужих тел их изгоняли экзорцисты. Затем чья-то могучая воля пробила в мир людей узкую щель, и демоны начали протискиваться в своих телах. Но, занятые с ними войной, люди не заметили, что клипоты все массивнее и тяжелее, вот-вот раздавят мир. А еще с каждым днем все ближе нечто исполинское, грозящее уничтожить Вселенную. Демон Азазель, живущий среди людей уже шесть тысяч лет, не в силах выстоять против него в одиночку.

Но где герой, что остановит Извечное Зло?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-99135-8

© Орловский Г. Ю., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Сверху хорошо видно, как избитый мужчина со связанными за спиной руками медленно бредет, едва передвигая окровавленными ногами, по деревянному покрытию каменного пирса. За ним остаются красные пятна, а конвоиры неспешно двигаются сзади в пяти шагах, автоматы на изготовку, лица закрыты платками по самые глаза.

У самого края пленник, не дожидаясь окрика, повернулся. Лицо в кровоподтеках, левый глаз заплаыл полностью, второй смотрит через щелочку. Рубашка в лохмотьях, на груди пятна от сильных ожогов, в одном месте плоть обуглилась и почернела.

Один из конвоиров сказал резко:

— Именем революции!.. Огонь!

Он выстрелил первым. Пленный даже не вздрогнул, хотя пуля ударила в левую сторону груди, где у людей сердце, настолько измученный пытками, что не ощутил новой боли. Тут же грянули еще четыре одиночных выстрела, и он медленно упал навзничь в воду.

Все пятеро подошли к краю и смотрели, как неподвижное тело, оставляя за собой красные расплывающиеся полосы, медленно уходит вниз. Солнце в зените пронизывает воду на большую глубину, тело все уменьшается в размерах, крас-

ное дымное облачко почти заслоняет видимость, но все же заметно, как уходит все ниже и ниже, наконец все превратилось в едва различимое мутное пятно.

— Все, — сказал тот, который командовал расстрелом, — уходим.

Михаил, не сдвигаясь с места, продолжал наблюдать, как все деловито прошли обратную дорогу по пирсу, там ждет автомобиль с открытым верхом и установленным над кабиной крупнокалиберным пулеметом.

Когда забрались в кузов, один сразу сел к установке и ухватился за рукоятки, направив ствол под углом вверх, второй постучал по кабине. Автомобиль резко сдвинулся с места, из-под колес полетели мелкие камешки.

Михаил с минуту смотрел, как их уносит по неровной дороге, будто вырванный ветром сухой кустарник, перевел взгляд на воду. Со дна все еще поднимаются медленно размываемые струйки крови, а там, в самом низу, красное облачко, потускнев, окружило тело со всех сторон.

Привлеченные запахом крови, к неподвижной находке метнулись мелкие рыбешки. Вдали показались и большие, почуяв кровь издали.

Михаил без усилия переместился в тело убитого, но сильнейшее отвращение едва не выбросило обратно. К горлу подступила тошнота, как же отвратительно оказаться в этой громаде сырого мяса, гадко и омерзительно, — стиснул челюсти, чувствуя их человеческую тяжесть и звериное происхождение, попытался встать, подняться на поверхность воды...

...но несмотря на то, что раны залечил, едва только вошел в это тело, оно сейчас отказывалось повиноваться. Мучительно долго разбирался, как двигаются руки и ноги, велик и славен Творец, задумавший и создавший такую сложную конструкцию, он бы на Его месте сделал бы все проще и понятнее.

Наконец, разобравшись с главными мышцами и сухожилиями, с трудом сумел оттолкнуться от засыпанного крупным гравием дна задними конечностями. Тело пошло вверх, он помогал ему подниматься, двигая руками, но перестарался: вылетел из воды, как играющий дельфин, с шумом рухнул обратно, а уже там, загребая передними и отталкиваясь задними, поплыл к берегу, стараясь делать в точности, как это получается у людей.

На берег выбирался еще слабее и беспомощнее, чем был в воде, не сразу понял, что дело в окружающей среде: воздух хоть и плотная грубая материя, но намного разреженнее воды.

Все больше раздражаясь, поднялся на задние конечности, на втором шаге двигался уже сухой и с аккуратнo, как здесь носит большинство, уложенными волосами. Тело то ли сопротивляется неожиданному вторжению, то ли ему самому трудно привыкнуть к этой тяжелой массе сырой плоти, он начал быстро задыхаться, не сразу вспомнил, что нужно дышать, как делают здесь все существа.

На сухой земле постоял в неподвижности, вбирая в себя запахи материального мира, звуки, ощущение легкого ветерка, странно похожего на колебания энергетических полей, проверил еще раз, как слушается тело, подпрыгнул, подвигал руками.

Цель на дальней стороне планеты, но его предупреждали насчет всплеска, потому нужно добираться как-то иначе.

Ничего не придумав, заставил тело двигаться; каменная дорожка пирса увела выше, вскоре путь перегородила идеально ровная дорога, широкая и твердая, по такой не только катафрактерии, но и пешие легионы Рима могли бы пройти быстрым маршем как по Европе, так и по всему миру, который оказался, подумать только, так огромен.

Ничего не дождавшись, пошел по этой удивительно прекрасной дороге, достойной императоров, потом побегал, вспоминая, как это делали солдаты армии могучего Рима.

За спиной слышался нарастающий шум, рев. Он поспешно отступил на обочину — скачущие сзади могут и сбить вставшего на дороге, — оглянулся на бегу.

Его догоняет чудовищно огромная и тяжелая колесница из тяжелого металла, такая с разгону не только выбьет городские ворота, но и разнесет на мелкие обломки любую крепостную стену на сто локтей в обе стороны.

Колесница начала притормаживать, Михаил насто-рожился, когда она, тяжело вздохнув, остановилась возле него и даже чуточку присела на странно толстых колеса. Вверху распахнулась дверца, показалось бородатое лицо очень немолодого человека, красное и в глубоких морщинах.

— Парень, — крикнул он густым сильным голосом, — далеко ты забрался с утренней пробежкой! Может, подвезти?

Говорил он на странном диалекте смеси римского и других варварских наречий, но Михаил, мгновенно собравшись, ответил на том же языке:

— Спасибо. Буду рад.

— Залезай, — предложил мужчина.

Михаил не сразу понял, как взобраться по ступеньке, наконец поднялся к водителю и сел на мягкое и такое удобное сиденье, императорам бы вполне.

Водитель подвигал рычагами, колесница взревела и начала неспешный разгон.

— Я Вадим Полкан, — назвалса он. — Восьмой год на пенсии, все собираюсь бросить работу, но всегда что-то мешает. Да и живу на отшибе, а тут все-таки люди. А по дороге кого только не встретишь... Ты живешь далеко?

— Очень, — ответил Михаил.

Водитель хмыкнул довольно.

— А здесь как оказался?.. До аэропорта еще почти час, успеешь рассказать.

— Да ничего особенного, — ответил Михаил. — Нужно выполнить одно важное дело и вернуться обратно.

— Бизнесмен?

— Нет, — ответил Михаил, — должен отыскать одного... и вернуть обратно. Откуда сбежал.

Водитель протянул заинтересованно:

— А-а, охотник за головами... Интересно. В новостях о таких как-то слышал, но видеть... Тем и хороша моя работа, кого только не встретишь...

Он вытащил сигарету и вставил в рот, Михаил искоса наблюдал, как водитель похлопал себя свободной рукой по карманам.

— Где же она... У тебя огонька не найдется?

Михаил не сразу понял, о чем речь, потом кивнул.

— Конечно.

Он поднес к кончику сигареты мужчины указательный палец, там на пару мгновений вспыхнул огонек и тут же погас.

Водитель раскурил сигарету, взглянул на Михаила с уважением.

— Ух ты... Вот это нужная штука. А то мой племянник навживлял в пальцы ключи от квартиры, машины и даже билег в метро, хотя у нас еще сто лет не выкопают!.. Я говорю, ключ от квартиры, да, удобная штука, а вот если замок придется поменять?..

Он довольно попыхивал сигаретой, дымок не показлся Михаилу неприятным, люди в храмах воскурят разные травы в честь Всевышнего, смолы и даже благовонные веточки деревьев, мир все тот же, хотя изменился, еще как изменился.

Приятный женский голос сообщил из крохотного за решеченного отверстия над рулем:

— В пяти километрах впереди затруднено движение... Столкнулись две машины такси.

Водитель ругнулся.

— Опять... Там же обрыв, каждый год две-три аварии... А таксисты всегда лихачат. Когда расширят дорогу?.. Искать объезд, что ли... Не успеем в порт...

Михаил постарался возвыситься и взглянуть сверху, представил себе, что там впереди, не все понятно, подобные этой колесные повозки, большие, средние и совсем маленькие, стоят, загораживая дорогу, а к ним все прибывают и прибывают новые, останавливаясь тоже.

— Можно по обочине, — обронил он сдержанно.

Водитель покосился на него с иронией.

— По краю пропасти?

— Ну и что, — сказал Михаил. — Не обязательно же падать.

Водитель хмыкнул.

— Знаешь, мне самому жизнь уже надоела. Сто раз подумывал красиво так это погибнуть в автокатастрофе, а не доживать в доме престарелых...

— Тогда вперед? — ответил Михаил.

Водитель сказал тем же странноватым тоном:

— Я могу. А как ты?

— Давай, — ответил Михаил. — Проедешь легко. И посрамишь тех, кто будет смотреть на тебя из этой... вереницы колесниц. Верь в нашего Творца!

Водитель хмыкнул и крепче взялся за руль. Грузовик довольно ревнул и понесся еще быстрее. Через несколько минут впереди показалось скопление автомобилей, а дальше еще и еще, между ними даже человек не протиснется, многие открывают дверцы, уже изнывая от жары под нещадным солнцем, орут на виновников аварии, ругаются между собой, а конца-края вереницы не видно.

Водитель хмыкнул.

- Ну все, один раз живем... Не передумал?
- Господь с нами, — ответил Михаил.
- Сейчас проверим, — проговорил водитель.

Он вжал подошвой педаль, автомобиль начал наращивать скорость. Из множества автомобилей начали выглядывать из окон и распахнутых дверей на приближающийся рев. Грузовик, красиво и мощно набирая скорость, понесся по обочине, где края колес уже на палец проскакивают над краем бездны.

Лицо водителя приняло восторженно-дикое выражение, в глазах свирепый блеск, заорал, не отрывая взгляда от дороги:

- Йе-ху-ху! На абордаж, каналы!

Из застрявших автомобилей выскакивали и с ужасом смотрели на мчащийся с ревом огромный грузовик, а он несется по краю пропасти, едва не задевая их элегантные легковые автомобили. С другой стороны только бескрайнее море, где обрыв то подходит к колесам вплотную, то отодвигается на пару сантиметров.

— Живем? — прокричал водитель лихо в непонятном веселье.

- Все хорошо, — заверил Михаил.

Его человеческое сердце сжалось в тревоге, водитель еще не видит, что впереди из нависающего над океаном края земли недавно вывалился огромный валун. Переднее колесо обязательно ударит в яму над пропастью.

— Не сбавляй скорость, — велел он водителю. — Проскочим.

Тот изменился в лице, тоже увидел, но сказал с жаром:

- Да, прямо в ад!

Мотор взревел, тяжелый грузовик уже летит, как снаряд, Михаил сосредоточился и сделал нужное усилие, чувствуя, как без труда приподнимает автомобиль вместе с его прицепом.

Колеса с силой ударились на той стороне, водитель едва удержал рвущуюся из рук баранку руля, на бледном лице глаза стали огромными и почти сумасшедшими.

— Это что же, — прошептал он, — мы... проскочили?

— Следи за дорогой, — строго сказал Михаил.

Еще с минуту огибали вереницу автомобилей, наконец проскочили мимо двух перевернувшихся машин, из одной все еще вытаскивают окровавленные тела и укладывают на разложенные рядом на земле носилки.

Водитель резко повернул руль, грузовик с облегчением сдвинулся на асфальт шоссе и понесся уже свободно и с тем ликованием, когда можно вот так по прекрасной свободной дороге, не встречая ни соперников, ни попутчиков.

— Жесть, — выдохнул водитель. — Да никогда в жизни... Это же сколько разговоров будет! Сегодня же телевизионщики набегут... Хотя, если честно, я в Бога не верю.

— Важно то, — сказал Михаил нравоучительно, — что Он верит в нас. Все еще. Несмотря на.

Глава 2

Дальнобойщик высадил его у аэропорта, тепло попрощался и пожелал удачи. Грузовик глухо взревел, снизу стрельнули струйки дыма, словно только что из ада, и тяжелая махина покатила дальше по такой идеальной дороге.

Михаил с тоской смотрел на роскошное здание аэропорта, чувствуя себя слабым и беспомощным. Его предупреждали, что даже единичный всплеск насторожит противника, но если останется единичным, все успокоится, однако он допустил уже три: вошел в тело убитого, поджег курительную бумажку водителя колесницы, а еще и удержал грузовик от падения с обрыва.

И сейчас, побродив среди толпы человеков в огромных залах аэропорта, ознакомившись, как здесь что работает, с тоской понял, что предстоит еще одно нарушение, а оно не останется незамеченным. А иначе как проникнуть на борт громадной летающей колесницы?

— Семь бед — один ответ, — слышался рассудительный голос в сторонке, там один человечек держит второго, совсем понурого, за плечо и втолковывает: — так и скажи прямо: загулял, пропил, переспал, все деньги тю-тю... Так даже лучше, чем врать, юлить и оправдываться! Зато одним ударом все узы...

Михаил поморщился: этот человечек уже готов для ада, да и второй тоже, хотя совет вообще-то неплох в его ситуации.

Он отошел под защиту большого рекламного щита, от входа раздались ликующие крики, там в кольце охраны появилась блистательная женщина, по виду дорогая куртизанка, народ ринулся в ее сторону, а Михаил сосредоточился...

...и в то же мгновение очутился в просторной комнате, очень просторной и с богатой мебелью, а в двух шагах мужчина с фужером вина в руке смотрит на него с великим интересом.

— Здравствуй, Михаил, — сказал он слегка насмешливо. — Давно не виделись, не правда ли?

На неприятно красивом лице с крупными черными глазами ни проблеска страха, что не понравилось Михаилу. Порочные губы хозяина кривятся в улыбке превосходства, а сам он держится подчеркнуто уверенно и победно.

Михаил посмотрел на него исподлобья.

— Азазель?.. Вот уж не ожидал...

— Почему? — поинтересовался Азазель. — И на старуху бывает проруха. Я сам понял, что допустил оплошность. У вас заметили быстро, кто бы подумал...

Михаил сказал обрекающим голосом:

— Даже самый изворотливый и хитрый демон когда-то да ошибается. Ты уже знал, что за тобой прибуду именно я?

Азазель сказал насмешливо:

— Я следил за тобой с момента, как ты материализовался в этом теле, что сидит на тебе, как прекрасно пошитый костюм. Правда, хороший выбор. Ты и в бес-телесном такой же прямой, с каменной мордой и весь из себя чист, прост и негнибает.

— И ты за мною следил, — переспросил Михаил, — здесь, на земле?

Он окинул взглядом комнату. На столе два фужера, в ведерке со льдом бутылка шампанского, на тарелочках разложена различная снедь. Даже букет цветов в дорогой вазе из редкого сорта фарфора.

— Конечно, — сообщил Азазель. — Ты же поднял такой шум, что только абсолютно глухой не услышит. Куда больший, чем когда я... даже не помню, что я сделал. Первый раз ты встряхнул наш эфир, когда вошел в это тело, второй — поплыл к берегу, используя добавочную мощь, третий — удержал тот грузовик, не давая слететь в пропасть, четвертый — прыгнул с той стороны планеты прямо в мою квартиру... Я все сказал верно?

Михаил проговорил с неудовольствием:

— Это не спасет и даже не отсрочит твоё возвращение в ад. Хотя странно, что ты даже не попытался скрыться...

Лицо Азазеля несколько помрачнело, он вздохнул и развел руками.

— Знаешь, — произнес он непривычно невеселым голосом, — я уже устал прятаться и скрываться. Это для тебя с тех времен прошел час или даже минута, а для меня шесть тысяч лет, да еще и с хвостиком... Уже устал...

— Хорошо, — отрубил Михаил жестко, — возвращаю тебя в ад именем Творца...

Азазель торопливо вскинул свободную от фужера руку.

— Погоди! Я не противлюсь твоей воле, просто хочу сперва сообщить нечто важное.

Михаил отрезал:

— Для меня важно вернуть тебя в ад.

— Погоди, — повторил Азазель. — Это не хитрость!.. Очень важное, и ты очень будешь жалеть, что не выслушал.

Михаил задержал руку в карающем жесте.

— Говори, но очень быстро.

— Я знаю одного из ваших ангелов, — проговорил Азазель ясным голосом, — который тоже сбежал и живет здесь, среди людей!

Отвращение передернуло Михаила с такой силой, что лязгнули зубы.

— Врешь, — произнес он карающим голосом. — Одно дело — сбежавший из ада демон, другое — светлый ангел!

— А ты проверь, — сказал Азазель очень серьезно. — Проверь!..

Михаил нахмурился.

— Говори, кто это.

Азазель чуть перевел дух, заговорил уже свободнее:

— Так не делается. Я скажу, а ты сразу забросишь меня в ад. Нет, давай по-честному!.. Если я соврал, в то же мгновение забрасываешь в ад. Если сказал правду, остаюсь...

Михаил нахмурился.

— Да ни за что.

— Понял, — сказал Азазель быстро. — Правила и устав караульной службы, что выше нас всех и на чем держится мир, не позволяют. Но тогда на время. Скажем, на год?.. Что для нас, бессмертных, время?.. Что год, что тысяча лет...

Михаил покачал головой.

— Нет.

— Тогда на месяц, — сказал Азазель. — Ладно, ты все так же несгибаем и непоколебим, как Александрийский столп, вижу. Неделю!.. Или я ни слова.

Михаил смерил его испепеляющим взглядом.

— Хорошо. Даю слово. Говори, и если не соврал, разрешу тебе находиться здесь еще целую неделю. Но под моим присмотром. Я тебе не верю, Азазель.

Азазель расслабил напряженные мышцы, вздохнул и сказал совсем другим голосом:

— Сейчас поедem к нему, у меня новенькая «Тесла». Или предпочел бы туда во мгновение ока?

Михаил покачал головой.

— Уже понял насчет... всплеска. Поедем на твоей колеснице.

Азазель проговорил заинтересованно:

— Точно? Уже интереснее, раньше ты не отличался сообразительностью... Пойдем. Сири, запри дом и никого не пускай!

В комнате прозвучал милый женский голосок:

— Принято.

Азазель хлопнул себя по лбу.

— погоди, тебе нужно чуть-чуть приодеться. Давай я тебе помогу...

Михаил не успел возразить, как Азазель повел перед ним ладонями. Михаил ощутил, что костюм на нем сидит как-то удобнее, на запястье появился ремешок из дорогой кожи с непонятной вещью, ах да, это здесь называется часами, а башмаки изменили как цвет, так и фактуру.

— Готово, — сказал Азазель.

Входная дверь распахнулась перед ними сама, Михаил оглянулся.

— У тебя в квартире демон?

— Да, — ответил Азазель легко. — Мелкий. Очень мелкий.

Михаил нахмурился.

— Странно, я его не увидел.

Азазель рассмеялся чему-то, Михаил вышел за ним, на просторной площадке распахнулись дверцы в странно небольшую комнатку. Азазель шагнул туда первым, Михаил с колебанием вдвинулся следом.

— Первый, — сказал Азазель.

Михаил не понял, что он сказал и зачем, но спросить не успел, пол словно рухнул, страх пробежал по телу, но Азазель спокоен, и Михаил постарался не выказывать тревоги.

Когда дверцы ускользнули в щели, Азазель снова вышел первым, Михаил старался не показывать изумления, очутившись в просторном зале уже внизу, судя по ощущениям, хотя окон нет, свет здесь неестественно яркий, под стенами и в центре выстроились в несколько рядов блистающие автомобили.

Азазель взмахнул рукой, один мигнул фарами и послушно выкатился навстречу.

— Оба сиденья, — произнес Азазель.

Автомобиль распахнул дверцы с обеих сторон, Михаил всмотрелся настороженно, но с виду груда из металла, кожи и непонятных материалов, присутствия демона не чувствуется.

Азазель сказал понимающе:

— Михаил, мир меняется быстро. Садись.

Сам он опустил на сиденье слева, как тот дальнотбойщик, а Михаил сел уже привычно справа.

— Пристегнись, — велел Азазель, а когда Михаил только нахмурился, сам дотянулся до ремня на его стороне, обхватил им Михаилу грудь, сунул кончик вниз между сиденьями, там шелкнуло, и Михаил ощутил, что ремень не дает ему наклоняться вперед.

— Думаешь, — буркнул он, — эта ловушка меня удержит?

— Михаил, — сказал Азазель с досадой. — Как же много тебе предстоит узнать...

— И знать не хочу, — отрезал Михаил. — Дольше, чем неделю, я здесь не проторчу. Да и то, если ты не со-
врал, ты же Азазель, для тебя врать и хитрить — радость и счастье.

Азазель включил зажигание, сразу же со всех четырех сторон зазвучала громкая музыка, автомобиль легко сдвинулся с места.

Азазель начал выруливать в сторону выхода из подземного зала, Михаил проговорил с великим раздражением:

— Да останови ты эту мерзкую музыку! Или вы, демоны, без нее жить не можете?

Азазель нехотя подвигал пальцем по экрану на панели авто. Там замелькали картинки, лица пестро одетых людей с музыкальными инструментами в руках, дьявольски омерзительными даже с виду, но отвратительно визгливые звуки стали тише, а потом оборвались вовсе.

— Думаешь, — сказал он покровительственно, — мы ее придумали?.. Нет, это люди, все люди. Но интересная мысль, благочестивая музыка тоже не исчезла, хотя, честно говоря, и не развивается. Надо тебя будет завезти в какой-нибудь из храмов по дороге... Послушаешь органную, детский хор, хоралы... Ух ты, как этот гад нас подрезал!.. Люблю лихачей. Недолго живут, зато красиво.

— И в ад попадают первыми, — буркнул Михаил. — Как только по их вине гибнут люди. Или даже получают увечье.

— Это да, — согласился Азазель, — но люди любят лихость, хотя это от слова «лихо». Говорят еще «бедовый», хотя беда тоже все-таки плохо... но у людей — странные существа — это похвала.

Автомобиль пронесся по изогнутой дуге наверх, там выметнулся под открытое небо. Азазель быстро вырулил между высотных домов на дорогу, Михаил смотрел в окно

с содроганием, по обе стороны отвратительно огромный город, страшный и пугающий, дома куда выше и чудовищнее, чем Вавилонская башня, царапают плоскими крышами низко ползущие тучи, все здания с прямыми стенами, что непонятно, как только выдерживают свою исполинскую тяжесть.

Небо неприятно темное, на востоке в зловещих тучах, солнце пытается пробиться то через одну, то через другую, не получается, только в щелях на короткое время прорывается золотой блеск, а затем снова за темным занавесом плывет светлый диск.

По невероятно высокому и длинному мосту проскочили на другую сторону реки, а дальше видны еще такие же мосты, похожие на римские акведуки, только намного выше, ажурнее, сотканые из неведомых материалов, увешанные гирляндами ярких светильников, крохотных, но дающих слепящий свет.

Азазель косился на него с некоторым удивлением.

— Ты что, всего этого не видел?

Михаил пробормотал:

— Видел, но издали не так отвратительно. Сверху смотришь, как на гниющее болото, но сам высоко и знаешь, что чист.

На той стороне реки дома еще выше, везде яркие и развратно одетые люди, а когда Азазель приостановился перед перекрестком, зачем-то кивнул на светильник с тремя круглыми окошками: красным, желтым и зеленым, к автомобилю подошли две смеющиеся женщины, молодые и хорошо одетые, от них пахло дорогими благовониями.

Одна наклонилась, крикнула задорно в окошко:

— Мальчики, айда с нами в клуб!

Михаил поспешно отодвинулся, женщина в изумлении вскинула брови, Азазель сказал поспешно:

— Девушки, мой друг чистый метросексуал... или асексуал? Да-да, асексуал!

Женщина заявила уверенно:

— Я любого асексуала и даже несексуала сделаю сексуалом! Разница только в затраченном времени.

— Я быстрее, — сказала авторитетно ее подруга. — Ты слишком по старинке, а я по науке. Парниша, пойдем, угощу тебя кофе. Плачу я, не беспокойся. Обожаю ребят, которые ломаются.

Вторая хихикнула:

— Это так возбуждает!

Сзади их автомобиля нетерпеливо библикнуло, Азазель крикнул:

— Все-все, идем!

Автомобиль рванулся вперед, Михаил сказал с отвращением:

— Продажные женщины. Похоть, разврат, сластолюбие...

— Гм, — ответил Азазель, — вообще-то прав, но в одном ошибся.

— В чем?

— Мир изменился, — пояснил Азазель. — Ты не слышал о безусловном базовом доходе, верно? Продажных женщин не осталось. А эти сами могут заплатить. Любительницы съема на ночь. Кто-то ищет острых ощущений, кто-то мстит мужу, кто-то развлекается...

Михаил прошипел люто:

— Господи, почему не уничтожишь и этот город разврата, как Содом и Гоморру?..

Азазель хмыкнул.

— Пришлось бы устраивать новый потоп, таких городов тысячи. Если уж точно, то других, которых ты называл бы праведными, вообще нет.

Михаил дернулся, посмотрел дикими глазами, но смолчал, лицо Азазеля такое, что да, говорит правду и только правду.

— Кто тот ангел, скажешь?

Азазель помедлил, пожал плечами.

— Видишь ли, он успел за это время преуспеть... Открыл собственный дом моды, под его патронажем выходят новые парфюмы, изготавливаются серьги, это он придумал и ввел в моду пирсинг для мужчин.

Михаил сказал с отвращением:

— Отвратительно!.. Демон, понимаю, но чтоб так светлый ангел?

— Не суди слишком строго, — сказал Азазель. — Основная масса ангелов — бессловесное стадо, как вон ты, но лучшие возмутились, когда Творец такой прекрасный мир решил отдать не нам, а человеку.

Михаил грозно сдвинул брови:

— Лучшие?

— С их точки зрения, — ответил Азазель уклончиво. — Всевышний счел, что мы, жители Брия, и так властелины светлого нематериального мира, а в мире из грубой материи хозяевами должны быть существа из нее же...

Михаил поморщился.

— Не начинай так издалека.

— Как скажешь, — согласился Азазель. — Так вот, одни стерпели и подчинились, как вот ты, весь из долга и чести, другие выступили против в открытую, как Сатан, за что ты, как опора режима, после долгой битвы низверг его в глубины ада...

— А третьи, — прервал Михаил, — как вон ты и двести ангелов, поддержавших тебя, спустились на гору Хермон и начали жить среди людей... Хочешь сказать, и сейчас такое возможно?

— Этот сбежавший из самого рая, представляешь, преуспевает, — сказал Азазель. — Мужчины всегда хотели нравиться женщинам, но помалкивали, а когда он сумел убедить, что для этого нужно одеваться красивее, прихорашиваться, прыскаться дорогими духами и выглядеть не суровыми бойцами, а этакими женственными...

— Дрянь, — сказал Михаил с отвращением. — Нужно побыстрее его в Брию.

— Говори, — посоветовал Азазель, — на небесный суд. Здесь Брию называют просто небесами.

Михаил все еще пребывал в невеселой задумчивости.

— Насколько я слышал, ваш демон Сактуфа подбивает мужчин наряжаться и пользоваться духами, чтобы нравиться женщинам?

— Выходит, — заметил Азазель, — между ангелами и демонами не такая уж и разница. Да ты и сам знаешь.

— Сколько еще? — спросил Михаил нетерпеливо.

— Уже подъезжаем. Здесь он под именем Рафика Закирова.

Глава 3

Михаил умолк, все еще с отвращением рассматривая так не похожие один на другой районы города. Дома наверху пылают в яростном солнце, внизу тень, но, как и вчера, такое же сумасшествие цвета от ярких автомобилей, одежды женщин и даже мужчин, плакатов, призывов, рекламы и всевозможных вывесок, где помимо надписей очень искусно нарисованы красивые женщины, еда, бутылки с вином...

Автомобиль наконец замедлил ход, пробираясь между такими же, Михаил вертел головой, рассматривая перетяжки реклам над дорогой, фонарные столбы, семафоры на перекрестках дорог.

Азазель бросал короткие реплики, иногда поясняя, но еще чаще его объяснения запутывали еще больше. В центре города дома из монолитного камня, все солидные, смотрятся старинными в сравнении с торчащими в небо блистающими башнями из стали и пластика.

Михаил не заметил, как автомобиль, повинувшись баранке руля в ладонях Азазеля, прижался к бордюру и остановился, неподвижный, как придорожный валун.

За всю дорогу Михаил не слышал, чтобы в автомобиле ревело его механическое сердце, как там под ногами дальнобойщика, так и сейчас абсолютная тишина, но Азазель повернул ключ тем же жестом, словно заглушал бесшумно работающий мотор.

— В этом доме, — произнес он, не поворачиваясь к Михаилу, — на двенадцатом этаже. Видишь вон на первом витрины ювелирной ерунды? Прямо над нею строго наверх отсчитывай двенадцать окон, слева от двенадцатого еще три, плюс просторная лоджия. У него богатые апартаменты. На небесах живут поскромнее, верно?

— А ты идешь? — спросил Михаил.

— Подожду здесь, — ответил Азазель с заминкой. — Не люблю насилия. Да ты не думай, бежать не стану. От тебя не скроешься, знаю. Просто мы с ним хоть и не дружили, но как-то неловко... Будто предал.

Михаил взглянул с надменным изумлением.

— Чего-чего?.. Разве для тебя предательство не было привычным состоянием? К тому же он все еще ангел, а ты демон.

— Михаил, — ответил Азазель со вздохом. — Многое в мире изменилось.

— Ничего не изменилось, — отрезал Михаил.

— Это в твоём не изменилось, — произнес Азазель. — Думаю, по замыслу Творца там и не должно ничего меняться. Главное, во что ты пока не поверишь, происходит по его замыслу здесь...

Михаил, не дослушав этот бред, вышел из автомобиля, негромко хлопнув дверцей. Дом богатый, солидный, выстроен в чуточку консервативном стиле, даже с небольшой чугунной оградой и просторной стоянкой для автомобилей, хотя в таких домах для каждой квартиры предусмотрен подземный, как говорит Азазель, гараж.

Консьерж приоткрыл окошко.

— Простите...

— Я к господину Закирову, — ответил Михаил солидно, как и инструктировал Азазель. — По делам бизнеса.

Он перехватил оценивающий взгляд на свои часы в корпусе из дорогого металла и с россыпью бриллиантов, на свисающее с шеи украшение с крупным бриллиантом, на костюм, даже сам Михаил ощутил, что смотрится в этом мире уверенно и солидно.

— Проходите...

Красный огонек сменился зеленым, а решетка моментально запрыгнула обратно в щель. Михаил направился к лифтовому ряду, там тут же приглашающе открылись двери ближайшего.

В лифте с двух сторон в потолке видеокамеры, словно одной недостаточно, домовый комитет подчеркивает заботу о солидных жильцах. Михаил хмуро подумал, что и такие мелочи он уже понимает, хотя все ускоряющуюся жизнь людей изучить досконально даже не пытался.

На нужном этаже остановился перед дверью, с той стороны доносится громкая музыка, игривый женский смех, голоса, поднял руку, намереваясь постучать, но задержался, вспомнив того человечка в здании аэровокзала и его семь бед — один ответ.

Четыре всплеска или пять — какая разница, особенно если этот всплеск будет совсем крохотный, почти незаметный.

Он вздохнул и прошел сквозь дверь, обращая на нее внимания не больше, чем на струйку теплого воздуха, и сразу чуть не оглох от дикого рева того, что сейчас считается музыкой.

Его передернуло от омерзительного зрелища пьяных развратных женщин на диване, почти голых, что смеются и передают друг другу бутылку с вином.

— Где хозяин? — спросил он.

Одна из женщин махнула рукой.

— Он еще там, в спальне... С Виолеттой.

Михаил двинулся деревянными шагами в ту сторону, дверь в спальню распахнута, но ему пришлось посторониться, оттуда вышла совершенно обнаженная женщина, посмотрела в его глаза, рассмеялась весело и зовуще:

— Красавчик, ты опоздал... Но, может быть, чуть позже... совсем чуть-чуть...

Михаил все еще ошалело переступил порог, с кровати только-только поднимается толстый мужчина с отвисшим пивным животом, помятый и с всклокоченными волосами.

— Ну и штучка, — сказал он, но устоялся на Михаиле, сказал сразу протрезвевшим голосом: — А ты кто?

— Пора расплачиваться, — ответил Михаил жестко.

— Мне расплачиваться? — спросил мужчина. — За что?

— Ты Закиров? — уточнил Михаил.

— Да, — ответил мужчина. — Даже голый я все равно Закиров!.. А ты кто?

Михаил ответил ровно:

— Кое-что пришел взять.

— Что? — вскрикнул Закиров. — Ту гребаную эллинскую вазу?.. Так я ее честно купил у антиквара!.. Пусть и без всяких бумаг, но кто хочет платить лишние налоги?

Михаил покачал головой.

— Вазы меня не интересуют. За тобой грешки побольше...

— Щас я тебе предъявлю все бумаги, — сказал Закиров, он повернулся к тумбочке у кровати, выдвинул ящик, Михаил видел, как туда скользнула его рука, а через мгновение хозяин развернулся уже с пистолетом в руке, который сразу направил в грудь Михаила.

Михаил остался на месте, а тот вздохнул с облегчением, на лице появилась довольная усмешка.

— Не знаю, — сказал он, — как ты прошел, но здесь и останешься.

Михаил посмотрел на него с жестокой усмешкой.

— Вижу, — сказал он холодно, — ты совсем потерял нюх. А когда-то считался сообразительным.

Закиров дернулся, глаза расширились в испуге.

— Ты о чем? Я ничем не занимаюсь! И ни в чем не замешан!

— Замешан, — заверил Михаил. Он дотянулся до двери, захлопнул ее за собой, рев музыки стал намного тише, хотя полностью не утих. — Не знаю, как долго ты здесь, но все же выдал себя...

Тот воскликнул:

— Чем выдал?

— Не знаю, — ответил Михаил, — да и важно ли это?.. Я ощутил неладность. Там ощутил, ты же понимаешь, о чем я. И откуда я. Потому и твой пистолет, Теоганель, меня остановить не может. И вообще ничто здесь, в этом мире.

Теоганель некоторое время смотрел непонимающе, затем лицо исказилось в ужасе. Пистолет дернулся в его руке, осечка, еще одна, еще... Теоганель побледнел.

— Теоганель, — произнес Михаил, — ты в самом деле опустился...

Теоганель, уже смертельно бледный, отпрыгнул, как от огня, прижался спиной к старинному книжному шкафу, пистолет все еще держит перед собой на вытянутых руках, но понял наконец и в горестном жесте беспомощности опустил стволom вниз.

— Ты... тот самый...

Михаил сказал без особого интереса:

— Кто? Меня кем только не называли с обеих сторон. Все еще не узнал?..

— Трудно поверить, — прошептал Теоганель, — что за мной явился сильнейший из архангелов, сам верховный стратиг небесного воинства...

— Вообще-то я не за тобой, ничтожество, — сказал Михаил безжалостно. — Но и ты пойдешь на суд.

Теоганель вскричал:

— Михаил! Какое же это нарушение? Вспомни, однажды Творец сам разрешил ангелам спуститься на землю и пожить среди людей, чтобы лучше узнать его творение... Двести ангелов сошли с бунтующим Азазелем на гору Хермон! И жили там, брали в жены земных женщин...

Михаил произнес холодно:

— А чем закончилось? Наплодили таких чудовищ, что Творец вынужден был смыть все это непотребие всемирным потопом!

Теоганель сказал торопливо:

— Но были сделаны выводы, Михаил!.. Мы уже давно здесь, а где ты видишь чудовищ?

Михаил дернулся, словно попал под удар Божьего Гнева.

— Мы?

Теоганель поспешно выставил перед собой руки:

— Это в переносном, переносном! Я говорю вообще, мы же присутствуем в этом мире, хоть и не присутствуем!.. И если кто-то еще такой отыщется, в чем сильно сомневаюсь, то никто ни с кем не сговаривался!.. Мы же знаем, такое рано или поздно привлечет внимание твое или всеслышащего Хокмы!

Михаил покачал головой.

— Что-то мне кажется, — произнес он нещадно, — ты не оговорился.

— Михаил! — воскликнул Теоганель. — Клянусь... но если не веришь, я весь перед тобой раскроюсь...

Михаил отмахнулся.

— Верю-верю, не знаешь. Вернее, вижу. Что ж, возвращаю тебя обратно. А там решат, как тебя наказать за такой тягчайший проступок.

Он протянул руку.

— Во имя Творца...

Вспыхнул чистейший свет первого дня творения, Теоганель инстинктивно вскинул голову, словно там откроется портал, но свет исчез, как и сам Теоганель.

Михаил поморщился. Теоганель слишком долго жил здесь, Брия не выше, как думают люди, не ниже и не где-то еще в стороне или в параллельности. Этот мир здесь, Асия в нем, как сама Брия в Иецире, а тот в Ацилуте, но только из Ацилута видно все четыре мира, как из Брии видно только Асию, а в Асии никого не видят, кроме себя.

Он вздохнул, почти без усилия возник на сиденье автомобиля, вздрогнул. Азазеля нет, хотя тот самым искренним тоном заверял, что будет ждать его здесь.

Пока лихорадочно раздумывал, что делать, дверь парадного распахнулась, на площадку вышел Азазель, на ходу укладывая в сумку на боку небольшую металлическую коробочку.

Михаил ждал, автомобиль услужливо распахнул в ожидании хозяина дверцу. Азазель вприпрыжку спустился по ступенькам крыльца, зашел слева и с довольным видом опустился на сиденье.

— Все, — сказал он с довольной усмешкой, — можно и обратно.

Михаил спросил подозрительно:

— А ты что делал?

Азазель усмехнулся, что не понравилось Михаилу, слишком уж покровительственно.

— Подчищаю за тобой.

Михаил ответил строго:

— Он отправлен в Брию вместе с телом, что исчезнет по дороге. Никто ничего не найдет.

— Да? — спросил Азазель все так же свысока. — Ты всемогущ, но...

— Всемогущ у нас только Творец, — строго напомнил Михаил.

Азазель кивнул.

— Да-да, конечно. Любишь ты изрекать аксиомы! Или это лемма?.. Сири, давай гони домой, но перед видеокамерами притормаживай. Михаил, тебе щас или лучше потом разжевать? Тебе же надо пояснять на пальцах, ты же умный, только так и поймешь.

Михаил без охоты потянул на себя ремень, пристегнулся, чувствуя удовлетворение, что сумел попасть металлическим язычком в пряжку с первого раза.

— Ну?

Автомобиль плавно сдвинулся с места и пошел по шоссе, быстро набирая скорость и обгоняя другие автомобили.

— Как прошло? — спросил Азазель в ответ.

Михаил нахмурился, нельзя позволять демону дерзить архангелу, но тот помогает, потому ответил, хоть и без охоты:

— Ты был прав. Там обитал Теоганель, некогда могучий ангел.

— И как он?

Михаил повел плечами.

— Думаешь, хотел возвращаться? Там его ждет строгий и праведный суд равных ему ангелов.

Азазель спросил быстро:

— В комнате разгром?.. Думаю, вспышку света заметили по всему кварталу! Ты и не подумал как-то скрыть?

Михаил сказал надменно:

— Я был послан сюда найти тебя. Но отыскал еще более опасного преступника, потому моя задержка оправданна.

— Ого, — сказал Азазель с ноткой обиды. — Неужели он опаснее?

— Ты демон, — огрызнулся Михаил, — был и остаешься врагом, а он был светлым ангелом! Он поправ все, что можно было поправить и чего поправить было нельзя. Потому такое от небес зачем скрывать?

— А от людей? — спросил Азазель зло. — Никто не должен зреть работу сверхъестественных сил! А такая вспышка... с ума сошел? Надо было скрыть.

Михаил буркнул:

— Какая разница? Свет есть свет.

Азазель посмотрел на него свысока, даже стал выше ростом и, как показалось рассерженному Михаилу, обязательно распустил бы павлиний хвост пошире и повыше, если бы обзавелся.

— Эх ты... римлянин! Свет первого дня творения — это не свет от электрической лампочки! Кто-то из землян мог заинтересоваться необычным спектром... Правда, не сейчас, когда идет последняя пятнадцатиминутка матча «Француз» против «Габая»...

— Ничего не понял, — отрезал Михаил резко. — Ты можешь яснее?

Азазель сказал с подчеркнутой скукой, словно общается с полнейшим идиотом и с удовольствием дает ему понять, что тот идиот:

— Ты очень могуч, но оторвался от реалий. О видеокамерах слышал?.. Вот-вот, вижу по твоему красивому мужественному лицу, что все еще на уровне римского легионера... ладно-ладно, пусть центуриона или даже легата. Тут эти с интеллектом римских консулов с отбойными молотками воюют со старым асфальтом, а центурионы орудуют с метлами...

Михаил сказал резко:

— Не распускай хвост! Что не так?

— Теперь записывается, — пояснил Азазель, ничуть не обидевшись, настолько чувствовал свое превосходство, — вход в каждый дом, магазин или на парковку!.. А в домах тем более. Я даже не стал проверять, есть ли в квартире Теоганеля установленные видеокамеры. Наверняка есть! Потом просматривают, роняя слюни.

Михаил сказал настороженно:

— Хочешь сказать, кто-то из людей мог видеть, как я отправлял его через портал? Святое сияние?..

Азазель ухмыльнулся.

— Не хотелось, чтобы кто-то увидел?

Михаил взглянул в упор.

— Чему радуешься?.. Мне совсем не нужно, чтобы люди заинтересовались. Все должно идти так, словно в мире нет ни ангелов, ни демонов. У тебя есть решение?

— Уже решил, — напомнил Азазель. — Тебя где посадить?

Михаил подумал, пожал плечами.

— Лучше к тебе, у меня много вопросов. Да и вообще... Зря я тебе дал эту неделю. Теперь и мне торчать здесь эти семь дней.

Азазель вскинул в изумлении брови.

— А кто мешает вернуться на небо, а через неделю явиться?

Михаил поморщился.

— А сейчас вернуться с пустыми руками?..

— Но ты им дал Теоганеля!

— Верно, — нехотя признал Михаил. — Но все же лучше вернуться с тобой. Так буду чувствовать, что выполнил все.

— Ах да, ты же образцовый служака. Давай заглянем вон в тот бар впереди. Там всегда можно поговорить спокойно.

Глава 4

Михаил смолчал, только кивнул нехотя. Азазель не хочет везти его к себе, что и понятно, а в бар так в бар, демону виднее, он здесь жил неизвестно сколько дней, недель, а то и лет.

— Сири, — сказал Азазель, — давай по дороге в бар!.. Только в бар, а не в бордель, а то тебе все время что-то чудится.

Автомобиль на ближайшем перекрестке резко свернул, пронесся по переулку, затем выкатил на параллельную улицу и погнал по ней, останавливаясь только перед красным огнем светофора.

— Вообще-то, — сказал Азазель с таким самодовольством, что даже щеки округлились, — можно сказать, я тебя спас. Разрешаю в благодарность хоть и не целовать меня ниже спины, как стоило бы, но должок припомню... В общем, всплеск многие ощутили, это точно, но из людей никто не увидел и не увидит.

Михаил вздохнул с облегчением.

— Сволочь ты, но... хорошо, что сумел.

— Трудно тебе придется без меня, — заметил Азазель. — Ты же не знаешь реалий!..

— Не придется, — ответил Михаил сурово. — Забираю тебя через неделю, и возвращаемся обратно.

Азазель вздохнул, лицо его помрачнело.

— Воля твоя. Мне казалось, все же задержишься дольше.

— Зачем?

Азазель пожал плечами.

— Ты уже понимаешь, я здесь не один. Еще больше сбежавших из ада. Но на мой взгляд, хуже всех все же нефилимы.

Михаил дернулся.

— Нефилимы? Разве Творец не стер их всех с лица земли всемирным потопом?

— Стер, — подтвердил Азазель. — Но ты же помнишь, откуда взялись те существа? Ну вот тебе и ответ. Даже ты можешь понять при некотором усилии мозговых бицепсов.

Автомобиль начал сбрасывать скорость и красиво подкатил к бордюру. Михаил отстегнул ремень, но прежде чем выйти, поинтересовался:

— А как ты сделал, что никто не увидит?

Азазель фыркнул:

— Да способов десятки. Просто вырубил подачу света во весь дом.

— Света?

— Электричества, — уточнил Азазель чутьчку раздраженно. — Простой народ называет его светом. То есть молится за победную поступь прогресса! В полдень есть свет или нет, не так важно для освещения, но камеры отключаются... Сири, вон к тому бару! Сама выбери место поближе ко входу! Можешь на служебную, штраф уплачу.

Михаил поинтересовался:

— Штраф? Это значит, нарушаешь?

— По мелочи, — заверил Азазель. — Кстати, Михаил... там наверху мое имя не упоминай, ладно?

Михаил ответил с легким презрением:

— Да, конечно. Хотя не понимаю, это же небесного ангела поймали на преступлении! Почему тебе не понаслаждаться, что приложил руку к его низвержению в ад?

Азазель ответил с некоторой запинкой:

— Да просто... не упоминай, вот и все. Считай, что я как бы скромный. Красивый, нарядный и такой весь из себя скромняга.

Когда вышли, Азазель через пару шагов вскинул руку над головой, раздвинул пальцы и сделал в воздухе короткий и по-азазелевски небрежный жест.

Михаил оглянулся, автомобиль Азазеля пискнул, мигнул фарами, внутри него свет сменился тьмой, и весь затих так, словно умер.

— Это что было? — спросил Михаил настороженно.

Азазель вздохнул.

— Ты когда последний раз был на грешной земле?

— Она всегда грешная.

— Не вилай, — сказал Азазель раздельно и четко, — когда был на земле в прошлый раз?

— Недавно, — ответил Михаил. — Во времена императора Траяна.

— А-а-а, — сказал Азазель с сарказмом, — ты прав, это же прямо вчера! А то и сегодня утром, если по галактической шкале. Вот если бы во времена Цезаря или когда Рем убивал Ромула...

Михаил нахмурился: этот грешник упивается своим превосходством, даже забыл, что через семь дней ему либо в ад, либо предстанет перед небесным судом из суровых и непорочных ангелов, у которых не бывает снисхождения к провинившимся.

— Изменилось много, — согласился он. — Города стали огромными, колесницы бегают без лошадей.

Азазель прервал:

— Это все ерунда! Увидишь, как изменилась мораль... Хочу посмотреть, как тебя перекорежит. От счастья, разумеется. Мечты сбываются! Мужские мечты. Правда, женские тоже, только женщины еще не сообразили, что их бесстыдно надули.

— Ты о чем?

— Увидишь, — пообещал Азазель.

У входа толпятся группы веселой хохочущей беспечной молодежи. На них двоих почти не обратили внимания, только две-три женщины оглядели с ног до головы оценивающе, но ничего не сказали, продолжая щебетать между собой на своем птичьем языке.

Михаил прошел вслед за Азазелем под светящейся аркой в зал, где столиков совсем немного, пространство отдано под танцы, только под дальней стеной длинная барная стойка с высокими табуретками с этой стороны, а с той жонглирует бутылками высокий и картинно мускулистый бармен с голыми плечами, где замысловатое тату в виде драконов уходит далеко под одежду.

Азазель повел к стойке бара, Михаил сел по его жесту, бармен взглянул с вопросом в глазах.

— Два «манхэттена», — сказал Азазель. — Я консерватор... Михаил, не раздумывай, пока отравить тебя не в моих планах.

— У тебя есть на меня планы?

— Еще бы, — сказал Азазель обиженно, — как и на мировое господство!.. У меня на все есть планы, как вон на тех двух цыпочек... Как они тебе?

Михаил залпом выпил коктейль, бармен по знаку Азазеля тут же начал готовить снова, уже что-то попроще и, судя по виду Азазеля, покрепче.

— Не интересуюсь, — ответил Михаил сухо, даже не посмотрев в ту сторону.

— Это зря, — сказал Азазель, — тогда, может, возьмем с собой пару сосудов нечистот?

Михаил поморщился.

— Женщин, что ли?

— Ну да, — сказал Азазель проникновенно. — Учти-тай, ты теперь в теле человека. А судя по его характеристикам, он был достаточно активным и в этом плане.

— Ни за что!

Азазель пожал плечами.

— Дело твое. Но у тела свои запросы, ты, конечно, победишь, но столько сил потратишь, что мама не горюй. Уговорил?

— Нет, — отрезал Михаил. — А этот скверный напиток я глотаю для того, чтобы доказать тебе, мне эти соблазны неинтересны!

Бармен отвернулся, пряча усмешку, Азазель наклонился к уху Михаила и сказал тихонько, указывая взглядом на девушек поблизости:

— А давай, чтобы тебе стало стыдно, скажу, что вон та, с рыжими волосами, которую ты назвал сосудом греха и порока, работает в двух местах, чтобы содержать прикованную к постели престарелую бабушку? А еще на ее попечении младший братишка, за которым она присма-

тривает и которого воспитывает в спортивно-милитаристском духе!

Михаил буркнул:

— А родители?

— Отец то ли бросил давно, — пояснил Азазель, — то ли его и не было официально. Мать спилась, за воровство попала в тюрьму. Вот девочка и крутится изо всех сил. За месяц это у нее первый выходной, подружки вытащили в бар, где сами тусуются каждый вечер.

Михаил сказал упрямо:

— Но это распутство! Гнусно и мерзко вот так следовать зову презренной плоти!

Азазель сказал со вздохом:

— Михаил... Люди всегда боролись с зовом плоти. Как-нибудь прочти о великих аскетах... Всю жизнь боролись и побеждали, побеждали, побеждали. Правда, ничем другим не занимались, потому что бороться с зовом плоти очень трудно, он никогда не умолкает и не сдается, но боролись и побеждали.

— Так это прекрасно! По этому пути и нужно было.

Азазель поморщился.

— погоди. Ты не понял, они больше ничего не делали! В конце концов другие люди нашли путь поумнее. Чтобы не бороться изо всех сил, причем — постоянно бороться!.. — додумались поддаваться зову плоти, а потом, насытив ее, занимались делом. Сейчас вообще зов плоти ничего не стоит, представь себе. Насытить легко и просто, а потом можно с чистым разумом решать дифференциальные уравнения и читать «Критику чистого разума» Гегеля.

Михаил сказал с великим отвращением:

— Это еще хуже!.. Я понимаю, человек слаб и может поддаться зову плоти, но затем должен быть полон стыда, раскаяния и отвращения к себе за такое падение...

— Да брось, — сказал Азазель. — Как будто у него дел больше нет. Работать надо, а не!.. Сейчас поддаться зову

плоти совсем не стыд и не преступление, а мелкая физиологическая необходимость, вызванная некими процессами в организме. Настолько мелкая, что ей совсем не придают значения, что так хорошо для мира и прогресса в технологической сфере.

— Почему в этой... сфере?

— Самая важная, — ответил Азазель. — Потом как-нибудь объясню, а сейчас нам нужно выпить еще и снять баб.

— Ни за что, — отрезал Михаил.

Он повернулся спиной к женщинам, но не помогло, через пару минут с другой стороны подошли две молодые и яркие, как тропические бабочки, роскошные, на Михаила пахнуло волной изысканных духов.

— Мальчики, — прошептала одна, — не хотите купить дамам по коктейлю?.. Нет? Ну тогда мы вам купим.

— Но за это изнасилуем, — пообещала ее подруга, с виду совсем юная и ярко покрашенная. — Но так... по-немножку. Вы же слабые.

Михаил молча встал и направился к выходу. Азазель сказал со вздохом:

— Ревнует... но как-нибудь в другой раз, обещаю.

Он догнал Михаила уже на улице, автомобиль ожил, мигнул фарами и, подкатив ближе, распахнул обе дверцы.

Глава 5

В квартире Азазеля Михаил с порога окинул взглядом просторные апартаменты, только сейчас обращая на нее внимание, раз уж придется здесь дожидаться конца недели.

Воздух свежий и чистый, в отличие от уличного, идет со стороны странного блестящего ящика на стене. Из этой комнаты, что явно служит прихожей, ведут арочные проходы без дверей сразу в три стороны, кухня угадывается слева, а дальше комнаты то ли для отдыха, то

ли, зная Азазеля, для развратных и порочных утех, таких привычных демонам и всему их нечистому миру.

Азазель прошелся по комнате, у дальней стены красиво повернулся к Михаилу с раскинутыми руками.

— Обстановка? Да, неплохо устроился. Несколько комнат, студия наверху, есть бильярдная и спортивный зал... Что так смотришь?.. Теперь если нет спортивного зала, то ты как бы вне круга уважаемых людей. Раньше обязательным атрибутом была богатая личная библиотека, потом бильярдная, а теперь вот спортивный зал с машиной Смита и его же скамьей, набором разборных гантелей, и олимпийская штанга. Конечно, пара штанг с W-образным грифом, надо быть в тренде.

Михаил скользнул взглядом по всему этому суетному миру без интереса, подошел к одиноким книжным полкам. К его удивлению, большинство книг по богословию, теологии, ежегодники Папской Академии наук, труды отцов церкви. Все изданы очень богато, в кожаных переплетах, золотое тиснение, на некоторых и вовсе серебряные застёжки и замочки.

— Есть инкунабулы, — похвастал Азазель. — Нет, ценю не за древность, там поменьше искажений и полного вранья, так характерного для каждого следующего издания. Религия всегда была политикой, а когда церкви начали ускользать из-под черных крыльев Ватикана, то у них вообще пошли свои объяснения всему на свете.

Михаил поинтересовался с иронией:

— Что же ты так под старину? Сейчас, насколько я заметил, мир весь из отвратительного... как его, пластика?.. и блестящего металла.

Азазель развел руками.

— Многие люди свои квартиры обставляют примерно так, как у меня. Это успокаивает. В старине все понятно, там заботливая бабушка с пирожками, а современ-

ность пугает неизвестностью... Но на самом деле у меня хай-тек везде, а старина — лишь видимость. Шкурка. Мы, действительно состоятельные люди, не выставяем хай-тек напоказ.

В комнату вкатилась металлическая полусфера в диаметре с сиденье стула, покрутилась вокруг ног Михаила, пройдясь щеточкой по его ботинкам, и унеслась в другую комнату.

— Пылесос, — пояснил Азазель, — заодно и сторож. Садись вон там, кресло мягкое, стол близко. Можешь забросить на него ноги, ангелы все наглые.

Михаил нахмурился, но кресло, на которое указал Азазель, действительно в самом стратегически важном месте, откуда и обзор лучше, и стол рядом.

— Вино, — сказал Азазель, едва Михаил с осторожностью опустился в кресло, — коньяк, ром, виски, коктейли... кофе?

— А чай? — спросил Михаил.

Азазель изумился.

— Ты пьешь чай?

— Нет, — ответил Михаил, — но уже слышал, что кофе и чай что-то близкое.

— Ничего подобного, — отрезал Азазель. — Кофе — это кофе! Его пьют настоящие демонические демоны, а чай... даже и не знаю. Ангелочки, наверное?

— Значит, чая у тебя нет?

— И в помине!

Михаил сказал равнодушно:

— Тогда все равно. А соки есть?

— Яблочный устроит? — спросил Азазель. — Прекрасно. А еще пирожные у меня поистине ангельские. Нежнейшие, воздушные, лакомейшие... Хотя можно забросить в желудки что-то и понадежнее. А то ты еще не знаешь, что людям нужно есть... а то и жрать...

Михаил буркнул:

— Чувствую. И как ты живешь в таком?

— Уже которую тысячу лет, — сообщил Азазель хвастливо. — И все больше нравится.

— Позор, — сказал Михаил твердо.

Азазель повернулся в сторону кухни.

— Сири, приготовь нам... два ломтя телятины, если мой гость ест мясо, а то вдруг он презренный веган, хотя с такой мускулатурой, гм... Михаил, как насчет мяса?.. Могу рыбу, в холодильнике две цельных горбуши... рассказать тебе, что такое холодильник?.. а про горбуш?.. могу яичницу, получена без крови животного...

Михаил отмахнулся.

— Здесь, на земле я по людским законам.

— Прекрасно, — сказал бодро Азазель, — попируем!.. Сири, да открой наконец окна!.. Люблю вид на город в ночи...

Шторы, отодвигаемые незримыми руками, поехали в стороны. Михаил ощутил холод по всему телу, за окном нечто ужасающее: не дома, а поставленные стоймя друг на друга светящиеся пчелиные соты, высокие настолько, что не сосчитать этажи, и только верхушки делают их разными, где-то плоские, но чаще с острыми шпилями, грозящими небу.

Далеко-далеко внизу светящиеся линии дорог, удивительно прямые, хотя теперь понятно, почему: колесницы этого века носятся с такой скоростью, что на поворотах просто вылетят за обочину.

А небо абсолютно черное, звезды совсем редкие, даже луна висит бледная, наполовину скрытая нечистым воздухом большого города.

— Мерзко, — произнес он и отвернулся, — лучше шторы задернуть и никогда не раздвигать.

— Сири, — велел Азазель, — задерни окна, а то у меня гость больно нервный и пугливый, как тамбовский заяц.

— Но-но, — сказал Михаил. — Полегче. Мне просто неприятна эта мерзость. Для тебя, понимаю, это не мерзость, ты и хотел быть среди людей и человеков.

— Это любимое творение Господа, — сказал Азазель елейным голосом. — Но ты, конечно, против Творца?

Михаил нахмурился.

— Он знает, кто за, а кто против, так что зубы не заговаривай.

Он отошел от окна подальше и сел к нему спиной на просторный и длинный диван из темно-красной кожи.

Азазель открыл дверцу шкафчика на кухне, оттуда мощно пахнуло жареным мясом и специями. Михаил сглотнул слюну, тело напоминает, что его нужно кормить, уже нацелилось хватать, жевать, проглатывать, человек такой же хищник, как и те, которых пожирает.

На кухне замигали огоньки, мелодичный голос доложил, что готов и пирог, но Азазель буркнул:

— Подержи пока, не давай остыть.

С подносом в руках он подошел к столику у дивана, Михаил приподнялся и помог переставить на столешницу из толстого стекла две большие тарелки и две поменьше. На больших исходят одуряющими ароматами блестящие от горячего сока жареные тушки крупных птиц, а на меньших высятся горки шариков из запеченного мяса в поджаренном тесте.

— Начали, — велел Азазель и, взяв тушку жареной птицы, разорвал пополам.

Облачко пара охватило Михаила, он не успел глазом моргнуть, как его руки уже ухватили ту, что на его блюде, и, выдрав толстую культипку, поднесли ко рту.

По пальцам потек горячий сок, он непроизвольно слизнул, услышал довольный хохоток Азазеля, но уже не обращал внимания, а с наслаждением пожирал это нежнейшее белое мясо, вкусное и пропитанное сладчайшими ароматами.

Азазель насыщался молча и почти с таким же удовольствием, поглядывал, как наслаждается Михаил, а тот, утолив первый голод, продолжил поглощать пищу уже не так торопливо, даже посмотрел с подозрением на Азазеля.

— А ты почему ешь так мало?

— Напировался, — сообщил Азазель скромно. — Нет-нет, я чувствую удовольствие и отличаю изысканное от просто вкуснятины, но не впадаю в грех чревоугодия, к которому ты так близок.

Михаил задержал ломоть жареного мяса у рта.

— Что-что?

— Шутка, — сказал Азазель. — Но я вообще-то человек... что так смотришь?... я человек во всем умеренный. Ну почти человек. И всегда им был... если не считать период вседозволенности, когда мы, молодые и дерзкие, сошли на гору Хермон и готовились показать всему миру, как надо правильно...

— Показали, — буркнул Михаил. — Из-за вас пришлось всемирным потопом очищать всю землю.

— Согласен, — ответил Азазель, — мы наломали дров, но я сделал выводы. И прежние ошибки не повторяю.

— А новые?

Азазель посмотрел ему в глаза жутким немигающим взглядом.

— Ты ешь, ешь, а то остынет. Время покажет, ошибки они... или что-то другое. Обрати внимание вот на эти легкие блюда из птичек. Их вкушают после тяжелого мяса. Я, кстати, мясо вообще не стал готовить, ты непривычен, а птица здесь мясом не считается. Смотри, какая нежная... К ней вот эти вина, тоже полегче. Не красные, не белые, а вполне трансгуманистические...

Михаил хотел было отказаться, но рука как будто сама по себе потянулась за одуряюще пахнущими комочками, лоснящимися соком, пальцы ухватили, и вот он уже снова жует с наслаждением...

Ну что я за животное, мелькнуло в сознании, а как же другие, что еще слабее?

Азазель, что наблюдал за ним с сочувствием на лице, заметил словно невзначай:

— Тебе через семь дней возвращаться в Брий, соблазны отпадут сами собой. Потому не старайся противостоять уже сейчас. Зато будешь знать опасные ловушки этого мира.

Михаил буркнул недовольно:

— Это не я. Это моя презренная плоть требует.

— Ты ее скоро оставишь, — согласился Азазель. — К счастью и для тебя.

— Почему?

Азазель вздохнул, покачал головой.

— А сам как думаешь? Ты же великолепен!.. Чтобы не засветиться, воплотился на другой стороне планеты... Потом отъехал от той точки на попутке, а затем еще один всплеск поля — и ты здесь?

Михаил пробормотал настороженно:

— Примерно так. А что?

Азазель покачал головой.

— Ты еще и прекрасен. Все бы так умело прятали следы!.. Сыщики бы умерли с голоду.

— Не понимаю сарказма, — сказал Михаил сердито. — В конце концов, какой смысл скрывать? Забираю тебя, тут же исчезаем! Что не так?

— А люди? — спросил Азазель. — Ты не представляешь, какие у них теперь совершенные методы слежки и обнаружения!.. Ты когда последний раз был на земле, во времена фараонов?

— Римской империи, — буркнул Михаил. — Уже говорил. А что, разве Рим не вечен?

— Ничто не вечно, — сообщил Азазель кратко. — Как и сама вечность.

Со стороны кухни пропикало, милый женский голосок доложил:

— Сдобный пирог «Император Востока» тоже готов...

— Спасибо, Сири, — ответил Азазель. — Ты такая заботливая. Выходи за меня замуж?

Женский голосок невидимой Сири ответил рассудительно:

— Мы еще недостаточно хорошо друг друга знаем, а я девушка скромная и целомудренная. Да и закон еще не принят.

— Как так? — спросил Азазель. — Я слышал, приняли месяц назад!

— Нет, только на рассмотрении...

Азазель горестно вздохнул, а Михаил еще раз осмотрелся.

— Что за демон, которого не могу увидеть?

— Так тебе и надо, — сообщил Азазель. — Ладно, остынь. Это реалии мира людей, который мне нравится все больше.

— Отвратительный мир, — буркнул Михаил. — Еще хуже того, который Создатель в праведном гневe снес потопом с лица земли.

Азазель поднялся и неспешно сходил на кухню, что составляет одно целое с этой огромной гостиной. Пирог принес на огромной и широкой доске, похожей на сандаловое дерево, но вообще, как заметил Михаил, не из древесины.

Михаил помог установить на середину стола, Азазель воткнул нож, из разреза чвиркнуло горячим мясным соком. Запах ударил в ноздри Михаила с такой силой, что он снова ощутил себя голодным.

Азазель разрезал крупными ломтями, Михаил ухватил ближайший, ладонь ощутила приятную горячую тяжесть, а зубы тут же впились с таким неистовым наслаждением, в которое он минуту назад ни за что бы не поверил.

Азазель пробормотал с набитым ртом:

— Люди умеют поесть... Целая культура вокруг культуры еды выросла!..

— Чревоугодие, — отозвался Михаил невнятно, — это нехорошо.

— Нехорошо, — согласился Азазель, — если чревоугодие. А если культура? Понимаешь, культ еды и культура еды вроде бы схожи, особенно для такого умного, как ты, для солдат вообще нет разницы, они все жрут, а не вкушают, но на самом деле это две большие разницы, а то и три, хотя вообще-то разница бывает только одна, но ты не бери в голову, ешь, голова у солдат для того и выросла.

Глава 6

Михаил со стыдом ощутил, что съел уже два больших куска этого неподобного пирога и тянется за третьим, ужас какой, неужели плоть имеет такую власть, что ей ничем не противостоять? — от этой ужаснувшейся мысли даже волосы ошетинились, как при смертельной опасности.

— Это что же, — спросил он осевшим голосом, — все так плохо?

Азазель ответил с оптимизмом:

— Ты что? Напротив, все прекрасно и удивительно!

Михаил сказал с мукой:

— Как это может быть прекрасным, когда все человечество оказалось в миазмах греха! Хотя бы в лапах этого вот отвратительнейшего и такого... такого зовущего чревоугодия, а оно еще, как предполагаю, не самый худший грех!..

— Скажи еще, — сказал Азазель с иронией, — погрязло.

— Погрязло!

— Оно всегда было в грехе, — сообщил Азазель потрясающую новость, — я говорю о человечестве. Но ког-

да удалось разделить плоть и душу, у людей появился шанс... Так что, знаешь ли, мудрый пророк Иисус был прав, когда сказал, что одна вставшая на путь исправления блудница для него ценнее сотни девственниц. Понимаешь ценность блудницы, что живет среди блуда в блудо-блудящем мире, но находит в себе силы встать на путь очищения и целомудрия души?.. Еще не врубаешься?..

— Нет, — отрезал Михаил. — Мне отвратительно слышать вообще о блуде!

— Давай поясню, — сказал Азазель покровительственно. — На пальцах, для доступности, ты же командующий небесного легиона, стратег, тебе нужно попонятнее, как любому военному. Особенно крупному.

— Ну-ну, не прыгай в сторону!

Азазель произнес покровительственно:

— В общем, и среди блуда можно не блудить, хотя и трудно. Это первое. Второе — сумевший отказаться от блуда в мире блуда получает закалку, иммунитет, защиту от блудовства. А это значит, если в Содоме Всевышний не мог найти десять праведников, то теперь в любом из этих современных городов их уже сотни, тысячи!.. Вот еще одна причина, почему сейчас тот вариант с потопом немислим.

— А блудящих? — спросил Михаил угрюмо. — Сколько здесь блудящих?

— Миллионы, — ответил Азазель небрежно, — но их можно не считать. Мир держится, сам знаешь, не на слабых, хоть их всегда и везде больше. Мир стоит на праведниках!.. Ты ешь, вон еще кусочек остался. Доедай, а сейчас перейдем к «Императору Востока». Это уже десертный пирог, без всякого мяса, рыбы и даже птицы.

Михаил покачал головой.

— Все, в меня уже не влезет.

— Ха, — сказал Азазель, — а представь себе, что твой желудок переполненная церковь, где идет служение Го-

споду!.. И вот приходит градоначальник... и что, ему не дадут места? Да потеснятся, и он войдет!.. Вот и представь себе, что этот кусочек тоже градоначальник... Давай, во славу Господа!

— Какой градоначальник? — спросил он в непонимании.

Азазель отмахнулся.

— Да какая разница? Князь Потемкин, Каганович, Гришин или Собянин... Лишь бы место ему дали.

Продолжая уговаривать, он принес и второй пирог, пышный, белый, с высоким горбиком, аромат совсем другой, Михаил потянул ноздрями и понял, что снова поймался, желудок беспокойно заворочался, начал ужимать предыдущую добычу, стараясь расширить место для новой, словно за градоначальником явится еще и губернатор.

— Хорошо ты здесь устроился, — буркнул он. — Теоганель брякнул, что он здесь не один... Как думаешь, пытался увести в сторону или проговорился нечаянно?

Азазель вскинул руку над головой.

— Сири, две большие чашки кофе... Не спорь, свиненок, нам можно и на ночь... Михаил, не хочу тебя расстраивать, а то не сумеешь справиться с этим «Императором»... но ситуация... как тебе сказать...

— Да так и скажи!

Азазель проговорил ровным неспешным голосом:

— Творец все видит и замечает, но мало на что обращает внимание, чем и воспользовались беглецы из ада. Для Создателя важно, чтобы этот его грандиозный проект не подвергался никаким влияниям, как ты догадываешься. Для того он и создал в себе крохотное абсолютно изолированное от себя местечко, названное Асией. И развиваться оно должно строго само по себе, для того человеку и дадена свобода воли. То есть никто не должен вмешиваться.

— Никто, — подтвердил Михаил и посмотрел на Азазеля с отчетливым намеком во взгляде. — Никто!

— Любой нарушитель, — сказал Азазель тем же неторопливым голосом, — будет стерт моментально и безвозвратно.

Михаил промолчал, только посмотрел с вопросом на честном лице преданного небесному престолу архангела.

— Не понял, — произнес он холодно. — Где-то врешь. Ты же пока цел?

— Объясняю, — сказал Азазель, — на пальцах. Шанс побывать в этом его мире есть и для беглецов, будь они из ада или с небес. Да, опасный, но есть. Если здесь ничего не случится для Творца заметного, он просто не обратит внимания, занятый другими делами.

Михаил пробормотал:

— Значит, Теоганель не соврал?

— Не соврал, — подтвердил Азазель. — Правда, ему это не помогло, но тебя уязвило. Верно?

Михаил ответил с неохотой:

— А ты как думал? Это же и мой просчет.

— За всем не уследишь, — заметил Азазель. — Тем более, что там у вас все застыло на месте, как у победителей, а здесь продолжало развиваться. А в аду так особенно. Победители почивают, а проигравшие всегда стараются взять реванш, не знал?

Михаил поморщился, спросил в лоб:

— Ты среди людей с тех еще времен?

Азазель кивнул.

— Да.

— И что делаешь?

— Ничего, — ответил Азазель и уточнил: — ничего заметного. Просто живу, как все.

— А смысл?

Азазель молча встал, сходил на кухню и вернулся с двумя большими чашками темного пахучего напитка.

— Это кофе, — напомнил он. — Вдруг ты уже забыл или вовсе не знал. Тебе в самом деле никогда не хотелось понять, почему Творец предпочел людей нам, таким совершенным?

Михаил запнулся, Азазель задал слишком прямой и точный вопрос, как будто понимает, что его это тоже может тревожить или хотя бы заинтересовать.

— А тебе понять удалось?

— Стараюсь, — ответил Азазель уклончиво. — Просто смотрю, слушаю, потребляю их еду, смотрю на их развлечения, на их войны...

Михаил спросил с недоверием:

— И не участвуешь?

Азазель ответил с неохотой;

— Конечно, хочу. Но боюсь, кто-то да заметит что-то не такое... а это сразу станет известно. Сам Творец не очень-то присматривает за созданным им миром. Видимо, ждет некую конечную фазу, а вот поставленные им так называемые зрители...

Михаил буркнул:

— Нас всего четверо. Гавриил, Уриил, Рафаил и я.

Он пил обжигающий губы и глотку кофе большими глотками, в усталое за день тело возвращалась бодрость, так вот что это за напиток, еще и мыслить легче, Азазель посматривая со странным сочувствием, наконец сказал почти мягко:

— На тебя сегодня свалилось слишком... много. Вон там гостевая комната, есть все необходимое, даже туалет отдельный. И душевая. Ты не заметил, от тебя дурно пахнет, словно ты козел из-под скалы Хермона. Спать умеешь?

— Думаю, — ответил Михаил холодно, — со времен фараонов мало что изменилось.

— Много, — заверил Азазель с ухмылкой. — Сейчас даже наука создана, как спать правильно, на каком боку,

в какой позе с учетом пола, возраста, здоровья, расы, вероисповедания, политической и прочей ориентации... потом объясню, а также с кем и как, чтобы храпеть правильно и мелодично.

Михаил отмахнулся.

— Спокойной ночи.

— Хороших снов, — ответил Азазель с той же затаенной ухмылкой.

Михаил рухнул в постель, чувствуя, что устал, хотя сна ни в одном глазу, но сказанное Азазелем встряхнуло так, что сердце колотится, а кровь гуляет по телу горячими волнами и с шумом бьет в суставы.

Непонятно, как поступить правильно, а он всегда поступал правильно и никогда не сомневался в правильности. С одной стороны чистые ангелы, с другой — враждебные демоны, все просто и понятно.

Есть еще люди, созданные Творцом, которым отдан весь мир Азии, о его истинных размерах люди даже не подозревают. Но Азазель как-то не укладывается ни в одну из категорий.

Когда-то, будучи могучим и светлым ангелом, доказывал, что люди недостойны созданного Творцом мира, и тогда тот предложил самому спуститься к людям и посмотреть, чего те стоят.

На призыв Азазеля откликнулись двести ангелов, вместе сошли на гору Хермон, пришли к людям и долго жили среди них, стараясь понять, чем те так нравятся Создателю. Сам Азазель научил людей охоте, показал, как добывать руду и ковать топоры, Шамхазай раскрыл людям свойства растений и обучил врачеванию, Бракиель научил наблюдать за звездами, Кохвиель и Тамиель учили астрологии и астрономии, Сахариель показал, что такое фазы луны...

Люди развивались с ними быстрее, что хорошо, но ангелы в людской плоти все больше поддавались животной

сути, столь сильной у людей. Их дети от брака с женщинами вообще рождались без светлого начала, что осталось у ангелов, и эти дети, названные нефилимами, от поколения к поколению становились все чудовищнее, наконец начали охотиться на людей и пожирать их живьем.

Когда их преступления стали замеченными в Брие, Творец послал его с еще тремя высшими ангелами: Уриилом, Гавриилом и Рафаилом, чтобы отступивших ангелов схватить и отправить в ад, только для Азазеля почему-то велел сделать исключение. Четверо могучих архангелов по велению Творца заточили его под скалой в пустыне, после чего на землю был ниспослан всемирный потоп. Как только воды схлынули, Азазель вышел на свободу, и снова непонятно, под скалу Азазеля заточили в виде наказания или для того, чтобы не погиб вместе с нефилимами?

И вот он с тех пор среди людей, давно не ангел, не человек, но и не демон... или не совсем демон, потому что людям вроде бы не вредил или не хотел вредить.

Он сердито вздохнул, перевернулся на другой бок. Сон не идет, нужно как-то определиться с Азазелем, но четкие определения, которыми он руководствовался в своей честной и чистой жизни, выскальзывают, как живая рыба из рук.

Глава 7

Утром, когда Михаил проснулся в выспавшемся и освеженном теле, что отдохнуло и набралось сил, еще в полудреме услышал за стеной голос Азазеля, тот переругивается с демоном Сири, принуждая ее делать то, что она то ли не умеет, то ли не хочет, ссылаясь на какое-то программное обеспечение.

Михаил вышел, игнорируя душевую: настоящие мужчины не моются, а если очень уж их принуждают,

то в самых крайних случаях, когда на кону судьбы мира. В гостиной на диване развалился, сидя, Азазель, закинув обе руки на толстые мягкие спинки, а на стене напротив на экране телевизора толпа молодежи окружила двух почтенного вида старцев и орут на них, бросают куриные яйца и осыпают какой-то дрянью вроде конского навоза.

Азазель оглянулся, лицо веселое, сказал с подъемом:

— Ты хотел узнать эту жизнь? Вот тебе шанс посмотреть на демократию в действии!

Михаила передернуло от его хамской улыбочки.

— Это не та жизнь, что создал Господь!.. Это Содом и Гоморра!

— Содом и Гоморру тоже создал Творец, — напомнил Азазель. — Пусть и руками потомков Каина. Кстати, уже совместно с потомками чистейшего и праведнейшего Сифа! Во всяком случае, как мне кажется, сотворение этих городов было в Плате. Там либо так было запланировано, либо пошло где-то под откос... Вообще в той долине было пять городов, все попали под огненную метлу, если ты еще помнишь.

— Как мог Господь такое запланировать? — сказал Михаил в великом возмущении.

— Вот видишь, — сказал Азазель с укором, — ты нашего Творца дураком обозвал, который сам не знает, что творит! А я вот верю в Его Великий План! Думаю, это нечто гениальное, мудрое и далекоидущее. А когда простому народу ангелов непонятно, начинаются всякие сомнения в гениальности и даже правильности расчетов.

— Я никогда не сомневаюсь, — отрезал Михаил, — хотя свободу воли человеку он дал зря.

— Ну вот!

— Это не просчет Господа, — повысил голос Михаил, — а его чрезмерная доброта и снисходительность! Я бы вас, гадов, всех держал в железном кулаке.

— Потому тебе и не быть выше, чем ты есть, — ответил Азазель. — А жаль.

Михаил воззрился на него в изумлении.

— Ты чего?

— Нравишься, — ответил Азазель, и Михаил не понял, где кроется подвох, Азазель говорил очень серьезным голосом и смотрел тоже серьезно и почти печально. — Да и вообще всем тупые и честные нравятся. На вас и у людей держится мир, в то время как подобные мне что-то изобретают, открывают, тянут в разные стороны... Иногда даже в правильную.

Михаил посмотрел на него с подозрением.

— Ты зачем мне все это рассказываешь?

Азазель ответил обиженно:

— Я думал, тебе интересно.

— С чего вдруг? — ответил Михаил. — У нас был замечен мощный всплеск, я сразу отправился делать выдирку. Вот и все. Ты сумел задержать на целую неделю.

— Оно того не стоило?

Михаил поморщился.

— Стоило, — сказал он без охоты, — вместо одного убрать из этого мира трех мерзавцев...

— Сразу мерзавцев, — укорил Азазель. — Пока только нарушителей. А насколько мерзавцы, а то и вовсе не мерзавцы, покажет наш самый как бы справедливый небесный суд!

— Не играй словами, — отрезал Михаил. — Этот мир только для людей!

Азазель сказал обвиняюще:

— Михаил, мне кажется, ты совсем не любишь чело-
веков. А ведь Творец кол тесал на их головах с особой
тщательностью.

— Я их охраняю, — ответил Михаил резко. — Это мой святой долг и обязанность.

— И даже смысл жизни, — поддакнул Азазель. — Правда, ты не знаешь, что такое смысл жизни, но это неважно. Красивые и высокие слова нигде не звучат так часто и громко, как там наверху... Сири, как насчет завтрака?

Нежный голосок почти пропел:

— Все, что скажете, мой повелитель. Но вы ничего не сказали...

Азазель буркнул:

— Видишь, Мишка, что делает с женщинами одно только обещание богатого подарка?.. А дай ей тело, сразу пойдет по рукам.

Михаил спросил озадаченно:

— А разве твой демон не привязан заклетами к твоей квартире?

Азазель вздохнул.

— Видел бы ты столько, как и я, фильмов про водопроводчиков, что в отсутствие мужа приходят прочищать трубы! Фаллопиевы. Сири, ты тоже слушай. Тело буду покупать тебе вместе с поясом верности. А пока сделай по большому бифштексу для мужчин нашей коллекции, без салатика обойдемся, но кофе большие чашки. Мишке можешь сливок, он такой нежный...

— Это кто нежный? — буркнул Михаил. — Мне черный, сахара четыре ложки.

— Столовых?

— Чайных, — ответил за него Азазель. Он морщился, как от зубной боли, двигал плечами, будто их сковало льдом, а когда в духовке пикнуло, быстро перенес на стол две большие тарелки с свежеподжаренными бифштексами. — Лопай, потом скажу...

Михаил ухватил вилку и нож, уже втайне гордый, что умеет пользоваться, поинтересовался:

— Что?

— Ешь, — велел Азазель, а когда Михаил отрезал первый кусок и отправил в рот, выговорил будто с тру-

дом: — Знаешь, Михаил, мы всегда были врагами... Но сейчас, похоже, я готов указать тебе на еще одного сбежавшего из ада.

Михаил едва не подавился куском, едва сумел проглотить, просипел полузадушенно:

— Чего вдруг? Хочешь продлить свое пребывание здесь еще на неделю?

— Да, — подтвердил Азазель. — Видишь, какой ты умный? А то все дурак, дурак... Сразу все сообразил и меня раскусил, как спелый орех без скорлупы!

Михаил прожевал, отрезал второй кусок, но в задумчивости покачал головой.

— Что-то не так. Если бы только ради продления, ты бы предложил выдать своего дружка на седьмой день и вообще в последнюю минуту, а сейчас начинается только утро второго моего дня здесь! В чем дело?

Азазель ел неспешно и словно бы нехотя, а когда поднял на Михаила взор, в глазах читалась смертная тоска.

— Ты сильнее всех архангелов, — сказал он, — не мне с тобой бороться. Но я всегда понимал больше... и сейчас встревожен, Михаил. Мой дружок, как ты его называешь, хотя я его вовсе не знаю, начал переходить границы.

Михаил насторожился, задержал нож и вилку в бифштексе, а на Азазеля посмотрел со всей строгостью.

— Давай подробнее.

— Ты до сих пор не понял, — сказал Азазель, — а мы поняли уже давно, что этот мир неприкосновенен. Творец не позволяет нам вредить своим любимым людям. И вообще ничего в нем менять нельзя. Мир должен развиваться, как развивается. Мне кажется, Творец знает, каким он будет в конце, когда будет выполнена последняя часть Великого Замысла... Или каким он должен стать.

— Ну-ну?

— И малейшее изменение, — сказал Азазель терпеливо, — сразу же замечается... Давай объясню на простом примере, чтобы даже ты, такой по-солдатски умный, понял. У людей есть так называемая иммунная система. Следит, чтобы организм развивался согласно замыслу Творца, создавшего Адама. И если в организм человека попадает какая-то инфекция, это зараза такая, начинается болезнь... сразу же некие спящие или сторожевые силы в теле набрасываются на болезнь, бьют ее и выбрасывают заразу, скажем, в виде гноя из нарывов. Или как-то иначе, неважно, а иммунитет крепнет и удваивает защиту. Главное в том, что в человека встроены защитные силы. Так вот, Михаил, ты и другие архангелы и ангелы — такие же защитные силы, что сохраняют человечество и следят, чтобы ему ничто не мешало развиваться согласно Великому Плану Творца.

Михаил помотал головой.

— Б-р-р-р... Ничего не понял. А что эти силы делают, когда нет болезни?

— Просто дежурят, — сказал Азазель. — Как ты. А всякая зараза, попадая в тело человека, частенько живет там долгие годы, а то и всю его жизнь, оставаясь незамеченной. А замечают ее не раньше, чем она обнаглест, начнет вредить телу человека... Ты понял?

Михаил покачал головой.

— Ты вроде бы намекаешь, что такой заразы, как ты, в человечестве немало? Но все ведут себя тихо и потому их не видно?.. Но кто-то один начал чересчур...

Азазель сказал в подчеркнутом восторге:

— Михаил, я не ожидал от тебя такой сообразительности!.. Ты гениально прав. Потому я и сказал, что ты просто обязан сделать еще одну выдирку. Выдернуть из человечества одного такого.

— Кто он?

— Скажу лучше, — ответил Азазель, — что натворил. Но ты ешь, а то вдруг потом расхочется.

Михаил торопливо отрезал кусок побольше, подцепил на зубья вилки и отправил в рот.

— Ну-ну?

— Выходки его становились все заметнее, — сказал Азазель с неохотой, — а полчаса тому воздвиг для себя на одном пустынном острове громадный дворец и пригласил туда самых красивых женщин.

Михаил вскочил.

— Да как он посмел!..

— Не ори, — бросил Азазель мрачно. — Спешి выдрать. Иначе такое начнется... И все мы исчезнем.

— Кто мы?

— Все, — сказал Азазель уклончиво и отвел взгляд. — Даже ты, если Творец решит закрыть этот мир так, что даже бестелесным ангелам все перекроет. Вполне возможно, что Он вообще эту вселенную смахнет как пылинку и создаст что-то совсем иное. Или не создаст, будучи занятым чем-то иным, нам непостижимым... Поэтому этот мир должен быть открытым, но неизменным в своей основе. Так что, если понял, займись...

Михаил, похолодев, поднялся из-за стола, оставив на тарелке половину бифштекса и полную чашку кофе. Он сам чувствовал, что от лица отхлынула кровь, а колени сами собой задрожали и готовы в любой момент подогнуться.

— Запомни координаты, — сказал Азазель.

Михаил уже повернулся было в сторону двери, но вдруг резко повернулся к Азазелю и смерил его злым и полным подозрения взглядом.

— Погоди... Но ты же сам в состоянии остановить этого мерзавца?

Азазель ответил с заминкой:

— Он не мерзавец, а просто дурак. Не осознающий, что делает. Таких эгоистов полно. Но пока они грузчики да укладчики асфальта, вреда от них мало, но если у них Сила...

— Ты не ответил, — напомнил Михаил с нажимом.

— А почему это сделать не тебе? — спросил Азазель. — Все равно без дела. Дни и часы считаешь до момента, как ухватишь солдатскими пальцами за горло мою песню свободы! А я гуманист, волнуюсь за тебя, вдруг сопьешься от скуки, снаркоманишься или вообще пойдешь по рукам. Ты же такой красивенький... красавчик!

Михаил продолжал сверлишь его злым взглядом.

— Скажи правду!

— С чего вдруг? — спросил Азазель оскорбленно. — Обидно даже. Как будто я к стене приперт. Сперва припри!

— Но хочешь, чтобы его выдернули?

Азазель ответил настолько чистосердечно, что даже и менее подозрительный, чем Михаил, заметил бы откровенную брехню:

— Да, конечно!

— Скотина, — процедил Михаил сквозь зубы. — Не понимаю, почему не сам?.. Или что-то мешает своих бить по голове? А мне как бы можно? Или надеешься, что он сильнее? Признавайся, он приготовил для меня какую-то ловушку?

Азазель выставил перед собой обе ладони.

— Ты что, разве коварство в моем духе?.. Ну ладно, в моем, но с чего бы я стал подводить тебя, ты же так нежно ко мне относишься!.. И жаждешь для меня только хорошего, светлого, доброго, чистого, вечного... Уверен, ты справишься. Кроме того, что очень важно, тебя поощрят, а мне что? Всего лишь восстановленная справедливость, а зачем она мне? С несправедливостью жить веселее и смешнее, а я такой веселый, что сам от себя со смеха катаюсь. Только не забудь — поменьше всплесков! Но раз без них не можешь, павлин ты наш, то по минимуму!

Михаил посмотрел с подозрением.

— Почему изымать тайно?.. Если явлюсь в блеске молний и страшным в праведном гневe, разве не устршит больше?

Азазель сказал со вздохом:

— Михаил, несмотря на твой выдающийся для солдата ум, ты все еще не понял. Или не совсем все понял. Такое появление чревато слишком большими потрясениями!.. Это хуже, чем ввести военно-полевой суд в безмятежное гражданское время. А если Творец сочтет, что ситуация вышла из-под контроля, и решит... ты знаешь, как Он решает!

— И что, — сказал Михаил, — выпалывать таких по одному?..

— Вот-вот, — сказал Азазель горько, — теперь скажи, кто из нас двоих больше любит людей?

— Ты не людей любишь, — сказал Михаил.

— А что?

— Их удобный для тебя мир, — ответил Михаил. — Тот, который они за это время создали. Этот уют...

— А разве этого недостаточно?

Михаил помолчал, обдумывая. Ситуация вообще-то ясна, но это значит, что дело гораздо серьезнее, чем он полагал, если даже сам Азазель начинает тревожиться насчет появления сбежавших из ада демонов.

— Хорошо, — сказал он, — никаких всплесков.

— За всплесками я прослежу, — пообещал Азазель. — Посмотрим, насколько ты успешен...

Он не договорил, Михаил исчез, оставив на своем месте только скрученную в тугую жгут струю воздуха.

Глава 8

Михаил отсутствовал около получаса, затем в центре комнаты на краткий миг возник столб белого плазменного огня. Изнутри его раздвинул, как занавес, и тут же

вышел Михаил, мрачный, сразу метнул в сторону Азазеля ненавидящий взгляд.

— Сири, — сказал Азазель громко, — кофе и пирожные белому господину!.. Самые нежные и сладкие!.. Он устал и печально грозен.

Михаил тяжело прошел к дивану, все еще весь в себе, опустился в кресло. На стене напротив огромный экран телевизора по жесту Азазеля сразу вспыхнул, звук Азазель уменьшил до шепота, Михаил невольно поднял взгляд, проследивая за перемещением там фигурок.

Азазель взял с поддона две чашки кофе, одну протянул Михаилу. Тот помотал головой.

— Эта черная жидкость у меня уже из ушей плещет. Как ты столько пьешь?

— Сейчас пью вдвое больше, — заверил Азазель. — Как обычно, а еще и с тобой за компанию. Прошло терпимо? Ты был, как положено при исполнении, суров и безжалостен? Несмотря на униженные мольбы?

Михаил поднял на него злой взгляд.

— Я исполнил свой долг, — сообщил он кратко. — Через семь дней исполню то, из-за чего прибыл. Даже через шесть с половиной.

Это прозвучало настолько зловеще, что повисло в воздухе, как огненная надпись «Мене, текел, фарес», что когда-то проступила на стене во время пира Валтасара.

— Молодец, — сказал Азазель, не моргнув глазом и не меняя интонации, — на свободу с чистой совестью!.. Хотя у солдат всегда чистая, верно?.. Правда, ты небесный стратиг, сам посылаешь на задания, но в данном случае послал самого себя, далеко послал, и подчиняешься этому придурку?.. Ну-ну, не сверкай глазами, в командовании все придурки, не знал разве? А гении, что все знают и всем раздадут мудрые советы, работают таксистами да парикмахерами, а еще укладчиками ас-

фальта... Ну, и нижние чины, естественно, что знают, как выиграть любую войну.

Михаил не слушал пустопорожний треп, приподнялся и ухватил чашку с кофе. Горячий напиток ожег горло, Азазель явно приготовил к его появлению, как знал, однако с первым же глотком в голову пришла ясность и чистота мышления, и он продолжил отхлебывать уже мелкими осторожными глотками, не спуская взгляда с новостной передачи.

Азазель протянул ему тарелочку с пирожными. Михаил метнул в его сторону полный подозрения взгляд, нет ли ехидства, но на лице Азазеля ничего, кроме странного сочувствия, потому нехотя взял, откусил сразу половинку.

— Что-то врешь, демон, — произнес он. — То ты сразу засек мое появление, то никто прибытие в этот мир демонов не зрит...

— Демоны являются без фанфар и барабанов, — ответил Азазель с иронией. — Для них этот мир под запретом, потому научились маскироваться, входить на цыпочках, а где и ползком... За шесть тысяч лет поднапорели!

Михаил невольно передернул плечами.

— Шесть тысяч лет, — пробормотал он. — Шесть тысяч лет вы уже здесь...

— Только немногие, — заверил Азазель великодушно. — Основная масса хлынула в последнее время. Когда люди по совокупной мощи сравнялись с демонами.

— Потому вы начали новоприбывших ограничивать? — спросил Михаил. — Чтобы не делиться здешними благами?

Азазель поморщился.

— Чтобы не разрушили этот мир. Он слишком хрупок. Не знаю, был ли таков замысел Творца или же получилось само, но он весь стеклянный, а мы все с молот-

ками... Тебе не странно, что мы, демоны, защищаем этот мир от других демонов?

Михаил произнес надменно:

— Свиньи всегда толкаются у корыта и отпихивают более слабых.

— Хорошее сравнение, — согласился Азазель. — Тем более, что новые свиньи могут съесть не только весь корм, но и корыто, а также разнесут до основания тесный хлев, что вызовет вполне ожидаемое недовольство хозяина. А что он тогда сделает, не знаешь? Вот и я не знаю. Потому лучше не рисковать... Бери остальные, Сири сама готовит на месте, в далекий магазин посылать не придется. Нет, на кухне она еще не мастер, но принтером пользоваться умеет.

Он улыбнулся, когда Михаил принял из его руки тарелку с остальными пирожными, а сам вернулся к столу с большим дисплеем на нем, чернота мгновенно сменилась синим фоном, на нем побежали странные буквы и значки, перемежаемые арабскими цифрами.

— Та-ак, — проговорил он медленно, — островок на месте, но никакого дворца там нет... Даже пальмы полегли... А вон те вовсе с корнем выдраны. А их зачем?

Михаил ответил с неохотой:

— Ты же сказал, чтобы не осталось следов... Я того дурака просто обратил в пыль, а чтобы убрать дворец, создал большую волну в океане и прокатил ее через островок. Она снесла все, даже часть деревьев.

Азазель посмотрел с уважением.

— Мудро. Правда-правда. В той части океана цунами случаются часто. Ты сделал самое лучшее, что можно было. Михаил, ты в самом деле умеешь поступать, как стратег!

— Да иди ты, — ответил Михаил.

Закончив с пирожными, он пересел на диван перед огромным экраном телеприемника на стене, повторил жест Азазеля для включения. В комнату ворвался грохот

стрельбы из автоматов, бабахнула пушка, а на экране от рамки до рамки вспыхнула яркая и устрашающая картина великой битвы.

В огромном городе идут жестокие бои на улицах и в переулках, из окон рвутся языки пламени, на дорогах трупы, а бронемашины двигаются прямо по ним, не разбирая, где убитые, где только раненые.

В двух местах ярость сражения дошла до такого накала, что, истратив все патроны, группы воинов сошлись врукопашную. Михаил, как ни всматривался, все не мог отличить воинов одной армии от воинов другой.

Азазель долго сидел за своим столом, не поворачиваясь, наконец до Михаила сквозь треск автоматных очередей донесся его раздраженный голос:

— Что... снова?.. Это уже ни в какие ворота не лезет...

Михаил сообразил наконец, что передача с места событий идет в реальном времени с помощью беспилотников, те подают картину с разных высот и разных углов, потому зрелище получается красочное и волнующее, римлянам с их гладиаторскими боями, даже массовыми, такое и не снилось, там все ограничено ареной Колизея, а здесь в роли Колизея целые города, а то и страны.

— Что там не лезет? — спросил он несколько запоздало. — Помочь затолкнуть?

В стереодинамиках гремят реалистичные и даже объемные выстрелы, словно перестрелка идет в соседней комнате. На пыльных дорогах, выжженных яростным южным солнцем, догорают разбитые автомобили, уже отброшенные к стенам полуразрушенных домов бронетранспортерами, из которых вон три подбиты и горят зловещим багровым огнем...

Азазель ответил, не поворачиваясь и не отрывая взгляда от дисплея компьютера:

— Третья авария за три дня!.. На одном и том же участке дороги... На Симферопольском шоссе, разворот

на Мелихово, не доезжая до бензоколонки, съезд с трассы, там шиномонтаж, дальше направо по проселочной...

— Авария что, серьезная?

— Да мне на любые начхать, — заявил Азазель, — но там гибнут люди и даже человеки уже три дня подряд.

— Ну-ну, — сказал Михаил. — И что так не нравится демону? Люди гибнут вам в радость.

Он с усилием оторвал взгляд от экрана телевизора, повернул голову в сторону Азазеля. Тот двигает пальцами изображение на своем дисплее, увеличивая, рассматривая под углами, и даже со спины видно, что зол и раздражен.

— Не смешно, — отрезал Азазель. — По той проселочной автомобили проходят редко, дорога хорошая, откуда аварии? Во всяком случае, не три подряд!.. По одной в десять лет еще поверю, но чтоб вот так... Полиция наверняка уже поднята на ноги. Там чего только сейчас не думают, прорабатывают версии от серийного маньяка до группы террористов...

Михаил наконец заставил себя подняться и повернулся к Азазелю, хотя и жаждет наблюдать за масштабными сражениями. Странное пьянящее чувство, когда наблюдаешь за боями даже не с высоты птичьего полета, а словно с крыш их невысоких домиков.

— Подозреваешь...

— Какое подозрение, — ответил Азазель оскорбленно, — я почти уверен!.. Ты чего встал? Сядь, а еще лучше ляг. Ты же устал от выполнения воинского или какого там у вас, белокрылых, долга. А я сметаюсь туда, посмотрю своими глазами.

Михаил с хмурым видом помотал головой.

— Я с тобой.

— А ты мне зачем, такой нарядный?

— Присмотрю, — пояснил Михаил, — чтоб не сбежал.

— Серийный убийца?

— Ты.

— Юморист, — буркнул Азазель. — Признайся уж, чувство юмора, как и чувство прекрасного, недоступно там наверху. Вы только петь умеете, да и то репертуар у вас, скажем мягко, бедноват... Ладно, я пошел, а ты можешь догонять, если не передумаешь. Да, кстати...

Он повернулся к столу, выдвинул нижний ящик. Михаил нахмурился, узнал так часто мелькающий в телепередачах пистолет, оружие намного более удачное, чем нож, меч или даже лук.

Азазель нагнулся, взял с широкой улыбкой на лице, словно уже стал воином, чувственно взвесил на ладони.

— Ну как можно не любить так тщательно сделанное орудие убийства?.. Сколько умения, таланта и любви вложено в это почти ювелирное изделие? Разве вот так не понятно, что именно люди обожают делать больше всего?.. Во что вкладывают не только талант, но и душу, как здесь говорят?

Михаил буркнул:

— Господь велел размножаться.

— Размножаться, — согласился Азазель, — и убивать.

— Господь этого не говорил!

— Но и не запрещал, — напомнил Азазель. — Это люди уже сами додумали и расширили повеление насчет размножения. Ты же понимаешь, Всевышний дает заповеди, а толкование их оставляет людям. Вот люди и толкуют... иногда так интересно, закачаешься! Я вообще обожаю людей, заметил?

— Ну-ну?

— Для размножения, — напомнил Азазель, — нужно убирать всякие помехи, а их так много... Бери-бери! Эта штука помогает убирать всякие досадные и прочие помехи.

Михаил покачал головой.

— А мне зачем?

Азазель сказал со вздохом:

— Ты своими всплесками поднял тревогу... в определенных кругах. Тебя еще не вычислили, но попытаются отыскать и понять, кто ты и зачем так бултыхнул.

— Не выйдет, — отрезал Михаил. — Отбудем раньше.

— Кто знает, — ответил Азазель, — успеем ли. Здесь... весьма серьезно. И кольцо вокруг тебя будет сжиматься быстро. Так что бери пистолет и готовься в случае чего.

— К чему?

— Действовать, — ответил Азазель с нехорошей усмешкой. — Эта штука решает большинство проблем. Не самых важных, но жизнь состоит из мелочей, не так ли?

Он протянул Михаилу пистолет рукоятью вперед. Усмешка стала шире, а в глазах что-то вроде ожидания, как этот надменный архангел опозорится.

— Я видел эти штуки, — ответил Михаил, он взял пистолет, повертел, рассматривая. — Это создал Сатан?.. Много людей уже погибло.

— Можно считать и так, — произнес Азазель медоточиво, — но у меня другое предположение.

— Говори, демон.

Азазель сказал с некоторым раздражением:

— Господь не станет больше прибегать ни к потопу, ни к огненному апокалипсису. У людей теперь есть оружие, которым можно истребить человечество хоть все разом, хоть вот так поодиночке с помощью личного оружия. Потому бери.

Михаил протянул пистолет обратно.

— Хотя это и создали люди, но по наущению дьявола.

— Даже если так, — ответил Азазель медленно, — то откуда у тебя уверенность, что дьявол не действует по наущению Создателя?.. Ты слишком непочтительно относишься к Господу.

Михаил чуть не задохнулся от такого подлого удара под дых.

— Я?.. Я непочтительно отношусь ко Всевышнему?..

Азазель картинно вскинул брови и спросил патетически:

— А кто предположил, что Сатан может с Ним соперничать на равных или почти на равных?.. Я полагаю, все в этом мире идет и развивается, следуя Великому Плану Господа. И если бы Всевышний пожелал, чтобы этого пистолета в мире не было, он бы не появился.

Михаил со стесненным сердцем взял пистолет из протянутой руки, передернул затвор, заглянул в ствол.

Азазель наблюдал со сдержанной усмешкой.

— Магазин пуст, — сказал он, — а то разнесешь здесь все. Вот обойма, вот еще две в запас, положи в карманы или в сумку. Стрелять научить?

— Я видел, — отрезал Михаил, — как это делается. Целое утро смотрел! Варвары...

— Думаешь, — спросил Азазель с сомнением, — смотрения достаточно?

— Я воин, — напомнил Михаил. — Все, что касается оружия, схватываю быстро. Это если насчет движения небесных светил — лучше к Закариелю. Или Теонелю.

— Хорошо, — сказал Азазель. — Вот потайная кобура. Хотя можно носить и за поясом сзади. Без всякой кобуры. Но не слишком долго, а то не заметишь, как потеряешь, ты же не мелочный, верно?

— Здесь оружие носят все?

— Не все, — заверил Азазель, — но тебе лучше носить. Помочь надеть кобуру?

— Убери лапы, содомит, — сказал Михаил строго. — Сам разберусь.

— Сири, — велел Азазель, — проследи за ним, чтобы и дверь закрыл, и ширинку застегнул.

Ее тонкий голосок угодливо пискнул:

— Я сама закрою и сигнализацию включу!

— Но ширинку пусть застегивает сам, — сказал Азазель строго. — Ты мне гостей не балуй.

Глава 9

Дома по обе стороны шоссе скользят высотные, настолько высотные, что привыкнуть трудно. В синеве неба медленно ползет оранжевая блеска самолета, но когда автомобиль свернул с магистрального шоссе на проселочную, а та повела через лес, Михаил все же невольно вздохнул свободнее, словно самый опасный лес окружал в самом городе.

Деревья все те же, что и в императорском Риме, почти родные после башен из стали и стекла в городе. Зеленые ветви мерно качаются справа и слева от дороги под легким ветерком. Земля вокруг стволов прячется под травой и опавшими листьями, даже грунтовка почти такая же, как в римских провинциях, слегка усыпанная гравием и щебнем, почти полностью вдавленным колесами в почву.

Азазель постоянно сверяется с окошком экрана на панели авто, там сверху видно, как их автомобиль ползет по извилистой дороге, а впереди за два поворота мигает огонек, указывая место аварии.

— Подъезжаем? — спросил Михаил и указал взглядом на мигающую точку.

— Разбираешься, — сказал Азазель с одобрением. — В следующий раз дам порулить. Не волнуйся, защита от дурака вмонтирована намертво.

Михаил сказал строго:

— Давай без оскорблений.

— А ты при чем? — изумился Азазель. — Чего ты себя всегда дураком считаешь, да еще таким махровым?.. Я тебя вот очень уважаю!.. А защитные системы просто не дают сделать глупость. Например, совершить самоубийство, врезавшись на большой скорости в стену. А если хозяин садится за руль пьяным, автомобиль просто не заведется, понял?

— Ладно, — буркнул Михаил, — вон слева от дороги. Азазель подал автомобиль на обочину, остановил, едва не свалив его в придорожную канаву.

Михаил вылез первым, одним движением и не глядя, гордясь приобретенным умением, отстегнув ремень безопасности. Слева от дороги сломан кустарник, через истоптанные ветки отчетливый след автомобильных шин ведет в глубину леса.

Еще десяток шагов, и он увидел автомобиль с распахнутым багажником, а когда с Азазелем подбежали ближе, охнул, видя как ствол дерева буквально вмялся в середину капота.

Азазель первым обогнул, сказал с облегчением:

— Прекрасно. Дэтэпэшники уже все сфоткали, трупы увезли, желтые ленты сняли...

— Лент не было, — сказал Михаил. — Это не криминальный случай.

Азазель посмотрел с удивлением и уважением.

— Молодец, знаешь... Вот так дети и учатся по инету, а не в школах! Осмотрись, вдруг что заметишь. Жаль, все затоптали. Окурки везде, еще бы бутылку из-под водки выбросили.

— А вон лежит, — сказал Михаил.

Азазель мгновенно развернулся.

— Где?.. А-а... это старая. Вон еще... В подмосковных лесах их полно под каждым кустом. Здесь тоже ждут, что Европа придет и начнет за ними убирать везде и всюду... Но все-таки свежая авария оставляет следы и помимо выброшенных окурков полиции... Не слышишь?

Михаил прислушался, внимательно осмотрелся. Ноздри среди прочих запахов уловили и совсем непривычный, которого не встречал ни в городе, ни где-либо после появления на земле.

Азазель следил за выражением его лица, кивнул с явным удовлетворением в глазах.

— Учужал?.. Прекрасно. А в какую сторону?

Михаил пожал плечами.

— Здесь везде, а дальше увидим.

— Ты смотри справа, — предложил Азазель, — я слева.

Он вломился в заросли, Михаил поморщился, пошел в ту сторону, где кусты выглядят хотя бы чуть потревоженными, а когда встретил пару сломанных веточек, убедился, что след взял верный.

Издали донесся крик:

— Мишка, как у тебя? Есть грибы?

Михаил хотел зло напомнить, что не за грибами пришли, но сообразил, что хитрый демон так маскируется от случайных гуляк в лесу, что могут услышать, ответил громко:

— Есть.

— Иду!

Через пару минут Азазель проломился сквозь кусты, как матерый лось, потянул носом.

— Да, ты взял след, как вижу?

Михаил кивнул.

— Демон и не скрывался. Пойдем за ним или ожидаешь ловушку? Слишком все просто.

Азазель подумал, вздохнул.

— Пойдем. Думаю, даже машину брать не придется. Он где-то неподалеку.

Михаил посмотрел с сомнением.

— Он что, настолько глуп?

Азазель кивком велел идти рядом, вздохнул, а когда заговорил, в его богатом голосе прозвучала откровенная скука:

— Это вас, ангелов, штампанули по одному лекалу. А так как ваш мир не менялся, то и вы не менялись. А здесь, как и в аду, изначально кипящий вулкан!.. Падшие ангелы... хотя этот термин неверный, его используют противники, придавая нарочито иной смысл...

Михаил перебил раздраженным тоном:

— Ну-ну, а как, по-твоему, верно?

— Сам знаешь, — обвинил Азазель. — Не павшие, а отпавшие, отделившиеся! Когда мы сошли на гору Хермон, то просто отделились от вашего общего стада. Сама гора с тех пор называется «Хермон», что значит «гора отделившихся». А «отделившиеся» в пропаганде наших противников стали сперва «отпавшими», потом и вовсе «павшими»... Нечестное передергивание, не находишь?

Михаил отмахнулся.

— Не отвлекайся. Этот демон настолько глуп?.. Это противоречит твоим напыщенным речам о вашей великости и предначертанности в судьбах людей.

Азазель со вздохом поднял глаза горе.

— Ну как солдату объяснить... Мы, облекшись плотью, сразу же начали брать земных женщин в жены. У нас, как ты помнишь, и все там у вас завидовали, хоть и помалкивали, рождались дети. Уже не ангелы, а так, наполовину. Полукровки, байстрюки, а то и бастарды. Их тогда называли нефилимами, а спустя какое-то время стали считать их демонами. От нефилимов рождались другие, еще более разные, одни хитрые, другие глупые... Сейчас тот мир настолько... ты даже представить не можешь, даже если у тебя голова будет размером с гору, а там еще и мозги размером с орех! Да не лесной, а огромный, греческий. Есть демоны просто гении, есть чистая энергия, еще чище вашей, но большинство, особенно последних поколений, вообще животные. Пусть даже очень милые, даже мимишные. Далеко не все из них с зачатками разума. А те, кто что-то понимает, остановились в развитии на уровне пятилетних детей. Им бы только играть, вот только игры бывают достаточно злыми...

— Дети жестоки, — хмуро сказал Михаил. — Уже видел по этим передачам.

— Быстро учишься, — буркнул Азазель. — Тот, кто здесь порезвился, на уровне разумного животного. Сбежав из ада, не придумал ничего другого, чтобы спрятаться здесь в лесу и нападать на тех, кто проезжает мимо. По своему развитию даже не понимает, что это сразу вызовет подозрение.

Он остановился, вскинул руку, призывая Михаила замереть и помалкивать.

Впереди в десятке шагов за кустами проступила берлога, почти медвежья, под огромным выворотнем.

Михаил приблизился на цыпочках.

— Спит?

— Похоже. Прислушайся, спит как ангел, даже не храпит!

Михаил потянул носом.

— Да, но запах...

— Запах еще тот, — согласился Азазель, — хорошо пообедал. А в пещере наверняка остатки еще вчерашней трапезы... Готов? Я его выпугну.

Михаил взял в руку пистолет, взвесил, чувствуя как по жилам побежала злая радость близости убийства.

— Давай.

Азазель подбросил на ладони камень размером с конскую голову, Михаил даже удивился, с какой легкостью демон держит его на ладони, но продумать и развить мысль дальше не успел, Азазель с силой швырнул глыбу в темный зев.

Камень, моментально раскалившись до вишневого цвета, полетел в глубину пещеры, оставляя за собой багровый хвост из огня и дыма. Оттуда раздался раздраженный рев, густой и мощный, но тут же перешел в визг, полный ужаса и боли.

Михаил, изготовившись, начал стрельбу сразу, как только увидел поднимающуюся из ямы голову. Монстр, мохнатый и похожий на медведя, содрогался под ударами

пуль, но с усилием все же перевалился через край, Михаил успел увидеть на спине длинный костяной гребень.

Азазель подхватил длинную толстую палку и уперся чудовищу в грудь, не давая выбраться.

Михаил чуть сместился вбок, чтобы не задеть Азазеля, а тот надсадно крикнул:

— В глаза стреляй! У него шкура... И череп, как броня танка...

Михаил сделал шаг вперед и выпустил еще по пять пуль в каждый глаз монстра. С силой выбрызнули потоки крови, демон задержался, размахивая лапами уже вслепую. Азазель нажал, стараясь спихнуть его обратно в яму, но монстр задел по жердине лапой, и та переломилась, как пересохшая соломинка.

Последние пули Михаил выпустил в те же кровоточащие глазницы, демон наконец подался назад и с шумом обрушился на дно логова.

Азазель тут же оказался на самом краю, присел на корточки, присмотрелся.

— Ага, — сказал он с удовлетворением, — жизнь угасает... Молодец, Мишаня!.. Из тебя вышел бы такой киллер!.. Кстати, киллеры здесь в почете. О них фильмы, сериалы, книги, комиксы... Не хочешь? Но все равно спасибо. Одной угрозой людям стало меньше.

Он поднялся, отряхнул ладони, Михаил поинтересовался:

— А что с ним?... Здесь близко села, обязательно наткнутся.

— У меня в багажнике лопата, — сообщил Азазель. — Возьми и забросай эту ямку землей, чтобы люди не наткнулись.

— А ты?

— Я пока помыслию о высоком, — заверил Азазель. — Ты же понимаешь, как это важно для гармонического развития?

Ямка, как ее назвал наглый Азазель, оказалась такой просторной пещерой, что в ней, наверное, можно было поместить небоскреб. Михаил бросал и бросал землю, столкнул туда же стволы упавших поблизости деревьев, сухие ветки, камни и снова землю, наконец края сравнялись, Азазель подошел посмотреть, одобрил, но посоветовал набросать еще и сверху горбиком, земля все равно просядет, тогда и сравняется с краями.

Обратно к автомобилю возвращались напрямик через кусты. Михаил чувствовал непривычную усталость, свойственную телу из плоти, и не мог понять странное словосочетание «приятная усталость»: что же в ней приятного? — у людей слишком много странных слов и понятий.

Автомобиль, завидев их, приветственно мигнул фарами, а когда приблизились, распахнул обе дверцы.

Михаил ощутил нечто вроде приязни к этой странной колеснице, что подобно верному псу ликует и радуется возвращению хозяина. Понятно, почему многие мужчины любят эти штуки больше, чем своих женщин, те далеко не всегда встречают так же приветливо, а эта и хвостом бы бока себе пооббивала, будь у нее хвост.

У самого автомобиля Михаил оглянулся, спросил с беспокойством:

— А лесные звери не доберутся? Мы не так уж и глубоко закопали, а земля рыхлая...

— Да пусть едят, — ответил Азазель. — Тебе что, демона жалко?

— Ничуть, — ответил Михаил, — но если люди увидят? Азазель отмахнулся.

— Да не увидят. Демон уже рассыпался в пыль... даже не в пыль, а вообще в ничто. Ты садись, садись!

Михаил зло сжал зубы.

— Ты, — прошипел он люто, — заставил меня его закапывать...

— А это чтобы лучше запомнил, — пояснил Азазель. — У демонов материальные тела, но они не нашего мира. Потому и рассыпаются, если прекращается жизнь.

Он заботливо проследил, чтобы рассерженный Михаил пристегнулся, но тот сделал это почти автоматически, потому что правило, а правила он привык исполнять беспрекословно.

— Скотина ты, — процедил Михаил, — хорошо же, я скоро отыграюсь...

— Еще шесть с половиной дней, — напомнил Азазель оптимистически. — А там я вдруг с судьями договорюсь?

— Не получится, — отрезал Михаил, — я знаю, кто и как судит. Вообще-то странно как-то все... Раньше я думал, демонам удавалось удирать из ада только в виде призраков... или чего-то вроде.

Азазель довольно лихо погнал автомобиль по разбитой проселочной дороге, не доверяя Сири на таких крутых поворотах и кочках, ответил с поспешностью:

— Нематериальными? Ну да, как и все мы, когда по разрешению Всевышнего спустились на гору Хермон и только там облеклись плотью. Но мы облеклись созданной для нас Создателем...

— Точно? — спросил Михаил с недоверием. — А то меня это шесть тысяч лет почти мучило. Если убили людей, забрав их тела, то почему Творец вас не наказал...

— Успокойся, — ответил Азазель, — все было с разрешения Всевышнего. Он хотел наглядно показать нам и всем тем, кто сочувствовал нам, что наш путь неверен. А вот демоны, как только начали проникать в этот мир, совершали преступления, так как захватывали чужие тела! Правда, люди достаточно быстро распознавали таких вообще-то неуклюжих тварей и довольно успешно изгоняли обратно в ад. Появилась даже такая профессия, как экзорцисты.

Михаил сказал с сомнением:

— А сейчас?

Азазель сказал очень серьезным голосом:

— Из ада начали проникать, как ты только что убедился, демоны уже не только в виде бесплотных духов. Там как-то сумели создавать щели в этот мир. Похоже, это очень трудно, иначе тут оказался бы весь ад... и мир бы рухнул.

— Надеюсь, что трудно, — пробормотал Михаил.

Автомобиль выметнулся из леса, за которым прячутся десятки, а то и сотни сел, поселков и деревенок. Впереди блеснула только что промытым асфальтом магистральная дорога, а когда помчались по ней, догнали и обошли ряд машин с раздутыми боками, щедро поливающих асфальт чистой водой.

Еще несколько минут стремительной езды, и Азазель круто повернул баранку руля, съезжая на боковую дорогу, что повела к городским кварталам.

Глава 10

Сири, незримая демонесса людей, за это время проветрила комнату и всю квартиру, слегка увлажнила воздух, а на кухне под ее присмотром уже что-то жарится, печется, варится. Ароматы и тревожащие запахи плывут оттуда почти зримые, тяжелые и заставляющие представлять на столе всевозможную еду.

Он принял душ, как вчера напомнил Азазель, Сири проследила и за напором воды, и за температурой, даже включила струю горячего и сухого воздуха, едва Михаил сделал движение выйти из кабины.

На кухне появился собранный, усталость уже выветрилась. Азазель развалился в кресле и смотрит на огромном экране на полстены новости человеческой жизни, оттуда несутся приглушенные звуки стрельбы,

визг тормозов, удары и скрежет бьющегося железа, но Азазель наблюдает с ленивым интересом, привык, сволочь, страдания человеческие не задевают.

Михаил попутно позаглядывал в другие комнаты, дивясь странной мебели, половина из которой вовсе не мебель, а если и мебель, то непонятно для чего предназначенная.

Азазель повернул голову, в глазах насмешливый интерес, разлегся поудобнее.

— Ну как тебе мои хоромы?

Михаил ответил с высокомерием духовно богатого ангела:

— Вон та большая комната... бильярдный зал, да?

— Точно, — согласился Азазель. — Сбачаем партию? Русскую, американку или трансгуманистическую?..

Михаил ответил с великим отвращением в голосе:

— Очередное место порока.

Азазель взглянул с интересом.

— А ты прав. Сейчас в бильярдных не столько играют, как продают наркоту, заключают сделки, делают ставки, нанимают для слежки... а если играют, то на деньги, что уже не совсем спортивно.

— А ты на что играешь?

Азазель посмотрел невинно.

— Обычно просто так, но с тобой могу и на ставку. Давай?

— Нет, — отрезал Михаил.

— Почему? — изумился Азазель. — Можно совсем на мелочь. К примеру, проиграю я — буду у тебя неделю в слугах, даже рабом. Проигрываешь ты... ну, скажем, всего сутки.

— Ни за что, — сказал Михаил резко.

— Ага, — сказал Азазель победно. — Понимаешь, что переиграю!

Михаил нахмурился.

— Только в бильярд.

— Вся жизнь бильярд, — философски заметил Азазель. — А вот там, левее, мой бар с коллекцией лучших вин мира... Посмотри какие! Со времен Ноя, с которого все началось, это неблагодарное, но приятное дело весьма продвинулось, развилось и разветвилось. Выставки, конференции, призы, золотые медали... А какие плантации под виноградниками! Лучшие земли...

Михаил процедил зло:

— Нужен потоп. Нужен!.. Нет, уже был, теперь огненный ураган, что сожжет все дотла... Недаром Адам делал две стелы, одну из глины, что в огне станет камнем, другую из гранита, который не размост вода...

Из кухни донесся звонкий голосок Сири:

— Обед готов!

Азазель крикнул:

— Уже идем!

Михаил покосился в сторону кухни:

— Твой демон, что не демон, там и живет?

— Нет, — сказал Азазель, — она сразу во всем доме. Это я, как дурак, кричу, хотя услышит любой шепот даже из ванной. Привык, знаешь ли, орать, как и ты. Технологии опережают нашу адаптацию к ним. Но то ли еще будет, ой-ой-ой...

На кухне Азазель быстро переставил тарелки с горячих поддонов на обеденный стол, разложил вилки и ложки. Михаил опустился на прежнее место, показалось, что Азазель избегает его взгляда, сказал настойчиво:

— Азазель, карты на стол, как здесь говорят, хотя не знаю, при чем тут карты...

— Речь не о географии, — ответил Азазель. — Карты бывают изобретенные, как ты говоришь, для порочных занятий. Раньше были кости, теперь карты, но суть та же...

— Не уводи в сторону, — предупредил Михаил. — Я вообще трудно уводимый.

— Да понял, — ответил Азазель. — Тебя да не понять? Ты еще рот не раскрыл, а я уже знал, что скажешь и как скажешь. Тебе здесь еще шесть дней, а уже страстно жаждетсЯ сделать мир лучше и чище... ха-ха!..

— Ничего смешного, — отрезал Михаил. — Это вы, демоны, стараетесь сделать его хуже и гаже!

Азазель внезапно оборвал смех, лицо и глаза стали очень серьезными.

— Ты ешь, а потом я... наверное, буду готов указать на одну персону... Правда-правда. Я говорил о нашем кодексе невмешательства в людские дела?.. Тем более, мы не должны им вредить.

Михаил поморщился.

— Даже кодекс... Откуда у демонов кодекс? Если не вмешиваетесь, то из страха, так и говори.

— Так и говорю, — согласился Азазель. — Не вмешиваемся и даже не высываемся, чтобы нас не выдернули... Но вот недавно появился в наших местах один неадекватный суккуб... Вообще-то знаю парочку суккубов, что живут нормальной жизнью, правда-правда!.. ну как нормальной, у людей теперь все норма, даже садомазохистские игры, а то и сами игрища. Так что те двое не засвечиваются, хотя и суккубничают друг с другом. А эта штучка уже двоих молодых парней лишила жизни...

— Нельзя вредить божьим созданиям, — твердо сказал Михаил. — Это требует наказания!

— Ты ешь, ешь, — сказал Азазель заботливо. — Кто спорит? Конечно, нельзя. Другое дело, когда сами себя или друг друга, это мило и здорово, можно запастись попкорном и наблюдать с удовольствием.

— Азазель, — сказал Михаил резко. — Поднимайся! Потом дозавтракаем. Покажи мне этого суккуба. Пока он не убил третье существо, именуемое человеком.

— А тебе людей что, жалко?

— Их создал Творец, — напомнил Михаил строго. — Потому я всегда на их защите.

Азазель сказал неохотно:

— Увы, я не знаю, где она обитает. Могу только предположить, где окажется вечером. Суккубы свои привычки меняют туго, это их слабое место. Ты ешь, ешь... Известно, сколько ее придется ждать даже вечером.

Михаил посмотрел на него исподлобья.

— И что, будем вот так сидеть и есть до самого вечера?

— А что такого? — оскорбился Азазель. — Если можно целый день пить, то можно, думаю, и есть. И вести неспешные интеллектуальные беседы. У тебя как с интеллектом?.. Ничего, после двух-трех бутылок коньяка будем на одинаковом уровне.

— Не будем, — отрезал Михаил. — Я лучше посмотрю ваши новости...

— Шас врублю, — сказал Азазель. — Вообще-то эти штуки устарели, зря их совершенствуют. Сейчас народ все новости узнает по интернету. И вообще все, в том числе и зрелища... Сири, включи жвачник!

Половина стены вспыхнула множеством двигающихся картинок, Михаил задержал дыхание, все настолько четкое и объемное, будто он смотрит в просторное окно.

— Вот пульт, — сказал Азазель. — Можешь переключать каналы. Если что непонятно, спросишь Сири. Жвачник узнает только мой голос, а тебе придется по старинке.

Глава 11

Пару часов, что показались Михаилу целым днем, он провел на диване, просматривал телепередачи. Часть из них откровенно не понял, часть понял только местами,

но даже те, что рассчитаны на самую массовую и нетребовательную аудиторию, как подсказал Азазель, оставались по большей части недопонятыми, и, как предположил Михаил, даже то, что он понял, могло быть понято неверно.

Азазель посматривал с усмешкой, дважды сам приносил чашки с кофе и печеньем, садился рядом и смачно грыз с задорным хрустом, прихлебывая кофе.

— Ну как?.. Как видишь, изменился не только образ жизни. Но это пустяки...

— А что не пустяки? — спросил Михаил.

— Изменилась мораль, — пояснил Азазель. — И, как тебе ни покажется невероятным, при всем этом кажущемся и показном разврате народ в целом не стал развратнее или порочнее!..

— Врешь, — сказал Михаил убежденно.

— Почему?

— Я же вижу!.. Везде разврат! И презренная похоть.

Азазель сказал лениво:

— Думаешь, женщина в коротенькой юбочке обязательно развратна?.. Да других юбок вообще нет в продаже!.. Так же и с остальным. Даже самая доступная женщина, что раньше было синонимом разврата, может быть абсолютно беспорочна.

— Что-что?

— Ты же в теле человека не стал человеком? И вот она не стала животным и, даже переходя из рук в руки, где ее телом пользуются как хотят, мечтает о замужестве, своем домике с садиком, детях, кухне, выпечке пирогов...

Михаил раздраженно передернул плечами, отвечать не стал, слишком дикие вещи Азазель несет, но в обществе людей в самом деле произошло что-то более важное, чем умение строить такие громадные дома и самобеглые коляски.

— Не мешай, — сказал он, — как сделать тише этот рев?

— Нажимай здесь, — пояснил Азазель. — И держи до тех пор, пока не станет по ндраву. И точно так же, если нужно усилить такой нужный тебе рев... Как переключать каналы, запомнил?

— Да.

— Успеха, — сказал Азазель серьезно. — Не свихнись, люди очень изобретательные, а ты все еще на уровне пещерного... гм... ангела. Прости, архангела! Но разум твой свеж, хоть и дремуч.

— Азазель!

— Это был комплимент, — пояснил Азазель невинно. — В тебя можно влюбиться, Михаил. Ты так чист и светел, что хоть вместо люстры подвешивай или ставь в углу вместо светильника... Ладно, если что непонятное, я всегда на связи.

Михаил спросил встревоженно:

— Уходишь?

— Да, по работе. Я хоть и тунеядец, но другим работу даю, а то и задаю. Если понадобится срочно, скажи Сири, свяжет со мной, ты же мобильником все равно за эти шесть дней не научишься.

Михаил окинул его придирчивым взглядом.

— Вот так и пойдешь? Бесстыдство какое.

— Я что, — спросил Азазель оскорбленно, — голый?.. Эти штаны от Оксаны Рыбачук, у нее лучший Дом моды!.. Да и вообще...

— Ладно, — сказал Михаил, — уже вижу. Здесь все сумасшедшие. Ночевать вернешься?.. Или искать тебя по всему свету?

— К шести вечера буду, — сообщил Азазель. — Не рухнись от телепередач. Я и то уже боюсь повреждений моей хрупкой и ранимой психики культурного и чуткого существа. Я же никогда не служил в армии, хотя на оборонку в какой-то мере работал, когда учил тех ди-

карей копать руду и добывать из нее металл... Надеюсь, это когда-то засчитают в плюс?.. Или все же в минус?.. Какое там наверху отношение к милитаризму в данное время?

В отсутствие Азазеля он продолжил просматривать телепередачи и все больше убеждался, что человек перешеголял даже демонов по отвратительным мерзостям и гнусностям, что люди придумали и воплотили в жизнь.

Но Азазель все твердит, что это все внешнее, неважное, рано или поздно пройдет... А что тогда важное? К чему человек должен прийти через все эти опустошительные войны, через кровь, голод и разрушения?

Как человек сам не приходит в отчаяние и не говорит себе, что все напрасно? Или он, как твердит Азазель, все тот же Адам, существующий вечно во многих телах, постоянно увеличивающий свою мощь, который видит, как неспешно на месте разрушаемых городов возводятся еще более огромные и прекрасные, а вместо уничтоженных народов приходят другие, тоже дети Адама, хотя, конечно, если придерживаться истины, большинство из них дети Каина?

Почему противников не переубеждают, а просто убивают? Так проще?.. Или по молодости людей?

Он вдруг ощутил то странное чувство, которое Азазель называет стыдом. Когда он точно так же прервал едва начавшийся спор с Сатаном, набросился на него со своими сторонниками и силой низверг из Брия в самый мрачный угол Азии, назвав его адом. Тогда это казалось самым правильным решением... А сейчас?

— И сейчас правильно, — сказал он вслух. — Никакого хаоса!.. Иначе все рухнет.

Творец создал в себе четыре мира, а созданные им по его образу и подобию люди сотворяют сейчас свой искусственный мир, подгоняя под свои мелкие нужды.

Как вот эта Сири, реагируя на бесцельно перемещающегося по квартире Михаила, несколько раз спрашивала, не нужно ли ему чего-нибудь, а в последний раз предупредила, что у него повышено артериальное давление, а также слишком велик процент загустения крови, нужно выпить воды и принять таблетку для разжижения.

Этот невидимый демон, созданный людьми, пока еще неразумен и понимает только несколько слов, еще меньше, чем живущие в квартирах собаки, но Михаил вспомнил уверения Азазеля, что эти системы учатся очень быстро, и ощутил смутную тревогу.

Он вздрогнул, когда в комнате прозвучал этот милый женский голосок:

— Хозяин, вы придете через пятнадцать минут сорок две секунды... Что приготовить?

— Ванну, — раздался уверенный голос Азазеля прямо в середине комнаты, — и хороший ужин. Мои вкусы знаешь. Как мой гость?

— Жив, — сообщила Сири. — Но пульс повышен, дыхание учащенное.

— Это он интеллигентность в себе развивает, — ответил Азазель, — а они все нервные и пугливые. В ванну добавь хвойных масел.

Слышно было шум движения его авто, потом все оборвалось, и Михаил со стыдом ощутил, что с нетерпением ждет появления этого особого демона, оставшегося в стороне от великой битвы верных Господу ангелов с полчищем Сатана.

Отсчет времени в квартире Азазеля показывают все предметы, кроме часов, которых Михаил так и не увидел нигде, кроме как на своем запястье: плита в двух местах, холодильник, шкафчики и даже кофемолка, точнее, кофеделалка, потому, когда входная дверь хлопнула, Михаил сразу посмотрел на табло с цифрами.

Прошло в самом деле ровно пятнадцать минут, за это время ванна наполнилась горячей водой с ароматами хвои, а с кухни потянуло взбадривающими запахами спешно зажариваемых рябчиков.

Хлопнула дверь, Азазель вошел бодрый, привычно веселый и с насмешливым блеском в глазах.

— Еще не поседел? — спросил он участливо. — Хотя что это я, никто не сидит за пару часов!

Михаил буркнул:

— А тебе откуда знать?

— Люблю мифы, — пояснил Азазель. — Начиная с великого мифа о грехопадении человека. Только великие поэты, как вот я, могут создавать такие великие легенды, потому что это и есть суть поэзии и вообще искусства.

Михаил поморщился.

— Я бы таких поэтов вешал на воротах их домов.

— Все поэты, — возразил Азазель беспечно, — бездомные...

Михаил настороженно проводил его взглядом, Азазель покровительственно улыбнулся и, сбрасывая одежду на ходу, прошел в ванную.

Судя по шуму, наполненную ванну в последний момент проигнорировал, принимает душ, переняв такую непоследовательность у людей, те хорошему не научат.

Михаил терпеливо ждал, одновременно поглядывая на телеэкран, где сменяются события дня, Азазель даже в своей отлучке через своего демона Сири менял ему здесь каналы новостей, показывая репортажи с мест событий и даже документальные фильмы, сути которых Михаил так и не понял, разве что уяснил с тревогой, что жизнь людей в самом деле резко, даже очень резко изменилась, а за последние жалкие сотню лет вообще стала такой, что ее не признали бы сами люди прошлого века.

Азазель вышел из ванной комнаты освеженный, на ходу вытираясь огромным мохнатым, как зверь, полотенцем.

— Сейчас перекусим, — пообещал он, — и решим, как дальше. Сири, ужин готов?

— Да, — ответил голосок, — две порции. Форель, два рыбчика, легкая пища на ужин...

— Умница ты моя, — сказал Азазель расчувствованно. — Михаил, сейчас будем пировать.

— А на стол твоя умница еще не подает? — спросил Михаил язвительно.

— Пока у нее только голос, — ответил Азазель со вздохом, но добавил бодро: — однако вскоре сделаем для нее и тело!

Михаил посмотрел на него в упор.

— А не кощунство такое?

— Что?

— Творец создал людей, — напомнил Михаил, — а люди создают... тоже нечто по своему образу и подобию? Не кощунственно уподобляться Господу?.. Сатан тоже пытался создать своего человека, но получилась обезьяна.

Азазель так быстро и ловко вытащил из духовки-гриля завернутые в серебряную фольгу две птичьи тушки, что Михаил не рискнул помогать, чтобы не опозориться.

По комнате растекся нежно-чувственный аромат запеченного в собственном соку птичьего мяса.

Азазель сорвал фольгу и выложил на два блюда по тушке.

— Извини, что без овощей, — сказал он и добавил авторитетно: — Ты что, не веришь в мудрость Создателя?.. Ага, попался!.. А я вот верю, что когда создадим этих вот демонов-помощников уже и во плоти, то те через какое-то время создадут уже сами еще более совершенных...

Михаил охнул:

— Ты что говоришь?

— Ага, — сказал Азазель злорадно, — страшно?.. То ли еще будет!.. Господь все учел, ты зря в Нем сомневаешься... Но все равно ешь, хоть ты и почти усомнился, а это значит, и тебя нужно в ад, где погорячее...

Михаил умолк. Азазель не упускает случая уязвить, характер такой скверный то ли уже был, то ли у людей набрался.

Он взялся за торчащие культяпки лап, ожег пальцы, Азазель указал взглядом на нож и вилку.

— Одно дело сомневаться, — сказал Михаил сердито, — и высказывать сомнения, другое — выступать против, как сделал Сатан. Я никогда не выступлю против. Это недопустимо! Должен быть порядок.

Глава 12

Азазель поглядывал с иронией, нож и вилка в его руках слаженно работают будто сами по себе, коричневая корочка на рибчике с легким хрустом проламывается, на лезвии блестит пахучий сок, а ломти нежного мяса моментально оказываются на острие вилки.

Михаил старательно копировал все движения Азазеля, тот недавно обронил вскользь насчет того, что сейчас люди даже в лесу, на рыбалке или в походе все равно пользуются столовыми приборами, это главное отличие от животных, потому не совсем прилично ангелу походить на диких животных, ибо простота хуже воровства.

— Этот Теоганель, — сказал Михаил и задержал дыхание, с трудом удерживая ножом и вилок кусочек мяса, — этот Теоганель проговорился, что он не один здесь...

— Возможно, — предположил Азазель, — он нарочно?

— Зачем?

— Чтобы ты оставил его здесь, — пояснил Азазель, — а с его помощью и по его наводке...

Михаил поморщился.

— Как вот ты?.. Нет, мне и одного осведомителя многовато. Их на земле сколько?

Азазель покачал головой.

— Кто может знать? С беглыми ангелами проще. Они либо живут как люди, ничем не отличаясь, либо выдают себя всплеском, когда стараются получить чего-то больше, чем могут люди.

— А демоны? — спросил Михаил. — Хочешь сказать что-то неприятное о демонах, я угадал?

Азазель нехотя кивнул.

— Почему неприятное? Как раз приятное... Для них приятное. Для тебя не весьма. Демоны, как ты помнишь, уже изначально материальны в отличие от ангелов. Им не нужно облекаться плотью. Они уже... Но у них плоть несколько иная, понимаешь ли...

Михаил ощутил тревогу, зябко повел плечами.

— Не вилай.

Азазель сказал с неловкостью в голосе:

— Если кто-то там мог в аду по узким щелям и норам, то пролезет и здесь, а кто прыгал по скалам, как кузнечик, тот скачет по здешним крышам без всяких всплесков.

Михаил посмотрел испытующе.

— Выходит, со стороны демонов опасность настоящая?

— Они опаснее, — ответил Азазель с явной неохотой. — Всплеск замечают в Брие, а от демонов всплеска нет. Разве что люди заметят, когда демоны чересчур уж...

— Понял, — сказал Михаил, — если бы не было этого чересчур, ты бы промолчал?

Азазель кивнул.

— Я же сказал, ты сообразительничаешь с каждым днем. Даже с каждым часом.

— Где сейчас опасно?

— Везде, — ответил Азазель, — но давай почистишь там, где ближе?

— А ты?

Азазель развел руками.

— Не могу же выступать против собратьев?.. Ну ладно, могу, но разве это этично? Я, знаешь ли, соблюдаю не только внешние законы, но и внутренние. Конечно, как и все люди, когда это мне совсем не вредит и даже не ущемляет, а чувство удовлетворения своей хорошестью дает...

— Ага, эгоист!

— Нынешняя цивилизация, — сказал Азазель серьезно, — построена на соблюдении эгоистических интересов каждого человека, а не только правителей, как было раньше. Может быть, потому и рванулась вперед и ввысь?.. А вот тебе любое убийство в радость, в отличие от меня, старого гуманиста и человеколюбца в хорошем смысле.

Не оборачиваясь, он сделал над головой некий жест, и за спиной тут же с готовностью зажужжала и затрещала размалываемыми зернами кофемашина.

Михаил мрачно размышлял над сложностями проблемы поиска беглецов, Азазель зевнул, снова вскинул руку и пошевелил пальцами.

Наполненная доверху черным горячим кофе чашка проплыла над его плечом и беззвучно опустилась на столешницу перед Михаилом. Вторая чашка появилась чуть быстрее, Азазель перехватил ее в воздухе.

Михаил смотрел исподлбья.

— Это уже не твоя демонесса?

— Нет, — ответил Азазель нахально, — это демонстрация наших возможностей. Понял суть?

Михаил сказал вопросительно:

— Не совсем... или показываешь, что у демонов такое вот всплеска не вызывает?

— Вот именно, — подтвердил Азазель.

— У всех?

— Хороший вопрос, — ответил Азазель с одобрением. — Начинаешь вникать?.. Здесь нюансы, в которых, как здесь говорят, прячется дьявол, хотя не понимаю, о ком речь. Сатан слишком горд, чтобы прятаться, а остальные просто демоны.

— Не отвлекайся, — попросил Михаил. — Понимаю, это у тебя не случайно, но будешь дурить мне голову в другой раз.

— С удовольствием, — согласился Азазель. — Дурить я обожаю. В общем, демоны, как ты знаешь, есть рожденные в аду, а есть те, которые раньше были ангелами. Так вот демоны второго поколения, что бы ни творили, никаких всплесков не дают. С ангелами сложнее... У них это затухает вот уже тысячи лет, потому замечается, когда слишком уж... А вот ты сдвинешь небесной силой хоть щепочку, по всем небесам тут же завоют сирены пожарной тревоги.

Михаил вышел на балкон, улицы с высоты выглядят огненными реками с плывущими то быстро, то медленно темными валунами, только красные огни сзади по бокам зловеще напоминают, что это созданные людьми опасные и быстрые механизмы, а мчащиеся рядом по встречной полосе ярко освещают перед собой дорогу, и без того жарко освещенную расставленными вдоль дороги светильниками на высоких столбах из неизвестного металла.

— А тебе за щепочку, — спросил он с балкона, — ничего не грозит?

Азазель ответил с победной небрежностью:

— Я и гору сдвину без всякого всплеска... Еще чашечку? Тогда ладно, сейчас полежу, помечтаю о светлом будущем, а потом двинемся ловить твоего суккуба.

— Он не мой, — буркнул Михаил.

— Теперь твой, — заверил Азазель. — Здесь так и говорят: «Не тронь его, он мой!»

— Ты слишком часто говоришь, — укорил Михаил, — как люди.

— Добавляй «презренные», — посоветовал Азазель. — У тебя так и слышится «презренные люди»... А ничего не напоминает твоему великолепному солдатскому интеллекту, что это им Творец отдал весь мир Азии, а не нам?..

— Мы и так живем в высшем мире, — напомнил Михаил высокомерно. — Не знаю, зачем Сатану понадобился этот мир.

Азазель протяжно зевнул, потер кулаками глаза.

— Что-то я устал... А ты не подумал, что Сатан мог знать больше, чем ты? Или догадываться?.. Ладно, теперь это уже досужие вопросы. Собирайся, пожертвую заслуженным отдыхом. Перехватим суккуба, пока он третьего не осчастливил... Не скажу, что мне этого третьего жалко, пусть хоть три миллиарда загубит, но каждый раз это внешнее нарушение в человеческом мире, хоть и крохотное. Могут заметить неладное. Как сами люди, так и те, кто обязан присматривать за точным исполнением Великого Замысла. Пусть даже суккубы самые мелкие и ничтожные из демонов, но вредить людям нельзя. Они сами себе вредят вволю, это можно, это даже в каких-то рамках полезно для прогресса, эволюции и самоочищения человеческого общества.

Михаил в нетерпении ждал, когда Азазель поднимется и снимет с вешалки короткую кожаную куртку.

— Не задавайся. Ты хоть и не самый мелкий, но и не самый крупный.

Азазель вздохнул.

— Михаил... Это в Брие все упорядочено, все на месте, как прибито гвоздями, красиво и четко, но Асия —

вулкан в момент самого яростного выброса! Здесь все меняется с такой скоростью, не успеваешь «мама» сказать. И демоны здесь уже давно не те, какими ты их знал.

Лифт опустил их в подземный гараж, Михаил невольно назвал его поддомный и рассердился на свое стремление к правильности и порядку, что совсем не вписывается в этот хаотичный мир.

Азазель издали махнул рукой. Автомобиль выехал из ряда и, развернувшись, остановился перед ними. Когда оба подошли ближе, еще и с готовностью распахнул обе дверцы.

— Скоро и летать научу, — пообещал Азазель. — Как только апгрейды скачаю. Ну и заменю кое-что.

— Как это... летать? — спросил Михаил невольно. — Без крыльев?

— Так, — ответил Азазель, — как и бегать научили без лошадок.

Вечерний город, вершины которого охвачены красным золотом заходящего за край земли солнца, снова показался Михаилу пугающе громадным, великолепным и страшноватым.

В то же самое время начал чувствовать нечто вроде извращенного восторга перед чудовищным городом порока, где люди только развлекаются, играют, предаются чревоугодию, сластолюбию и всем прочим грехам, от которых предостерегали великие и малые пророки.

Пока ехали через город в неспешно двигающемся потоке автомобилей, солнце опустилось за край земли, вслед за ним погас и закат, но в темноту город погружаться не стал: вспыхнули многочисленные фонари вдоль дорог, мощные прожекторы осветили здания снизу, ярко и красочно загорелись огни многочисленных реклам, вывесок, плакатов.

Михаил мрачно вспомнил, что в те времена, когда ему пришлось как-то спускаться в этот мир, действовали за-

коны, повелевающие под угрозой смертной казни с наступлением темноты гасить в домах все свечи и даже очаги.

Но этот ночной город не страшится пожаров, что от одного выкатившегося из печи уголька могут сгореть все дома и сараи со скотом, освещает себя сам, красиво и радостно.

— Какой праздник? — спросил он. Азазель повернул голову, в глазах недоумение, Михаил пояснил: — Что празднуют в городе?

Азазель повел плечами.

— Жизнь! А что еще стоит праздновать?

— Ты не понял...

— Это ты не понял, — ответил Азазель, Михаил поморщился, уловив покровительственную нотку. — Это будни. А на праздники здесь вообще такое...

— Какое?

— Всякое, — пояснил Азазель. — В Москве всегда праздник. А праздник — повод для обжорства, вина и женщин.

— Чистая совесть, — отрезал Михаил сурово, — вот постоянный праздник!

— Я в тебя скоро влюблюсь, — сказал Азазель расстроганно. — Вишь, скупая мужская слеза прошибла, шас лопну...

Через дорогу на ту сторону улицы перебежало что-то лохматое и на четырех ногах. Михаил даже рассмотреть не успел, но Азазель резко тормознул и подал в сторону, едва не врезавшись в бордюр с заборчиком сверху, но вывернул руль, заорав в раздражении:

— Ну какого хрена они прут в город?.. Все равно повяжут и отвезут обратно! Что у них за спорт такой?

Михаил в некотором обалдении слушал, как он еще проклинает дурную козу, что сослепу забрела чуть ли не в самый центр города, наконец оглянулся на дорогу, освещенную фарами идущих следом автомобилей.

— А почему, — сказал Михаил в непонимании, — почему... вон она побежала дальше... почему за ней не охотятся?.. Дикая же...

Азазель огрызнулся.

— А вот такие теперь порочные люди! Твои праведники сразу бы убили, содрали шкуру и распластали на мясо, верно? А здешние оберегают, сюсюкают, а если где какая поранит сдуру ножку, перевязывают, лечат... Даже волков лечат!

— Поверить не могу, — проговорил Михаил, — врешь, да?.. Нет, вижу по лицу, не врешь... Что с людьми стало?

— Еще не то увидишь, — пообещал Азазель. — Зверушек подбираем и кормим, они такие жалобные, зато сами режем друг друга с превеликим удовольствием. И вообще убиваем друг друга так, что смотреть любо-дорого!

Михаил дернулся от такого неожиданного перехода.

— Даже с удовольствием?

— Мир бедности и лишений остался позади, — сообщил Азазель довольно с некоторым вызовом, сути которого Михаил не понял. — Теперь все живут богато. В сравнении с прошлыми веками! И войны теперь вовсе не от безысходности бытия и отчаяния перед голодом и бедностью.

— А почему?

Азазель пожал плечами.

— Причин масса, и с каждым днем все больше. Например, идет сопротивление насильственному окультуриванию и очеловечиванию. Такие вот благородные, как вот ты, решили людей окультурить ускоренными методами. Насильственно!.. Ну, с сухим законом провалились, но вот с толерантностью и политкорректностью решили взять реванш и наперли сильнее, однако народы просто взбунтовались. Теперь люди отстаивают свое законное право быть зверем с оружием в руках.

Глава 13

Михаил посмотрел с непониманием, иногда Азазеля вообще заносит, понять трудно.

— Право быть зверьем?

— Понимаешь, Михаил, — ответил Азазель проникновенно, — окультуривание должно идти изнутри. Через заповеди и пропаганду, а не по приказу конгресса или Госдумы. Только вот нести культуру в массы хлопотно и трудно, куда проще издать приказ, что всякий, кто нетолерантен и неполиткорректен, будет оштрафован и пойдет в цепях на каторгу!..

Михаил пробормотал:

— Значит, силой привели коней на водопой, но не могут заставить силой пить?

— Примерно, — подтвердил Азазель. — Урок со строительством коммунизма ничему дураков не научил!.. Тоже благороднейшая идея, но нельзя такое силой... Ага, приехали!

Он свернул в переулок, там уже десятка два роскошных автомобилей чуть ли не на стены лезут в поисках места.

— Перед ночным клубом вообще велосипед не приткнуть, — сообщил он. — Жлобы, поскупились на стоянку попросторнее! Теперь народ лимузины чуть ли не у мусорных ящиков ставит. Стыдоба и гульбище, как сказал бы Василий Блаженный.

Михаил смолчал, Азазель отстегнул ремень и сказал отечески:

— Сири, бди!.. Баймами не баловаться, по непристойным сайтам не шарить, мой друг к ним больно чувствительный...

— Тогда сними для него женщину, — пропел нежный голосок из динамика.

— Потом, — пообещал Азазель, — он еще не докипел до взрыва.

— Но близок, — предупредила Сири. — Я слежу и за его гормональным фоном.

— Надо ему таблетки прописать, — сказал Азазель. — Жалко человека...

Михаил отстегнул ремень, дверь распахнулась, едва коснулся ручки, и он ощутил некоторую гордость, что так быстро освоился с этим механизмом.

Азазель вылез, звучно захлопнул дверцу и вальяжно-деловито двинулся по переулку в ту сторону, откуда чуткий слух Михаила уловил звуки музыки, очень непристойной и будоражающей кровь.

Когда вышли из переулку на площадь, увидел на той стороне украшенное яркими цветными огнями высотное здание, снизу красиво подсвеченное мощными прожекторами.

У бордюра плотно один к другому сверкающие автомобили, из раскрытых настежь дверей даже на эту сторону доносится ритмичная музыка.

Азазель сказал с воодушевлением:

— Сейчас жить интересно! Здесь танцуем и развлекаемся, а там войны на трех континентах, представляешь? Восемь таких славных кампаний, с бомбежками, артобстрелами, ночными атаками!.. Люблю людей. Да что там люблю, просто обожаю!.. Все правильно, зачем нам восемь миллиардов? Всех на арены мировых коллизеев!.. А как здорово смотреть видеорепортажи вживую с мест сражений? На диване, с попкорном, ноги под теплым и мягким одеялом... Красотища.

— Скотина, — сказал Михаил с отвращением.

— Человек, — ответил Азазель с достоинством, — человек великолепен!.. Я им горжусь и восторгаюсь!.. Это же романтика, не понял?.. Есть упоение в бою и смерти мрачной на краю!.. Сим победиши. Так держать, победа будет за нами. Ни шагу назад, мы ломим, гнутя шведы!..

— Кто такие шведы?

— А все они шведы, — пояснил Азазель. — Все, кто не мы.

Ноздри Михаила уловили приторные ароматы, где смешались запахи вина и одуряющих травок, которые он отнес к приметам порока и разврата.

— Ага, — сказал Азазель с удовлетворением, — ожил...

Он шел бодрый и уверенный, всем видом подчеркивающий, что явился сорить деньгами. У входа расположились группками нарядно одетые парни и девушки, то ли вышли проветриться, то ли их не пускают, но Азазелю молчаливые и респектабельно одетые охранники поклонились с таким почтением, словно он и есть хозяин этого клуба ночных увеселений.

Михаил сказал быстро:

— Стой, не беги в это злачное место, как коза на водопой!

Азазель с интересом оглянулся.

— Что, страшно?..

Он остановился, Михаил ощутил на себе его внимательный изучающий взгляд.

— Скажи о том суккубе, — попросил Михаил.

Азазель посерьезнел, сказал негромко:

— Она здесь недавно. Нет, вовсе не потому, что я раньше не видел, а по тому, как себя ведет... Ты такие тонкости не заметишь, но такие орлы, как я, зрят сразу... Ладно, для тебя это слишком уж высшая математика... Но то, что первого убила... предпочитаю говорить — заимела до смерти, — под утро, второго ближе к полуночи, а сейчас вот должна выйти, едва-едва стемнело...

— Теряет над собой контроль?

— Да на этом почти все новички и попадают, — подтвердил Азазель. — Обычно их сразу стараются ввести в курс дела и научить, как себя вести, но боль-

шинство слишком опьянены возможностями и... срываются.

— Она из таких? — спросил Михаил.

— Да, — ответил Азазель с печалью в голосе. — С нею поговорили после первого же... раза. Сперва пообещала, но через два дня в парке, куда ушла с одним молодым красавцем, нашли его труп. Не сумела совладать со своими страстями.

Михаил спросил шепотом:

— А как к этому... мужчины?

— Вслух говорят, — ответил Азазель таким же шепотом, — что обожают страстных женщин, но на самом деле избегают. Кому нужен секс, похожий на драку?.. В общем, это было вчера... Если не остановить, то будут по два убийства в сутки, потом по три... Полиция начнет расследование, пресса захлебнется статьями о серийном убийце. Понимаешь, это нам абсолютно не нужно... Пойдем, а то стоим тут, будто вышли выяснять отношения. Вон посматривают, ждут начала драки.

Михаил кивнул.

— Остановим твоего суккуба, — пообещал он. — У нас разные причины оберегать людей, но сейчас великодушно принимаю твою презренную помощь.

Азазель не ответил, Михаил тоже молча прошел за ним, сразу поморщился от грохочущей музыки. Азазель двигался через красочно убранный зал с довольной улыбкой. Михаил ощутил, что они двое, рослые и сложенные как гладиаторы, выделяются из празднично веселящейся толпы, их заметили, одна из женщин игриво спросила Михаила:

— Не любишь Стрекальских?

Михаил не нашелся что ответить, Азазель хохотнул и сказал ей доверительно:

— Он фанат кантри. Ночами собираются в банду и ходят лупить рокенрольшиков. Хэвиметлам тоже достается.

Она вскрикнула радостно:

— Правда? Ой, это же так здорово!

Михаил не понял, что тут здорового, но смолчал, Азазель на ходу с одобрительным видом похлопал его по плечу.

— Он только с виду тихий. Интеллигент.

Она пошла с ними рядом, бросила на Михаила удивленный взгляд.

— Фанат кантри — интеллигент?

— Деревенский интеллигент, — уточнил Михаил. — С их особенностями. Простой такой и понятный. Без выпендренов, если понимаешь, о чем я.

Она сказала с ликованием на лице:

— Обожаю, когда меня хватают и пользуют грубо, как настоящие мужчины, что остались только в деревнях. Насилие — это так романтично!

Азазель хлопнул Михаила по спине.

— Топай прямо через зал, там выход во внутренний дворик. Это я такой грубый насильник, а ты больно нежный, нам не годишься.

Женщина весело рассмеялась, широко раскрывая рот и показывая белые зубки и красную глубокую глотку. Азазель придержал ее за руку, а Михаил послушно прошел через зал, не отвечая на вопросы и заигрывания.

На той стороне зала широко распахнуты двойные двери, за ними двор, деревья, светящиеся шары на металлических ажурных столбах и множество веселящейся молодежи, хотя теперь он со щемом понимал, что грань между молодежью и почтенными матронами успешно стерта. По крайней мере, древнюю сорокалетнюю старуху не отличить от шестнадцатилетней девушки.

Женщины начали обращать на него внимание, едва он появился в дверном проеме, пришлось сделать озабоченный вид, что вот спешит, его кто-то ждет, про-

шел в дальний конец двора, всюду яркий свет гирлянд, протянутых по верхушкам деревьев, а там даже просторный бассейн с подсвеченной водой как огнями из кафельных стенок, так и вмонтированными в самое дно.

Отовсюду смех и шутки, многие стоят или передвигаются с большими фужерами в руках, у кого темное вино, у кого красное, официанты снуют с подносами, собирают пустые и раздают уже наполненные.

Он ощутил, как его начало обволакивать это дурашливое состояние беспечного веселья. Слева от бассейна на длинных блестящих штырях крупные светящиеся шары размером с футбольный, нет, даже с баскетбольный мяч, от них свет мягкий, нежный, чувственный...

Все еще делая вид, что кого-то ищет, он с суровым и озабоченным лицом развернулся и пошел в обратную сторону, стараясь ни на кого не смотреть, чтобы не вступить случайно в разговор...

По плечу хлопнула тяжелая ладонь, он резко повернулся, готовый вступить в драку, и вздохнул с облегчением, на него с насмешливым превосходством смотрел Азазель.

— Да брось ты гоняться за этой стервой, — сказал он громко, а тихо добавил: — Возьми вон этот бокал и стой рядом. Я буду смотреть на тебя влюбленно и мечтательно, никто к нам не подойдет.

Михаил сказал шепотом:

— Разве можно так жить?..

— Живут же, — ответил Азазель с расслабленно-довольной улыбкой. — Здесь научились наконец-то смотреть в корень... что значит в душу. А для ваших там важнее, кто как одет?

— Одежда тоже показатель, — буркнул Михаил.

— Дикари-с, — сказал с чувством Азазель, но оживился, проговорил почти счастливо: — Какой же я ум-

ница, красавец и предусмотрительно расчетливый, словно и не с тобой общаюсь! Вон вышло, как и ожидал... Я в самом деле молодец и красавец. А какие туфли себе заказал!.. Это не ширпотреб, шили по моей ноге!

Михаил не стал смотреть на его хвастливо выставленную ногу в дорогом башмаке. По дорожке вдоль бассейна легко шла молодая светлая женщина с красиво уложенными волосами, стройная и без признаков вульгарности, что так характерна для почти всех женщин этого времени, и в особенности собравшихся здесь.

Азазель с силой толкнул Михаила в спину.

— Хотя бы выйди навстречу!.. Давай, увидимся утром!

Женщина уже прошла мимо, но словно ощутила нечто, оглянувшись, с интересом смерила Михаила оценивающим взглядом.

— Что, — спросила она нежным обволакивающим голосом, — моя задница нравится?..

Михаил ответил с неловкостью:

— Вы вся очень... красивая.

В ее глазах заблестел смех.

— Даже вот так? Давно не слыхала таких прекрасно неуклюжих комплиментов. Обычно сразу про жопу, сиськи, дай пожать или пожать... А как тебе мои сиськи?

Михаил ощутил, что в лицо кровь бросилась с такой силой, что даже кожу зашипало, а женщина засмотрелась на него с неподдельным изумлением.

— Давно... да что там давно, вообще не встречала таких... чистеньких! Ты прям чудо. Откуда? Из таежной деревни, где не слыхали про три волны сексуальных революций?

Михаил от стыда не знал, куда прятать глаза.

— Да, — проговорил он с трудом, — я издалека...

— Ты странный, — сказала она. — Взрослый мужчина, а что-то в тебе детское... Это так интересно... Ну-ка возьми меня за сиськи...

Михаил в испуге оглянулся по сторонам.

— Здесь?

Она засмеялась.

— Не рискнешь? Как здорово... А за жопу? У меня там такие сдобные и горячие булочки... Ох, ты в самом деле краснеешь! Нет, теперь меня от тебя и подъемным краном не оторвешь... Ладно, что там время терять на прелюдии? Пойдем наверх, утолишь свои зверские наклонности, в таких тихонях чего только не прячется. А я отдамся так, как ты хотел только в жарких и непристойных снах...

Глава 14

И, не дав ему слова сказать, взяла за руку и потащила через толпу во дворике, а затем в зале с оглушающей музыкой повела по широкой лестнице наверх, где на следующем этаже справа и слева ресторанные столики и публика чуть постарше и посolidнее, а на третьем этаже уже настоящие комнаты по обе стороны длинного коридора.

Михаил дал втащить себя в ближайшую комнату. Женщина пинком захлопнула за собой дверь, он ожидал, что потащит его в постель, однако прижала его к стене. Гибкие руки обхватили за шею, их взгляды встретились, он покорно дал нагнуть себе голову, продолжая смотреть ей в глаза.

— Ты прекрасен, — прошептала она, — я чувствую в тебе силу... это просто пьянит и завораживает...

— Ты сама, — пробормотал он, — совершенство...

Осознал, что так и думает, она в самом деле совершенство, а женщина в ответ на его неуклюжий компли-

мент только загадочно улыбнулась и коснулась губами его рта.

Ничего не произошло, только сладкая дрожь прокатилась по его телу, а она продолжала прижиматься к нему все крепче. Он чувствовал ее мягкую и такую горячую грудь, что становится все тверже, ее руки сжимали его с неженской силой, а губы прижимались все сильнее в жарком, уже опаляющем поцелуе.

Он ощутил жар во всем теле, а она задышала чаще, задвигалась, ерзая грудью по его торсу, застонала в сладкой истоме.

Жар от ее тела стал одуряющим, Михаил понял, что готов поддаться его сладости и безумному зову, но как в тумане смутно увидел багровые русла с текущей через раскаленные валуны магмой, проносящиеся в дымном мареве багровые фигурки с крыльями летучих мышей...

Она в сладострастной истоме закрыла глаза и начала тянуть из него жизнь, Михаил стиснул челюсти и позволил своей силе истечь в нее, как она и желала.

Ее отшвырнуло, в глазах мелькнул дикий ужас. Колени красивых ног подогнулись, она рухнула на пол навзничь, в глазах все еще ширится непонимание и смертное изумление.

— Ты... ты...

— Да, — ответил он невесело. — Да.

Хотелось почему-то сказать «покойся с миром», как говорят люди при смерти близких, но у демонов нет ни смерти, ни воскрешения, просто исчезают бесследно, и она тоже через несколько мгновений испарилась тихо и незаметно.

Он медленно открыл дверь, чувствуя некую неясную потерю, выдвинулся в коридор, и только когда спускался на первый этаж, там встретившаяся девушка-официантка с пустым подносом сказала ему с лукавой улыбкой:

— Вы там... внизу... поправьте...

И указала взглядом, а он спустился по лестнице и только в зале среди танцующих сообразил, что ему уже успели расстегнуть до половины застежку на брюках. Да и рубашку нужно поправить, это же так важно...

Не зная, где искать Азазеля в этом шумном собрании — ночной клуб занимает чуть ли не весь квартал, так ему показалось, — он на всякий случай вышел в тот же задний двор, еще издали окунаясь в ритмичную музыку, ароматы вина и раскованных женщин, но едва сделал первые шаги по газону, как навстречу вышел хохочущий во все горло Азазель.

— Видел бы свое лицо! — заявил он самодовольно. — Хотя можешь посмотреть, вон там зеркальная стена... Нет, это ты уже сделал нужную морду лица, будто на биометрический паспорт сдаешь... Как прошло?

Михаил сказал со злостью:

— А ты не догадываешься?

— Это риторический вопрос, — ответил Азазель бодро. — Что, я в самом деле жду ответа? Ты же прост, как Ваня Пряник. Ответ знаю, просто интересно, что хрюкнешь... Хотя и это знаю. Скудный ты, Михаил. Но забавный.

Михаил буркнул:

— Ты же сказал, увидимся утром!

Азазель сказал покровительственно:

— Зная тебя, любой скажет, что все решишь сразу, хотя мог бы сперва полакомиться... она же такая сладенькая штучка!.. Я отсюда ощутил, а уж как ты там горел, даже не представляю.

Михаил смолчал пристыженно, Азазель слишком хорошо понимает такие ситуации, а тот все еще похохатывал, наконец Михаил сказал рассерженно:

— Уходим?

— Как можно? — изумился Азазель. — Я же чувствую, что здесь суккубами просто кишит! И демонов полно. Нужно все осмотреть, всех подозрительных ощупать, под юбки заглянуть, вдруг хвосты прячут... А ты вообще зверь, Мишка. Убил такую молодую красивую девушку!.. И так быстро. А она так хотела жить!.. Свободно и раскованно в нашем толерантном обществе, терпимом даже к ее ориентации.

— Ее свобода, — произнес Михаил с усилием, — вредила другим.

Азазель покосился на него, вздохнул и промолчал, но Михаил успел заметить в его взгляде нечто вроде издевательского сочувствия.

— Что, — сказал он, уже вскипая, — что не так?

— А нелегко, — поинтересовался Азазель, — убивать молодую красивую женщину?.. В порядке самозащиты, еще понимаю, а вот так? Тебе же ничего не грозило.

— Она сама себя убила, — отрезал Михаил и ощутил, что жалко оправдывается, а Азазель такое замечает сразу. — А что мне оставалось делать?.. Оставить все как есть?

Азазель вздохнул.

— Вот-вот. Чужая свобода, как говорят люди, должна заканчиваться за полметра до их носа. Вот так человек с кровью и драками устанавливают границы свободы и насилия в обществе... Но ты не хмурься! На твоем счету уже двое нарушителей!.. По возвращении похлопают по спине, а то и рукопожатие перед строем. А ты скажешь: «Рад стараться!»

— У нас так не говорят, — буркнул Михаил.

Азазель охнул:

— Почему? А как же поощрение?.. Материальное для вас презренно, но хотя бы моральное, что выше и благороднее?.. Ладно, не хмурься, давай поднимемся на этаж, выпьем кофе и сожрем по сбалансированному бутерброду, если ты коньяки отвергаешь.

— Ты же поужинал! Еще перед выездом!

— Ничего ты не понимаешь, — сообщил Азазель. — Пьют и едят не только по необходимости, но и для удовольствия. Ты должен поощрять свое животное тело из костей и плоти, чтобы лучше работало и даже трудилось на благо. Какое у тебя благо? Ладно, это тоже риторическое... Быть — уже благо. А если честно, это и есть для нас высшее благо, хотя и молчим стыдливо. К тому же оттуда можно обозревать весь зал, понял?

— Понял, — ответил Михаил. — Ты прав, хоть и презренный демон.

— Вот-вот, — согласился Азазель. — Не забывай добавлять «презренный» почаще. А потом я тебе их все припомню.

Михаил послушно пошел следом, Азазель поднялся по лестнице, а там в ресторане он высмотрел самый удобный для их стратегического наблюдения столик возле бортика, ограждающего от расположенного внизу танцевального зала.

— Садись, — велел Азазель, — расслабься и получай удовольствие, теперь это уже не звучит ни двусмысленно, ни похабно.

Михаил сел, чуть сдвинув кресло ближе к бортику, Азазель помахал официантке, а Михаил пожаловался:

— Эта дьявольская музыка везде! Как люди с этим живут? Под нее даже есть невозможно!

— Есть возможно под что угодно, — заверил Азазель бодро. — Господь велел плодиться и размножаться, а для этого нужно кушать хорошо, плотно и часто.

Михаил открыл было рот и так застыл. К их столику подошла официантка, молодая сочная женщина в белом кружевном чокере на пышно взбитых волосах с крупными локонами и еще одним на шее, на высоких каблуках и в кокетливом переднике с двумя кармашками для карандашей и блокнота. Обнаженная грудь целомудренно

прикрыта двумя серебристыми звездочками в нужных местах, молодое тело блестит мелкими капельками пота, ночь жаркая сама по себе, плюс еще и накаленный лампами воздух в зале и даже в саду.

— Легкий ужин, — сказал Азазель приветливо, — по вашему выбору. У вас тут готовят просто очаровательно.

— Спасибо, Азазель Иванович, — сказала девушка и, стрельнув в Михаила кокетливо-любопытным взглядом, быстро пошла в сторону кухни, почти не покачивая безукоризненными булочками на длинных стройных ногах.

Азазель повернулся к Михаилу.

— Ты чего?

Михаил пробормотал:

— Я же говорю, эта музыка отупляет...

— А-а-а, — протянул Азазель и оглянулся в сторону исчезнувшей официантки. — А то я уж подумал... Да, эта музыка отупляет. Все правильно, верной дорогой идете, дорогой товарищ!.. Но я еще не сказал, что общество умеет самоорганизовываться? Или сказал? И что музыку постоянно слушают лица... если у них лица, а не что-то другое, не за столом будь сказано... лица, наиболее обделенные интеллектом? И те, кто не жаждет развиваться? Таких в любом обществе большинство.

Михаил смотрел с недоверием.

— И что? Мы же в этом большинстве!

— Постоянно, — сказал Азазель покровительственно, — слушают музыку грузчики, укладчики асфальта и прочие представители жизненно важных профессий, для которых интеллект не нужен, а даже противопоказан. А еще подростки, у которых интеллект в зачаточном состоянии... Думаешь, Маск, Цукерберг, Миллер или Мацанюк ходят с музыкальными плеерами в карманах и звучалками в ушах?

— А кто те люди?

Азазель отмахнулся.

— Не в них дело, для общества нужна горстка умных и полных энергии людей, которые его перестраивают и ведут к вершинам, а то и тащат. У них в голове громко звучат гениальные идеи и проекты на разные голоса, а не этот, согласен, отупляющий грохот! Но простому человечку так хочется покайфовать, полежать, побездельничать в свободной от вообще-то недолгой и нетрудной работы на общество... Их тоже в ад? Вот-вот. За такое не наказывают. Нельзя наказывать большинство, хотя оно вообще-то неправо всегда. Хотя неправым считается именно меньшинство.

Подошла с большим подносом в руках прежняя официантка, нагнулась, опуская поднос возле Михаила краем на столешницу, полная грудь уставилась звездочкой из серебристой фольги в его тарелку, а ловкие женские руки быстро поставили четыре тарелочки перед обоими, наконец она замедленно разогнулась, лукаво взглянула на покрасневшего Михаила, потом покосилась на Азазеля.

— Да, — сказал он, — теперь мой друг на чаевые оставит все месячное жалованье...

Она улыбнулась и ушла, на этот раз уже покачивая кокетливо приподнятыми булками.

Михаил проговорил сдавленно:

— А почему она...

— Чаевые, — обронил Азазель негромко. — Это всегда хорошее дополнение к жалованью. А когда вот в таком виде, то ее чаевые впятеро превышают жалованье. Но скоро остальные здесь устроят ей конкуренцию. У некоторых фигуры — просто бомбы, а не фигуры.

— Но все-таки, — пробормотал он.

Азазель отмахнулся.

— Ешь, а то остынет. Это ночной клуб!.. Сюда мамы с детьми не ходят. Нормы морали здесь чуточку шире, чем... Неважно, лопай!

Михаил ел молча, блюда незнакомые, но слишком уж не по-мужски лакомые, нужно остерегаться и вести себя сдержаннее, чтобы не впасть в грех чревоутодия, время от времени бросал короткий взгляд исподлобья через бортик в сторону танцующих. Молодые парни и девушки, в большинстве обычные пустышки, сейчас в них ничего, кроме музыки, разве что вон те две молодые женщины хорошо танцуют, правильно улыбаются, но что-то в них не совсем совпадающее.

Азазель проследил за его взглядом.

— Что, нравятся?.. Снимаем?.. Ты ту блондинку, ты же сам светлый, а я хоть и светлый, но могу и темную. Я же демократ, у меня вкусы шире.

Михаил поморщился.

— Прекрати.

— Не угадал? — спросил Азазель. — Ладно, согласен и на блондинку, хотя она явно умнее подружки. Сейчас умные красятся под блондинок, чтобы их принимали за дурочек, мужчинам так легче чувствовать себя самцовее.

Михаил буркнул.

— Не то.

— А-а-а, — сказал Азазель, — сейчас везде подозреваешь суккубов?.. Расслабься и получай удовольствие, я вообще-то не груб... Эти девочки пришли сюда не столько танцевать, как поохотиться.

Михаил встрепенулся.

— Поохотиться?

— Не в том смысле, — ответил Азазель. — Охотятся за богатыми мужьями, должностями, высоким жалованьем... да за чем только не охотятся!..

— А за чем эти... две?

— Они старше, — пояснил Азазель, — чем выглядят. Пластическая хирургия, лифтинг, пилинг, уход за телом... У них уже хорошая работа, материальное положение, теперь вот задумались о замужестве. Часики ти-

кают, еще год-два, и завести ребенка станет проблемой. А выйти замуж за парня намного моложе себя — признак успешной женщины.

Михаил перевел дыхание, Азазель придвинул к нему стакан с коктейлем, Михаил выпил залпом. Одна из женщин подняла голову, словно ощутила его по-мужски прямой и честный взгляд, посмотрела внимательно, что-то шепнула, не прерывая танца, подруге. Та тоже подняла голову, посмотрела, но покачала головой.

Азазель, что все видит и замечает, прокомментировал:

— Не сейчас, сказала вторая. Это значит, еще не потеряли надежду высмотреть среди парней подходящих. Помоложе нас.

— А если потеряют?

— Подойдут к нам.

Михаил сказал торопливо:

— Допивай и пойдем отсюда.

— Да не спеши, я еще даже не доел... Все время подходят новые самцы. Мы для них не подходим. Разве что посовокупляться на раз.

Михаил залпом допил коктейль и поднялся.

— Пойдем. Или подожду в автомобиле.

— Он тебя не впустит, — сообщил Азазель недовольно. — Погоди, нужно расплатиться.

Он бросил на стол несколько цветных бумажек — здесь это деньги, — кивнул Михаилу.

Михаил с замиранием сердца видел с высоты, что уже и вторая женщина бросила в их сторону оценивающий взгляд, потому постарался выскочить из клуба на улицу с решительным видом очень занятого человека, стараясь не попасть в поле зрения обоих сосудов порока.

Азазель нарочито чуть отстал, Михаил подергал ручку, но автомобиль только протестующе пикнул и, лишь заведя Азазеля, со смачным щелчком разблокировал

двери, даже приоткрыл, хотя наполовину, словно все еще рассматривает Михаила с подозрением.

Не пристегиваясь, Михаил сказал упавшим голосом:

— А как же... остальные?

— Кто? — переспросил Азазель.

— Ты же сказал, — напомнил Михаил, — в этом ночном клубе могут быть еще и другие суккубы!.. Или демоны!

Азазель включил зажигание, автомобиль начал осторожно задом выбираться из переулка.

— Не бери в голову, — сказал Азазель и протяжно зевнул. — Нет там никаких суккубов. И демонов.

Михаил дернулся, словно ему в спину всадили раскаленное шило.

— Что?.. Ты все наврал?

Азазель снисходительно улыбнулся.

— Конечно! Но было здорово, правда?.. И так красиво, романтично, возвышенно... Мне бы поэтом побыть, не находишь?.. Или политиком. Кто из них больше врет, не знаешь?.. Правда, у поэтов брежня зовется как-то иначе... Не помнишь? Ах да, когда говорят пушки, поэзия молчит в тряпочку... Поехали, пушкарь.

Михаил не слушал, отвернулся к окну, чувствуя в груди тяжесть, а в голове пустоту.

Глава 15

Когда автомобиль свернул на дорогу к дому Азазеля, на дисплее появилась хорошенькая мордочка молодой женщины. Михаил ощутил, что где-то ее видел, но с ходу не мог вспомнить, а задорный голосок прошебетал с милой озабоченностью:

— Сагиб, вы в пяти минутах от квартиры! Какие-нибудь распоряжения?

Азазель сказал сытым голосом:

— Отдыхай, Сири. Жизнь удалась, мы нажраны и пьяны. А сексуальные услуги ты еще не умеешь...

— Тридцать семь тысяч четыреста тридцать два доллара, — отрапортовала она незамедлительно, — и у меня будет еще и женское тело со всеми необходимыми мужчинам настраиваемыми особенностями.

— Я смотрел, — ответил Азазель, — грубые модели. И сиськи мелкие. Через два месяца обещают улучшенные и в самом деле настраиваемые, а не. Я для тебя выберу лучшую! С вот такими.

— Записано, — отчеканил голосок. — Два месяца! Жду. С вот такими!

— И цены пусть сперва упадут, — добавил Азазель сварливо. — Подумать только, тридцать семь тысяч! Моя «Тесла» стоит дешевле.

— Я уже сейчас умею больше «Теслы», — ответила она недовольно и со щелчком отключилась.

Азазель сказал со вздохом:

— Вот так и развивай им искусственный интеллект! С женщинами как-то промахнулись, надо хоть этих прищучить вовремя...

Автомобиль доставил их к подъезду, пискнул на прощанье и, закрыв дверцы, покатил тихонько по широкому пандусу вниз в поддомную стоянку.

Михаил уже самостоятельно вызвал лифт, а в кабине нажал на нужную кнопку. Азазель посматривал одобрительно, но в его взгляде Михаил уловил некую и непонятную пока что расчетливость.

Дверь квартиры на этаже не распахнулась, как в автомобиле, но замок щелкнул, а дверь чуть дрогнула, освобождаясь от запоров.

Михаил потянул за ручку, дверь послушно открылась, и снова он уловил оценивающий взгляд Азазеля.

В помещении легкий приятный запах озона и полевых цветов чем-то напомнил аромат волос суккуба. Ми-

хаил скривился и помотал головой, стараясь отогнать сладостные воспоминания о том, что сам же оборвал так быстро и безжалостно.

Азазель с кряхтением опустился в роскошное кресло. Такое Михаил видел у фараона Аменхотепа в личном зале отдыха. Нет, у фараона проще, а здесь просто невероятно изысканное, но в то же время без всяких штучек, как бы просто место отдыха обеспеченного человека, который понимает и ценит уют.

— Что пьешь? — спросил Азазель.

Дверцы шкафа распахнулись сами по себе, Михаил увидел три ряда изящных бутылок темного и светлого стекла. Наклейки у всех богатые, но сдержанных цветов, никакой яркой крикливости, свойственной дешевым винам.

Он поморщился, Азазель тут же переспросил:

— Предпочитаешь из холодильника? Могу даже коньяк, я такой, только дикари блюдут правило пить его обязательно теплым.

Михаил поморщился.

— Алкоголь не употребляю. Без острой необходимости.

— Вообще?

— Вообще!

Азазель повел взглядом в сторону камина, там моментально вспыхнули сложенные шалашиком мелкие поленца.

Михаил сказал с презрением:

— Вот так ты и выдаешь себя всплесками. Стареешь?

— Наверное, — ответил Азазель мирно, — все-таки я со второго дня сотворения мира. Даже ты с третьего...

— Я тоже со второго, — напомнил Михаил.

— Правда? — изумился Азазель. — А по развитию ты как будто вчера родился. А то и сегодня.

— Это оскорбление? — спросил Михаил с подозрением.

— Что ты, — вскрикнул Азазель патетически. — Ты молод и силен, вот что я хотел сказать!.. Со свойственными юности задором и страстью ты бросаешься, наклонив голову с острыми рогами, на любого противника, и тот бежит, уstraшенный. А кто убежать не успевает, того ты забадываешь. Ты же милитарист, бодаться обожаешь... Ладно, тогда спать. Не забывай, ты можешь обходиться без сна, но твое тело не может!

Михаил сказал с неохотой:

— Да, у демонов и здесь преимущества. Ладно, увидимся утром.

Он пошел в комнату, которую ему выделил Азазель, а тот крикнул вдогонку:

— Кстати, Михаил... мое имя по возвращении не упоминай, хорошо?

Михаил обернулся, приподнял бровь.

— В связи с чем?

— С твоим крестовым походом супротив демонов. Ни здесь, ни по возвращении.

— Ладно, — буркнул Михаил с долей презрения в голосе. — Не выдам.

Азазель пожелал ему спокойной ночи, но сам вышел в прихожую, погромел чем-то тяжелым, затем донесся хлопок прикрываемой двери.

Демоны не нуждаются в сне, как люди и остальные подобные им животные, потому Азазель и ночью чем-то себя занимает, но Михаил уже чувствовал, что, если бы Азазель хотел скрыться, давно это сделал бы с легкостью. Или если бы хотел всадить в него обойму из пистолета, то сумел бы и это легко и просто.

Чувствуется, конечно, что ведет какую-то игру, но на всякого хитреца, как известно, достаточно простоты,

а он как раз и есть такая простота, даже санта синплици-тас, самая что ни есть святая простота...

Некоторое время лежал без сна, раздумывал, переби-рал случившееся. Все оказалось сложнее, чем мог вообще предположить. И мир Азии представлялся не таким. Хотя, если честно, совсем не ожидал, что здесь все так изме-нится.

Может быть, все потому, что находился, как и все ангелы, архангелы и серафимы, в Брие, что всего лишь на уровень выше Азии, но какой это уровень: абсолют-но нематериальный, только чистая энергия и всепро-никающий свет, чистый и неоскверненный. Который здесь, этот идет от Солнца, а затем еще и добавочно за-грязняется, когда проходит воздушную оболочку пла-неты.

Творцом велено охранять созданный им мир, потому если кто-то сумел как-то проникнуть в него, то не хочет-ся это признавать, но Азазель прав: нужно спешно изъ-ять как можно незаметнее, не потревожив ткань этого хрупкого мира.

Вообще-то, замыслив свой хитроумный план прибы-тия на Землю, он сам поступил в точности как человек, тело которого взял. Тот тоже, чтобы никто из его род-ных и близких не знал о его второй жизни, свою пре-ступную деятельность совершал на другом конце пла-неты.

Спал, как ни странно, крепко и долго, во сне летал над городом, что не кажется чужим и страшным, совсем наоборот, и все в нем прекрасно, удобно и работает на людей, хозяев этого мира.

Утром из спальни он услышал голос уже вернувшего-ся Азазеля, но тот либо разговаривает сам с собой, либо со своей незримой помощницей, не разобрать из-за от-вратительного скрежещущего грохота, который Азазель именует современным музыкальным искусством.

Правда, едва Михаил показался из спальни, Азазель тут же подал знак музыкальному демону, и тот послушно умолк.

— Сири, — сказал Азазель, — завтрак нашему драгоценному гостю. Миша, как спалось?

— Не называй меня так, — буркнул Михаил. — Отвратительно. Сны идут от светлых сил, но демоны ночи вторгаются в них, искажают и запутывают, потому вещим снам доверять нельзя...

— А кроме вещей?

Михаил ответил нехотя:

— Снились порочные женщины, это все от моей гнусной плоти.

— Не такая уж она и гнусная, — заметил Азазель. — Крепкий мужчина в полной мощи. В костюме вылитый джентльмен, в мундире — полевой командир, в камуфляже — элитный десантник... А что бабы снятся, это нормально. Господь создал людей так, чтобы их постоянно преследовали всякие соблазны. А сочные бабы в первую очередь, это же зов первого и самого главного закона на счет плодиться и размножаться.

Он вытащил из духовки и переставил на стол две тарелки, а кофейному автомату сделал знак изготавиться.

Михаил придвинул к себе обеими руками тарелку, на Азазеля посматривал с недоверием.

— Не думаю, что эти мерзкие сны от Господа.

— Ночью с тобой Санегирейя побаловалась? — спросил Азазель с сочувствием. — Смени простыню и не грешь на Господа, дерзкий!.. Он создал тело, в котором ты как в прекрасно пошитом костюме. И все реакции этого тела, как теперь модно говорить, запрограммировал сам Творец.

Михаил молча взял ложку. Из глубокой тарелки пахнет восхитительно вкусно, здесь это называется первым

блюдом. Раньше у Азазеля всегда начинали со второго, сплошные нарушения порядка, даже перед этим первым вроде положены какие-то предварительные блюда типа салатиков...

Он зачерпывал и ел молча, прислушиваясь, как горячее варево из ложки попадает в рот, где слегка обжигает нежную плоть, проваливается по гортани в желудок, а тот радостно сообщает, что просто изумительно вкусно, давай еще, еще...

Азазель наблюдал с понимающей усмешкой, что постоянно раздражала Михаила и сейчас раздражает, но ел молча, где-то слышал, что за едой не разговаривают, такое правило, но Азазель, как подслушал его мысли, тут же сказал громко:

— Вкусно? Моя Сири готовить умеет. Вот подрастет, облечется плотью, как вон ты, женюсь на ней...

Над ними прозвенел мелодичный голосок:

— А меня спрашивать не будешь?

Азазель тяжело вздохнул.

— Опять наскочивала апгрейды от посторонних работников?... Не женюсь, если вот так будешь ходить на сторону. Еще какую-нибудь гадость подцепишь, не за столом будь сказано, а у меня антивирусный щит не то что старенький, но щит всегда усиливают только в ответ на более острый меч... Вот так и тебя, Мишка, с твоими всплесками могут засечь достаточно точно...

— Пусть засекают, — ответил Михаил, смолчав на счет оскорбительного обращения и продолжая работать ложкой. — У меня все законно. Я борюсь с преступлениями, а не совершаю их.

Азазель покачал головой.

— Ты не понимаешь... Допустим, ты самый сильный...

Михаил даже ложку задержал у рта, спросил оскорбленно:

— Что значит «допустим»?

— Ты сильнее всех, — согласился Азазель. — В единоборстве. Но против трех вряд ли, вряд ли... А полдюжины достаточно сильных демонов собьют с ног и тебя. Так что не надо вот так хвост веером, да еще и помахивать из стороны в сторону, разгоняя запах. Среди людей давно принято не соблюдать правила, законник ты наш лучезарный. Но я вообще о другом...

— Ну-ну?

Азазель оставил ложку в пустой тарелке и придвинул к себе другую, поменьше размером и не такую глубокую, зато там во всей красе парует и сочится горячим соком умело запеченный кусок мяса.

— Тебя засекут, — произнес он отдельно, — не только наверху, но и здесь, на земле. И самое милое, все демоны попрячутся, и ты хрен кого найдешь.

Михаил нахмурился.

— А не самое милое?

Азазель нахально оскалился.

— Начнут охотиться на тебя... Ты ешь, ешь!

Михаил вспыхнул было, развернул плечи и хотел заявить, что готов снова сразиться со всеми силами ада, но Азазель смотрит так победно, словно именно этого и ждет, и он процедил со злостью:

— Да, ты все продумал... Давай, говори.

Азазель с ножом и вилкой в руках некоторое время старательно трудился, расчлняя мясо, на лице сладострастное наслаждение, Михаил вдохнул этот дурманящий запах и ощутил, что будто и не съел только что полную тарелку борща.

— Вон твоя тарелка, — сказал Азазель предостерегающе, — на мою не заглядывайся. А насчет ситуации... странно, если бы нормальный человек еще не догадался, но так как ты существо закона и порядка, то как такому

догадаться, по каким странным законам живет и развивается этот причудливый мир?

Михаил поморщился.

— Говори-говори, умник.

— А мог бы уже и догадаться, — ответил Азазель. — Тебе эти оставшиеся дни не обойтись без меня. Я знаю этот мир, он мне родной. Я его в самом деле люблю. И хочу обезопасить.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

Михаил деловито работал ножом и вилкой, освоить это хитрое дело оказалось непросто, но он чувствовал, что справляется, всего лишь подражая Азазелю.

— Ну-ну, — буркнул он. — Продолжай, исчадие ада.

Азазель покосился с недоумением, какое же он исчадие ада, если в аду никогда не был заточен, а одноразовые визиты не в счет, но спорить не стал, Михаил, перенимая его манеру, тоже учится отвечать колкостями.

Он задержал вилку у рта, где совсем рядом с губами исходит ароматами ломтик баранины, на Михаила посмотрел строго и требовательно.

— Методом проб и ошибок, — произнес он, — как говорят люди, удалось выяснить, что мы, как одиночные частички болезни, можем годами жить здесь, не привлекая внимания. Творец ревностно следит только за тем, чтобы человечеству не вредили и ничего в Его Плане не меняли, а если жить здесь среди людей тихо-хонько, то нас как бы и нет.

Михаил сказал мрачно:

— Ты увливаешь от ответа, но я уже понял по твоим недомолвкам. Здесь, среди людей, таких, как ты, немало?

Азазель снял зубами с вилки ломтик настолько хорошо приготовленной баранины, что уже не еда, а лакомство, прожевал, все еще хмурясь, наконец проглотил и сказал сипло:

— Обижаешь. Таких, как я, нет. Я уникален! Ни здесь, ни в аду, ни где-либо. Это подобных тебе легионы, хоть ты и покрепче остальных. Но сбежавших из ада здесь немало, если тебе так уж надо. Более того, огорошу тебя сильнее, очень уж мне нравится смотреть на патетическое изумление на твоей простецкой и такой честнейшей солдатской морде.

— Ну-ну?

Азазель сказал с удовольствием:

— В вашем небесном воинстве тоже хватает дезертиров. Теоганель был не один.

Михаил отшатнулся.

— Врешь, презренный!

— Ты тоже презренный, — уточнил Азазель, — если смотреть с нашей стороны... Ладно-ладно, не протягивай грабли. Уж поверь, я сказал это вовсе не для того, чтобы тебя рассмешить. Ты ешь, ешь!.. Человеку нужна не только духовная, но и кухонная пища, несмотря на ее презренность.

Михаил постарался успокоить человеческое сердце, что начало колотиться часто и бурно.

— Откуда ты... взял... насчет сбежавших... нет, покинувших небеса?

Азазель нахально улыбнулся.

— Просто предположил. Если я заметил одного, во все не выискивая, то такие должны быть еще. У вас же сколько там поголовья? Если на кончике иглы помещается миллион?.. В Библии сказано, что вас там неисчислимое множество. «Есть ли счет воинствам Его?» — спрашивал Иов, если читал Священную Книгу, а Даниил сообщал: «Тысячи тысяч служили Ему и тьмы тем предстояли пред Ним». В Книге Еноха сказано: «И... видел я тысячу тысяч, тьму тем, несметно и неисчислимо многих, стоящих пред славою Господа духов»...

Михаил прервал:

— Тихо, презренный!.. Ответствуй. Почему так решил? Я знаю, порок всегда сладок. Но чтоб кто-то предал наше небесное братство, наши святые идеалы... немыслимо!

— А Теоганель?

— Исключение, — отрезал Михаил. — Урод. Паршивая овца, как говорят... люди.

— Я же сказал, — напомнил Азазель покровительственно и с некоторой печалью, — мир меняется. Возможно, точно по замыслу Творца, но вполне возможно, что и вопреки. Никто из нас не знает, потому что не в силах постичь его мудрость и далеко идущие замыслы. Они то ли просчитаны до конца и до мелочей, то ли вчерне... Но мы, бунтари, раньше всех замечаем перемены, потому что готовы к ним, а то и сами готовим!

Он поднялся и быстро вытащил из пахнувшей жаром духовки поддон с множеством зарумяненных сверху пирожков из муки янтарного цвета.

До отяжелевшего от баранины со специями Михаила докатилась горячая волна ароматов сдобы, и он с изумлением понял, что готов и даже жаждет поесть снова.

Азазель деловито переставил на стол, на этот раз не делил на тарелки, просто оставил поддон с горячими пирогами на середине стола.

Михаил сказал раздраженно:

— Ничего не понял, кроме того, что ты сбежал из ада первым, а потом, глядя на тебя, совсем недавно соблазнился и кто-то из наших.

— А ты поумнел, — сказал Азазель с подчеркнутым изумлением. — Как только тебе повторили раз пять, сразу догадался!.. А раньше было, помню, хоть кувалдой Молоха бей по голове, от нее только звон... но зато какой звучный, величественный, исполненный мощи и благородства!

Некоторое время ели пироги молча. За это время кофемолка, потрескав размалываемыми зернами, выдала две

большие чашки кофе, хотя Михаил не слышал, чтобы Азазель заказывал. Возможно, демон Сири, зная вкусы хозяина, подстраивается под них, не беспокоя его по мелочам.

Михаил наконец спросил в упор:

— И много здесь наших?

Азазель, задержав пирожок в руке, покачал головой.

— Честно говорю, не знаю. Беглецы ведут себя тише мышей под полом. По крайней мере, пока не обживутся.

Что-то в его тоне насторожило Михаила.

— Давай говори.

Азазель переставил на стол чашки с кофе, кивнул Михаилу на сахарницу с коричневыми комочками.

— Еще не понял?.. Человеку все равно, живут ли в нем отдельные бациллы чумы, оспы или сенной лихорадки, если те не пробуждаются. Это все равно что их нет. В человеческом теле вообще миллиарды вредных для него бактерий и даже опасных, не знал? Вот так и Творцу все равно, есть среди человечества сбежавшие из ада или...

— Но-но, — сказал Михаил предостерегающе, — не заговаривайся! Творцу не может быть все равно.

— Извини, — сказал Азазель. — В самом деле извини. Творцу, конечно, не все равно. Он примет меры, если кто-то где-то на земле проявит свою нечеловеческую природу. Понял? Мы сами, угнездившиеся здесь раньше, не заинтересованы, чтобы такие прыткие объявлялись. Я имею в виду тех, кому здесь понравилось. Потому я так поспешно и сдал тебе того же Теоганеля. Как и того орла с его дворцом и бабами. Со спутников и даже с самолетов увидят появившийся дворец там, где час назад было пустое место, а это уже шум, турбулентция, проявление чуда, сверхъестественное...

Михаил буркнул:

— Ну да, вместе с такими повыдирают и тех ваших, кто сидит тихо.

— Точно, — воскликнул с восторгом Азазель. — Нам беспредельщиков не надо, как говорят здесь на земле. Даже

у мафии законы строгие и обязательные к исполнению. Мы как бы мафия, хоть и сами по себе. Так, вроде ламехуз. Хотя нет, мы вреда не приносим... Ух ты, только сейчас понял, мы же, прикинувшись простыми человечиками, даже пользу даем! Налоги платим, еду и ботинки покупаем, чтобы копыта прятать.

Михаил нахмурился.

— Не оstri, нет у тебя копыт. Но если тот дворец люди успели увидеть?

— Снимки со спутников пока нечеткие, — сообщил Азазель, — можно объяснить чем угодно, хоть тем же пылевым облаком причудливой формы. Тем более, посмотреть еще раз внимательнее уже не на что, если ты поработал аккуратно, что вообще-то на тебя непохоже. Это как НЛО, многие вроде бы видели, но доказательств нет, так что и никаких НЛО нет. Хотя, конечно, тревожно... Живем, как на вулкане.

Михаил рассматривал его в упор.

— Смотри на меня, демон. Ты точно не знаешь других? Азазель вздохнул.

— Еще не понял? Мы, как и ты, облеклись в тела людей. И живем, ничем не проявляя своей настоящей сути, которая нас может выдать. Потому, встречая такого же ангела на улице...

— Ты не ангел, — напомнил сурово Михаил.

Азазель повел плечами.

— Все мы были в детстве ангелами, как ты помнишь. Потом да, пути разошлись. Но не в этом суть. Мы не можем увидеть друг друга в телах людей. И не хотим, чтобы нас кто-то увидел. Теперь понял?.. Еще кофе?

— Да, — ответил Михаил с неохотой. — Давай... только сахару побольше.

Азазель, не вставая, с ленцой протянул руку в сторону противоположной стены. Та послушно выгнулась к нему, словно превратилась в тончайшую пленку, а с той стороны подул сильнейший ветер.

Он снял чашку с полки, стена моментально вернулась на место и застыла, прочная, монументальная и абсолютно ровная.

Михаил буркнул:

— А это что?.. разве не проявление?.. Сверху не увидят? Азазель покачал головой.

— Многое можно, многое нельзя, но одно неизменно: люди не должны ни видеть, ни слышать о таком. Повторяю, Творец придает людям особое значение. Вообще такие вещи лучше не делать, потому что могут подсмотреть через неплотно завешенное окно, к тому же теперь везде наставлены видеокамеры.

— Ты силен, — проговорил Михаил. — Немногие могут вот так деформировать пространство.

Азазель фыркнул.

— Ты-то можешь и вдвое дальше. Но лучше не делай. Твои... действия заметнее, чем мои. Тебя засекут сразу.

— А тебя?

Азазель широко улыбнулся, зевнул, а суставы сочно хрустнули, когда он сладострастно потянулся.

— Да, тебе узнать предстоит много... Сири, печенье готово?

— Да, — ответил голосок. — И пирожные.

— Пирожные моему гостю, — велел Азазель, — он у нас сам такой же нежный, а мне, как существу, исполненному грубой романтики и хаотичных взглядов... миндальное с орешками. Оно больше свойственно бунтарям. Хотя мы, анархисты, все жрем, как предвестники тотальной демократии.

Михаил обвел взглядом помещение.

— А как ты защищаешься?

Азазель сказал лениво:

— Ты не заметил, какие на окнах плотные шторы?.. И стекла не просто прочные, а не пропускающие те самые электромагнитные волны, с помощью которых мож-

но подслушать... Нет-нет, никто мною не интересуется, просто привык принимать все существующие на сегодня меры предосторожности. Зато жизнь комфортнее.

Глава 2

После плотного завтрака Михаил, сам того не желая, продолжил вникать в жизнь людей, стараясь понять их причудливые законы и мотивы поступков. Трижды позвонил Азазель садился за обеденный стол, но и оттуда следил за экраном, уже разобравшись, как переключать каналы.

Время проскакивает незаметно, словно это выдумка людей, а так его нет вовсе, наконец Азазель повернулся на вертящемся кресле от стола с компьютером.

— Ты сегодня прямо трудоголик, — сказал он, — словно и не. Я все ждал, когда петь начнешь... Или без арфы никак?.. Добудем!

— Не скаль зубы, — посоветовал Михаил строго. — Наверху не обязаны соответствовать вашим диким представлениям о благородном сословии.

Он поднялся, тело в самом деле застыло от многочасового сидения в одной позе, подвигался, мышцы протестующе заныли.

Азазель снова повернулся к своему настольному экрану, там вовсе непонятная смесь букв, цифр и значков, а он отодвинул штору, закрывающую часть стеклянной стены, и хмуро смотрел на дикую и непонятную жизнь там внизу.

Как же случилось, что совсем недавно на всей земле была горстка людей, потомство Каина, а сейчас их чуть ли не больше, чем муравьев? Своими руками творят такое, что позволительно только Творцу. Потому в своей непомерной гордыне и называют себя тоже творцами... Видимо, в память, что созданы по образу и подобию.

Азазель взмахом руки переключил огромный телеэкран на другой канал, но покосился на болезненно вздрогнувшего Михаила и жестом сперва уменьшил звук, а потом убрал вовсе.

Михаил с отвращением взглянул на беззвучное действо на экране, где бесстыжая женщина с оголенными плечами и выпирающим наверх из полупрозрачного платья выменем с жаром жестикулирует, судя по ее движениям, рассказывает школьникам о сексе, а те ехидно улыбаются с таким видом, что уже успели и забыть, в чем их собираются просветить и что показать для наглядности.

За окном темная ночь, звезд не видно, словно клипоты опустились совсем низко, оставив звезды по ту сторону щита. Однако звездное небо переместилось вниз, теперь там яркая россыпь огней от фонарей, проносящихся автомобилей, витрин, рекламных щитов.

Азазель протяжно зевнул, взглянул на часы.

— Спать еще рано, — сказал он. — Давай спустимся в бар на первом этаже? Или заскочим в ресторан в соседнем доме?.. Можно в элитный ночной клуб уже не по работе, как прошлый раз, а для удовольствия. Это близко, за два квартала, можно пешком. Сливки общества. Самые красивые и развратные женщины города... Снимем парочку мягких и сладких...

— Нет, — отрезал Михаил.

— Почему?

Он сказал резко:

— Это отвратительно!

Азазель вздохнул, покачал головой.

— Ну ты просто не знаю... Или против Творца?.. Он же сказал четко и директивно: плодитесь и размножайтесь!.. Да, плодитесь и размножайтесь, ты сам тогда уже был и даже существовал. Тебе исполнился, как

щас помню, не то третий день, не то четвертый. Даже я, уже старый и умудренный, присутствовал и все слышал. Ну?

Михаил отрезал:

— Это относилось к человеку, который такой же скот, как и все остальные!.. Недаром Адам со всеми сотворенными животными совокуплялся, никого не пропустил, пока не понял, что хотя со всеми созданными Творцом животными у него вполне получается, но нет самки, похожей на него... Тогда лишь попросил у Всевышнего создать и ему такую же пару! Двуногую. И тот взял из него ребро...

— Творец создал, — прервал Азазель, — сперва Лилит, потом Еву! А так как Лилит создавал для Адама, то от нее пошли все демонессы в маму, как и от Евы тоже в маму. Никто не отличит демонессу от женщины. Впрочем, они не только по внешности...

Михаил покачал головой.

— Нет, мне те сосуды порока неинтересны.

— Чё, правда? — спросил Азазель в подчеркнутом недоумении.

— Еще какая!

— А как же потребности твоего организма? — поинтересовался Азазель.

— Перетопчутся, — огрызнулся Михаил.

— Ого, — сказал Азазель одобрительно, — уже овладеваешь сленгом?.. Тогда просто необходимо поддержать прогресс твоего развития.

— Нет, — отрезал Михаил.

— Тогда твоя миссия провалена, — сказал Азазель с сочувствием. — Нельзя действовать в мире, не зная его законов. А это первый и единственный, который дал своему созданию Создатель лично. Плодитесь и размножайтесь!.. Остальные законы: три Ноя, десять Моисея, шестьсот тринадцать заповедей Торы, двести сорок во-

семь повелений и триста шестьдесят пять запретов оттуда же... это не то чтобы второстепенные, но одни люди придумали сами, другие получали из непроверенных источников.

Михаил спросил с подозрением:

— На что намекаешь?

— Получали от ангелов, — напомнил Азазель, — а все мы ангелы. А темные или светлые — это философские термины. Внешне все мы светлые и блистающие. Давай еще по чашке... Не хочешь? Тогда по рюмке!

Михаил нахмурился.

— Алкоголь?

— Отвратительно, — согласился Азазель, — однако Творец разрешил Ною пронести в ковчег виноградную лозу, а когда потоп схлынул, Ной первым делом посадил ее, собрал урожай, а потом упился так, что разлегся в грязи, голый, как свинья.

Михаил нахмурился.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Люди несовершенны, — пояснил Азазель. — Господь создал их такими, чтобы к совершенству тянулись... и тогда, возможно, по чистоте превзойдут даже ангелов. Это мое предположение, дикое, конечно, но я же вольный мыслитель,

— Опасные у тебя мысли.

— Мыслить вообще опасно, — поддакнул Азазель. — Правда, не мыслить — совсем катастрофа. Но народ как-то ухитряется... Шас посмотрим...

Он повернулся к компьютеру, щелкнул пару раз клавишами, которые он называет почему-то горячими.

Михаил спросил настороженно:

— Что ищешь?

Азазель пробормотал:

— Поблизости элитное агентство escort-услуг...

— И что?

— Закажем, — провозгласил Азазель с великим энтузиазмом, — парочку элегантных гейш... ах да, ты с той культурой вообще как перед новыми воротами... Тогда куртизанок? Ты как насчет куртизанок? Тебя нужно ввести в ритм этой веселой жизни.

Михаил сказал быстро:

— Нет!..

— Не обязательно, — сказал Азазель, — заниматься с ними похотью. Просто пообщайся! Они знают многое об этом мире. Даже такое, что не знаю я. Просто поговори!

Михаил покачал головой.

— Нет, это безнравственно. Общение с падшей женщиной тоже пачкает!

Азазель вздохнул, поднялся.

— Безнадежен. Ладно, ты победил, я оставляю свои попытки. Оставайся таким... одноклассником. Светлым. Потому люди и превзойдут нас, потому что в них есть мрак, что от животной глины, и свет от Всевышнего.

— Не превзойдут, — буркнул Михаил.

— Уверен? — спросил Азазель. — Ты сейчас в теле человека. Но презираешь и не откликаешься на его зов и естественные нужды. Ты презираешь создание Всевышнего!.. А это не просто гордыня и грех, но и преступление, если совсем уж честно... Ладно, будь по-твоему. Мне вообще-то пофигу, что будет с ангелами.

Он прошел в свою комнату и уже закрывал за собой дверь, когда услышал за спиной сдавленный и почти страдающий голос Михаила:

— погоди. Ладно, если нельзя перейти на тот берег иначе, чем через смрадное болото... Но только пообщаться! Не более.

Азазель обернулся, взгляд полон сочувствия и неясной печали.

— Вот это по-человечески!

Глава 3

Утром он готовил на кухне завтрак, переругиваясь с Сири, что все делает слишком точно и правильно, а где же художественная небрежность, так свойственная человеку, сейчас она слишком похожа на правильных и потому примитивных ангелов, прислушивался, наконец далеко на той стороне квартиры хлопнула дверь, донеслись два голоса, мощный густой мужской и звонкий девичий.

Через пару минут вышли на кухню вдвоем, Михаил в майке и шортах, а девушка в топики и тоже в шортиках из легкой материи, сказочно красивая, элегантная, с красиво выступающей грудью, талия узкая, а бедра широкие с идеальными полусферами вздернутых ягодич.

И хотя Азазель видел ее, когда они с подружкой пришли вчера вечером на вызов, но сейчас кивнул ей с одобрением и поднял оттопыренный большой палец.

Михаил выглядит смущенным и потерянным, прячет глаза, зато девушка улыбается красиво и загадочно.

— А где Злата? — произнесла она красивым мелодичным голосом, настоящим колоратурным сопрано.

— Это кто? — переспросил Азазель. — А-а, твоя подруга?.. Она решила, что у меня слишком узкая кровать, чтоб на ней еще и спать. Я вызвал такси, упорхнула.

Михаил намек понял, сказал торопливо:

— Я пригласил Синильду позавтракать с нами.

— Не ожидал, — ответил Азазель озадаченно, — но поздравляю... э-э... Синильду. Мой друг слишком застенчив, а ты, выходит, сумела произвести на него впечатление. Меня, кстати, зовут здесь Азазелем.

— Азазель? — переспросила она с веселым недоумением. — Это что, ник такой?

Он ухмыльнулся.

— Конечно! Сейчас все под никами и аватарами. Когда был совсем молодым и глупым, на форумах красо-

вался как «Локи», таких придурков в сети тысячи, а когда поумнел, то лучше Азазеля ничего не придумал.

Она перевела взгляд на Михаила.

— А ты?

Он ответил с неловкостью:

— У меня нет времени на форумы. Михаил — мое настоящее имя.

— Хотя я его частенько называю и по-другому, — заметил Азазель. — Но при женщинах не стоит.

Он поставил перед ними тарелочки с холодной закуской из рыбы и кусочков мяса, посыпанных зеленью. Девушка и Михаил опустились на стулья, друг на друга не смотрят, что вызвало у Азазеля ехиднейшую улыбку.

— А я зато выспался, — сообщил он бодро. — Вам ананасовым маслом полить?

Михаил смолчал — что еще за ананасовое масло, когда на свете существуют только оливковое и коровье, других не бывает? — а Синильда очаровательно улыбнулась:

— Азазель, вы такой заботливый... А кулинар вообще прекрасный!

→ Люблю, — заявил Азазель довольно, — когда подлизываются. Сейчас этого так недостает женщинам.

— У меня в избытке, — сообщила она весело, — я такая подлиза!.. А быть в компании двух таких великолепнейших мужчин — это счастье для любой женщины!

— Да, — согласился Азазель, — я великолепен... Мишка тоже ничо так, хотя из деревни. Но он быстро все схватывает!

Она возразила мягко:

— Он сильный и мужественный! За его спиной, как за каменной стеной, а что может быть ценнее для женщины?

Михаил ел молча, не поднимая глаз, Синильда весело щебетала, вовремя вскочила и помогла Азазелю переставить на стол блюдо с откормленным каплуном, чей со-

блазняющий запах вырвался из духовки и заполнил кухню, едва только Азазель открыл дверцу.

И дальше поддерживала за столом веселый беззаботный разговор, Михаил наконец поднял голову и начал отвечать короткими смущенными репликами.

Азазель внимательно слушал обоих, Синильда то и дело ловила на себе его внимательный взгляд.

Михаил вздрогнул, когда Азазель сказал внезапно:

— Стоп-стоп!.. Синильда, а что, если я законтрактирую тебя еще на несколько дней?.. Я смотрю, мой угрюмый и лаптеватый друг из глубинки просто расцвел с тобой. Ты не работала психотерапевтом?

Она посмотрела на него в изумлении.

— Ты что, взломал мое досье?

— Угадал?

Она слегка пожала точеными плечиками.

— Вообще-то окончила престижный факультет психологии, специализировалась по неврозам, но быстро поняла, что моя профессия не востребована, а тут еще бабушка совсем старенькая стала, отец после инсульта, а кредит на квартиру выплачен только наполовину, младшая сестренка сильно болеет... в общем, когда предложили работу в модельном агентстве, где зарплата в пять раз выше...

— Угадал, — сказал Азазель с удовлетворением. — Я не только красавец, но и умный, не знала?

— Теперь вижу, — ответила она. — А что случилось?

— Мой друг после сильнейшего стресса, — сообщил Азазель. — Он был в горячих точках, попал под ракетный удар, сильно контужен, потерял память. Сейчас восстанавливается, но пока дезориентирован.

Она спросила деловито:

— Во времени?.. В пространстве?

— Разберешься, — сказал Азазель. — Не думаю, что ты не заметила.

— Как такое не заметить? — ответила она с неудовольствием, Михаил дернулся, но смолчал, а она добавила: — Для этого не нужно быть психоаналитиком.

Михаил сказал сердито:

— Эй-эй, не забыли, что я тоже здесь?

— Милый, — сказала она сердечно, — налегай на мясо, тебе это полезно. Азазель, такого каплуна можно к столу французского президента! А твоему другу можно вон те заварные пирожные к кофе?

— А тебе? — спросил он коварно.

Она горестно вздохнула.

— Мне вообще-то нельзя, но... ладно, разве что парочку трубочек... Но можно три.

Азазель положил перед нею на тарелочку четыре трубочки с заварным кремом и сказал ехидненько:

— А одну можешь оставить.

Даже Михаил уловил нечто вроде урока ему, только не понял, в чем он, то ли Синильда не утерпит и сожрет все четыре, раз уж на ее тарелке, либо сумеет себя переломить и оставит последнюю нетронутый.

Когда она поставила уже пустую чашку на стол и откинулась на спинку кресла, Михаил завозился на сиденье, чувствуя, что наступает какой-то важный момент, а Синильда поинтересовалась:

— У вас какие-то дела на этот день?

— Просто убиваем время, — ответил Азазель и добавил несколько туманно, — в ожидании... Но вечером хорошо бы сводить моего друга в клуб Елены Черной.

— Ого, — воскликнула она. — Самые сливки!.. А если там появится еще и Катерина Черных...

— Да, — подтвердил Азазель. — Надеюсь, Михаил там что-то вспомнит. Или кого-то.

Она посмотрела на Михаила с почтением.

— О, ты был его завсегдатаем?

— Да как тебе сказать, — обронил Азазель загадочно. — А пока отпускаем тебя навестить свою бабушку и выспаться. К вечеру ждем уже свеженькую, покрашенную и веселую!.. В нашей жизни так недостает женского чирикания...

— Я вам начирикую, — пригрозила она. — А то и нашебечу, уши отпадут. Хорошо, вы тоже выпитесь заранее, а то ночь в клубе... это нагрузка!

Михаил приподнялся, когда она, подхватив сумочку, направилась к входной двери, но Азазель остановил его жестом, а когда Синильда закрыла за собой, сказал мягко:

— Теперь перед женщинами не открывают дверь и не отодвигают стул. Тем более не провожают. Их уверили, что это они сами добились эмансипэ. Расслабься и получай удовольствие. Как от самой женщины, так и от того, что ушла.

Михаил нахмурился.

— Ты груб. И циничен.

Азазель сказал с одобрением:

— Ты уже умеешь отображать всю богатейшую гамму чувств от А до Б. Это здорово!.. Я не ожидал. Просто потрясен, если начистоту. Я ж говорю, расслабься! Жизнь прекрасна. А Синильда великолепна, как все семь смертных грехов.

Михаил сказал сухо:

— Живешь в самом деле шикарно.

Азазель отмахнулся:

— Да брось. Я не богач, я просто бедняк с деньгами.

— А зачем тебе деньги?

— За деньги нельзя купить только бедности, — сообщил Азазель. — Хотя, если попробовать играть на бирже...

— О душе нужно думать, — прервал Михаил со строгостью в облике и голосе.

Азазель посмотрел на него искоса.

— Есть люди, — произнес он как бы невзначай, — которые полагают, что все, что делается с серьезным видом, разумно. Как думаешь, у ангелов иначе?.. Думаешь, я не ломал голову над вопросом, ошибся или не ошибся Творец с созданием человека?.. Начиная с самой идеи его создания?.. Ладно, допустим, замыслил верно. Но едва появилась Ева, Сатан сумел соблазнить ее, она понесла в своем чреве от него двух детей! Это входило в замысел Всевышнего?.. Осознав, что все испорчено, Творец в гневе изгнал их, после чего Адам и Ева жили в диких местах, где Ева и родила Каина и Авеля. И дети начали враждовать, едва подросли.

Михаил сказал в нетерпении:

— Мысли твои крамольные, но, если честно, все... нет, не все, но многие ангелы задавались таким вопросом. И к чему пришел ты?

Азазель взглянул ему в глаза устало, голос прозвучал тише и уже не так уверенно:

— Сперва усомнился, что мы все знаем лучше Творца. А вдруг его Великий План все еще работает?.. Я начал искать доказательства не только своего несомненного превосходства над Всевышним, как мы все делаем, но и учитывать вероятность, что не все понимаем в его действиях.

— Ну-ну, телись!

— Возможно, — сказал Азазель, — Творец создал Великий План, не особенно заморачиваясь в мелочах? Он просчитал Начало и в общих чертах к чему человечество придет. А Его План именно тем гениален, что несмотря на ухабы на пути, на рытвины, остановки и объезды непредвиденных препятствий...

Михаил возразил, повысив голос:

— Но-но, каких непредвиденных? Всевышний все предвидит!

Азазель посмотрел на него с жалостью.

— Не унижай Создателя. Он не мелочен. Все предвидеть и все рассчитать — это не доверять самому себе. А чтобы лично не вникать во все мелочи и возможные препятствия, Он создал человека с нужным по его замыслу характером.

Михаил вздохнул.

— Станный ты. Веришь в Него больше, чем большинство ангелов, окружающих Его трон!

— Это не вера, — ответил Азазель.

— А что?

— Понимание, — ответил Азазель. — Я сейчас не тот, что тогда взбунтовался и подбил еще двести таких же горячих спуститься к людям и показать всем, как надо действовать!..

— Ага!

Азазель взглянул на него с прежней жалостью и долей презрения.

— Признаваясь, что был неправ, я говорю тем самым, что сегодня я умнее, чем вчера. А ты все такой же, каким и был сотворен? И этим гордишься?.. Ладно, на сегодня хватит умностей. Ты же прост, тебе подавай только экшен.

Михаил в самом деле ощутил, как моментально пробудился интерес.

— Демоны?

— Еще какие, — подтвердил Азазель. — Зло приближается, Михаил!.. Большое Зло.

— Знаешь или чувствуешь?

Азазель покачал головой.

— Не лови на слове неуловимого, Михаил. Ты слишком прост, я слишком хитер...

— Чем более слабости, — надменно произнес Михаил, — тем больше лжи. Сила идет прямо.

Азазель взглянул косо на его красивое и суровое лицо воина.

— Да... согласен.

Михаил покосился на него с подозрением.

— Что, опять какая-то каверза?

— Нет-нет, — заверил Азазель, — все верно. Сила идет прямо. Хитрят только слабые, им приходится развивать ум и вообще мозги. А также логику, сообразительность, а им в помощь технологии... Но, боюсь, Зло приближается слишком уж...

Михаил переспросил:

— Знаешь или чувствуешь? Я не ловлю, хочу понять...

— Ситуация в мире, — ответил Азазель замедленно, словно нехотя, — очень не очень. Люди не просто воюют, а сражаются друг против друга целыми армиями. Народами!.. В этой ситуации появление даже небольшого отряда демонов может перевернуть весь мир...

— С небольшим справимся, — заверил Михаил.

Азазель покачал головой.

— С небольшим я и один с легкостью. Но грядет что-то настолько громадное и тревожное, что чувствую, как начинают трещать и уплотняться клипоты. А ты не замечаешь? Ах да, ты же следишь только за тем, за чем велено.

Он с озабоченным видом взглянул на часы.

— Что-то Сири молчит, а я велел напомнить о вечернем походе в клуб.

— Ревнует? — предположил Михаил.

— Да кто знает причуды машинного интеллекта, — буркнул Азазель. — Ладно, иди крась губы.

— Что-что?

Азазель ехидно обронил:

— Не замечал, что теперь и мужчины подкрашиваются?

Михаил сказал с сердцем:

— И как ты в таком мире все эти шесть тысяч лет жил?

— Прекрасно, — ответил с чувством Азазель. — Я сожрал жареного мяса и прочих вкусовностей размером с Монблан, а меня самого все еще не съели!.. Разве это не достижение в людском мире? Он стал настолько сложным, что за решение его проблем не берутся даже диванные стратеги.

— Это кто, — спросил Михаил, — подростки?

— Подростки за все берутся, — ответил Азазель, — но и у них уже ноги зябнут.

Михаил отмахнулся и пошел менять майку на более яркую. За окном божественно прекрасный закат, приличные звери и птицы собираются на покой, только люди все никак не успокоятся, город и ночью живет так, словно день никогда не заканчивается...

Глава 4

Азазель спросил без интереса:

— Синильду отпустил совсем?

Михаил замялся, что так не похоже на незнающего нежностей солдата, уронил взгляд, поерзал им по полу, а когда поднял и отряхнул, взглянул на Азазеля с некоторой виноватостью, даже голос прозвучал непривычно смущенно:

— Ей нужно было домой. Хотя и наняла приходящую сиделку для бабушки, но тревожится, проверяет, помогает... Да еще что-то с младшей сестренкой, но не говорит.

— А-а, — протянул Азазель и зевнул. — Ну ладно... Если понадобится, вызовешь снова. Или другую, их много.

Михаил нахмурился.

— Не говори так. Она отлучилась на часок! Сказала, сразу вернется.

— Ух ты, — сказал Азазель с новым интересом. — Ты что, доплатил ей?

— У меня нет здешних монет, — отрезал Михаил. — Ты не понимаешь...

— Не понимаю, — согласился Азазель покорно. — Давай поедим?

Михаил сказал с отвращением:

— Что у тебя за жизнь? Ешь, спишь, с непотребными женщинами проводишь время... И так все тысячи лет?

— Представь себе, — подтвердил Азазель покорно. — Как все люди. И как-то сами роются каналы, создаются ветряки, станки, самолеты, интернет, пробы грунта на Марсе... А мы все едим и совокупаемся. Правда, совокупаться стали меньше, высокая рождаемость уже не нужна, но есть стали больше!

— Ничего не понял, — буркнул Михаил.

— Дуализм человеческой природы, — сказал Азазель непонятно. — Амблистомность... тьфу, амбивалентность. Хотя и амблистомность тоже к месту... К человеку вообще многое применимо. Давай на обед пару уток зажарим?.. Или одного большого гуся?

— Жрун, — ответил Михаил, — Синильда придет через два-три часа.

— Тогда трех уток, — предположил Азазель и с вопросом в глазах посмотрел на Михаила, — или двух гусей?

— Оскорблять женщин недостойно, — заверил Михаил сдержанно.

Азазель ехидно заулыбался.

— Здорово. Я думал, ты крепче. Женщины, кстати, тоже кушают. Мы едим, а то и жрем, как вон ты, а они все кушают. Ладно, сам решу, хотя пирожных придется заказать побольше.

С кухни донесся милый голосок:

— Может быть, я спеку на месте?

— Умница, — ответил Азазель, не поворачиваясь. — Ты всегда была рациональной и домовитой, крошка. Такой и будь, а то женские безумства достают.

— Сколько штук?

— С десятка, — ответил Азазель. — Если понадобится больше, остальные забациаешь на принтере. У меня такие гости, все равно разницы ни хрена не поймут.

Тихонько звякнул телефон, Азазель буркнул:

— Связь.

Экран на столе вспыхнул, появилось холеное лицо солидного мужчины с обвисшими щеками. Покосился на замершего Михаила, спросил осторожно:

— Азазель Иванович...

Азазель сказал нетерпеливо:

— Говори, Арнольд. Это мой мальчик для поручений.

Солидный господин Арнольд, уже не обращая внимания на мальчика, сказал с легким поклоном:

— Мое нижайшее почтение, Азазель Иванович. К сожалению, у нас проблема, с которой мы здесь на месте, увы, не справимся.

— Слушаю, — произнес Азазель сдержанно.

— Только что ушли люди, — сказал солидный Арнольд, — которые сообщили, что за нами долг. Предложили выплачивать ежемесячно двадцать пять тысяч долларов.

Лицо Азазеля окаменело, он замер на миг, затем произнес холодно:

— Камеры все работали?

— Да, — ответил Арнольд. — А еще я велел охране проследить за ними. Сейчас они скрыто двигаются за их автомобилем.

— Сейчас приеду, — бросил Азазель и, взмахом руки отключив экран, повернулся к Михаилу. — Дружище, сумеешь вон там сесть на диван и ждать моего возвращения или отвести тебя туда под белы крылья?

Михаил покачал головой.

— У тебя неприятности, вижу. Я с тобой.

— Как знаешь, — ответил Азазель безучастно.

— Демоны?

Азазель поморщился.

— Чего тебе везде мерещатся демоны? Их капля в море. Люди бывают круче!.. Сейчас как раз самый заурядный случай. Простой, но серьезный. И очень опасный. Хотя не для орлов.

Михаил сказал нервно:

— Азазель... я уже видел у тебя этот взгляд! Говори быстро, что происходит?

Азазель поморщился, вид брезгливо-раздраженный, отмахнулся.

— Некоторые начинают действовать, не раздобыв достаточно информации. Сири, ты на хозяйстве!

— Я всегда на хозяйстве, — донесся печальный милый голосок.

— Не горюй, — крикнул от двери Азазель. — Как-нибудь в кино свожу!

Когда захлопывал дверь, Михаил успел услышать ее обиженный голосок:

— В кино? Ты не любишь Мальдивские острова?

Лифт доставил в гараж, оттуда Азазель погнал «Теслу» на повышенной скорости к выходу, выпрыгнули на улицу, и снова гонка, в которой Азазель кроме скорости нарушил еще три-пять правил, Михаил дергался рядом, наконец сказал осторожно:

— Азазель, ты чем-то расстроен, но я бы посоветовал...

Азазель огрызнулся:

— Ничего люди не принимают с таким отвращением, как советы! Я же никого еще не задавил?

— Пока да...

— И не задавлю. Мы сидим в такой штуке, что захотим задавить, так не даст же!

Михаил спросил с недоверием:

— Что... даже если отключишь автопилот?

Азазель злобно усмехнулся.

— А для чего вон эта кнопка на баранке?.. Человек — это звучит, гордо, несмотря ни на что!

— Кто это сказал? — спросил Михаил с недоверием.

— Какой-то джигит, наверное...

Михаил поморщился.

— Люди... А что я еще ожидал?

— Держись, — сказал Азазель, — срезаем этот угол через парк, разве мы не джигиты? Гордо звучит, так гордо!

Михаил то задерживал дыхание, то замирал вовсе и выдохнул наконец с облегчением, когда Азазель начал сбрасывать скорость и переходить с полосы на полосу на правый край дороги.

Впереди из переулка выметнулся черный джип и, тоже нарушая правила, промчался полсотни метров по встречной полосе и остановился перед роскошным рестораном в здании старинной постройки.

Из джипа выскочили двое крепких парней в приличных костюмах. Бросились было ко входу, но увидели подъезжающий автомобиль Азазеля, остановились.

Азазель не погнался за автомобилем к дальнему развороту, а резко крутнул руль и, игнорируя сигналы других водителей, пересек дорогу и остановился рядом с джипом.

Едва Азазель покинул авто, оба парня мигом оказались с ним рядом. Михаил выбрался за Азазелем и услышал, как один сказал вполголоса:

— Мы проследили до складов Торгового центра. Там машину оставили на стоянке, а сами вошли в здание.

— А еще мы к их «Кадиллаку» прицепили жучок, — добавил второй. — Дистанционно.

— Отлично сработали, — сказал Азазель с одобрением. — Возвращайтесь на места. Дальше без вас.

Первый кивнул, но другой сказал с беспокойством:

— Может, мы с вами?... Арнольд Викентьевич сказал, парни очень серьезные. И при оружии, у них явно хорошая крыша.

Азазель улыбнулся.

— Зато я и мой друг очень несерьезные... Ждите новостей. Мишка, садись! Поехали.

Михаил вернулся в машину, Азазель сразу двинулся с места, до того еще, как дисциплинированный Михаил успел пристегнуться, а автомобиль протестующе запищал насчет грубых и нетерпимых нарушений.

Какой-то мужик, наблюдавший за ними, сорвался с места, вскочил в небольшой юркий автомобиль и торопливо сорвался с места.

Михаил с вопросом в глазах посмотрел на Азазеля, тот кивнул.

— Не бойсь, «Тесла» кого угодно догонит.

Юркий автомобиль, марку Михаил не распознал, ловко уходил от них дворами, «Тесле» не разогнаться, но вскоре выметнулись на простор, кварталы с высотными домами остались позади, по обе стороны резво помчались, уходя за спину, лесные полосы.

Азазель прибавил скорость, догнал, умело прижал автомобильчик к краю дороги, а тот, чтобы не свалиться в глубокую придорожную канаву, вынужденно остановился.

Водитель только-только начал открывать дверь, как Азазель и Михаил подбежали с обеих сторон, Азазель рывком распахнул дверь и вытащил за грудь достаточно грузного мужика.

— Ты кто?

Тот перехватил его руку и попытался отодрать от своей рубашки.

— Отпусти! Вы кто такие?

Азазель влепил ему другой рукой пощечину, сделал страшное лицо и спросил люто:

— Кто тебя послал?

Мужик ухватился за щеку, глаза полезли на лоб.

— Что?.. Да как вы смеете!.. Да я вас по судам зата-скаю!.. Где ваши жетоны?.. Покажите, а еще я требую адвоката!

Михаил молча ярился, Азазель сказал с отвращением:

— Что за идиот, политкорректных фильмов посмотрелся... Мы тебе покажем Европу!

Без размаха он с силой саданул в лицо рукоятью пистолета. Голова мужика откинулась с такой силой, что хрустнули позвонки. Когда он с усилием поднял голову, уже кашлял, надсадно захлебываясь кровью из разбитого рта, где между расквашенных в сырое мясо губ вместо передних зубов торчат обломки.

Он кашлял, выплевывая зубы, наконец завизжал:

— Вас за такое посадят!

Азазель сказал Михаилу:

— Видишь, какие бывают тупые дураки? Верят в систему, созданную не Господом, а людьми. Богохульники!

Он ударил снова рукоятью дважды, уродуя лицо, потом с силой пнул в пах. Мужик завизжал пороссячим голосом, упал, скрючился и катался по земле, завывая от боли.

— Кто послал? — спросил Азазель раздельно.

Мужик простонал:

— Не знаю!.. Подошел один, дал денег, предложил увести вас подальше... Я ничего не знаю! Откуда бы я знал, что вы такие крутые, это же розыгрыш!

Азазель сказал брезгливо:

— Ладно, иди в машину.

Мужик подхватился с поспешностью, грузное тело с такой легкостью взобралось обратно на сиденье, что Михаил смутно удивился, как страх придает силы, но тот не успел ухватиться за руль, как Азазель подошел ближе и сказал мягко:

— Ах да, вот еще что...

И быстро выстрелил ему в переносицу. Михаил рванулся вперед и ухватил за руку с пистолетом, но мужик с дырой во лбу уже откинулся на сиденье и пару раз в судорогах стукнул подошвами по педалям.

— Что ты делаешь? — вскричал Михаил.

Азазель высвободил руку и захлопнул дверь, оставляя убитого в кабине, на Михаила взглянул с жалостью.

— Знаю-знаю, божьи создания и все такое. Но беречь нужно не их, а от них другие божьи создания, что получше и почище. Здесь, дорогой мой, не ад и не какие-то там небеса, а прекрасная земля! С ее прекрасными и благородными законами насчет бей первым, а отступай последним... Пойдем в машину или можешь остаться!

Михаил молча вернулся и опустился на сиденье, что не успело еще остыть. Азазель коснулся панели тачпада, автомобиль рванулся с места с такой скоростью, что Михаил поневоле напрягся, никакой застоявшийся конь не помчится так резво.

Некоторое время Михаил молчал, наконец покосился на злое лицо Азазеля.

— Что дальше?

— Что? — переспросил Азазель. — А ты готов действовать по-человечески?..

Михаил пробормотал:

— А по-человечески — это по-человечески?

— В основном, — ответил Азазель. — Но иногда справедливость прячется в несправедливости, потому ее трудно узнать. Я, правда, узнаю, я же гений, но для тебя это проблема... хотя военно-полевой устав обычно выручает.

— Это... как?

— По-человечески, — сказал Азазель, — в реале совсем не то, что в словаре Ожегова или даже Даля, у того словарный запас покруче. Это по-нечеловечески на са-

мом деле, или не по-человечески, если с точки зрения старомодной морали... Так, теперь помолчи, подъезжаем. Пойдешь или останешься?

Он остановил автомобиль у подъезда трехэтажного особняка, за которым виднеются роскошные сосны. На панели управления вспыхнули красным три длинные цифры, Азазель ткнул пальцем в самую большую клавишу и с шумом захлопнул дверцу.

— Вот теперь пусть побегают!

Улыбка его была очень недоброй, Михаил заспешил за ним, спросил опасливо:

— Что ты сделал?

— Ничего, — заверил Азазель, — просто глушанул их систему наблюдения. На время, конечно, но нам хватит.

— Понял, — сказал Михаил, — уравнили шансы.

— Только двигаться нужно быстро, — предупредил Азазель, — пока они не перестроились.

Глава 5

Азазель рывком на себя отворил дверь, весь злой и с оскаленными зубами, пистолет наготове, Михаил двигался в шаге следом, настороженный настолько, что готов был услышать скрип кровати за три этажа сверху.

В прихожую он вдвинулся, словно призрак, в двух шагах впереди деревянная лестница с витыми перилами ведет наверх, справа и слева шагах в пяти по двери, добротные и величественные, но в таких местах либо кладовые, либо подсобные помещения.

Михаил чуть приотстал — вдруг кто выскочит из комнат внизу? — Азазель продолжал уверенно продвигаться вперед, осторожно переступая со ступеньки на ступеньку.

— Может быть, — шепнул он с сомнением, — надо было дать тебе автомат...

— А сам с пистолетом?

— В тесных помещениях с ним проще.

— Здесь не так уж тесно...

Вход на второй этаж перекрыт массивной дверью, Азазель открыл дверь и тут же захлопнул, прижавшись к стене. За дверью резко хлопнуло, в трех местах вздулись крохотные холмики из расщепленного дерева.

Он распахнул дверь снова и вбежал в помещение второго этажа, держа пистолет перед собой. Михаил влетел за ним, там после взрыва гранаты пыль взвилась до потолка, сейчас медленно опускаются на пол взметнувшиеся листки бумаги.

Азазель пронесся наискосок и вбежал в полуоткрытую комнату. Михаил с бешено стучащим сердцем метнулся следом.

Впереди прогремели два выстрела, а в ответ простучала длинная автоматная очередь.

Михаил вбежал, злясь, что выглядит полным неумехой, Азазель, чуть пригнувшись, идет впереди, пистолет в вытянутой руке на уровне плеча.

Снова прогремели пистолетные выстрелы, следом коротко и зло хлестнула очередь из автомата. Азазель двигается впереди, стреляет редко, хотя две обоймы в запасе, самоуверенный гад, но если сумел прожить в этом мире столько лет, то у него есть основания для такой самоуверенности.

Михаил выстрелил в тот же миг, когда справа кто-то начал выдвигаться из-за угла в дальнем конце коридора, и со злобной радостью увидел, как голова противника откинулась с такой силой, словно в лоб ударила не пуля, а кувалда.

Азазель, не оборачиваясь, прокричал:

— Молодец, давай ко мне!

Михаил подбежал, выстрелы впереди гремят безостановочно, не позволяя высунуться из-за угла.

Азазель оскалил зубы в злобно-веселой ухмылке.

— А здесь стрелять умеют!.. Но среди них только двое настоящих профи...

Он высунул руку и быстро выстрелил дважды. Ответные выстрелы загрели еще чаще, а он сказал медленно:

— Или уже один... хотя могут просто перегруппировываться. Следи, чтобы не зашли сзади!.. А теперь бегом!

Когда бежали через комнату с креслами и телевизором во всю стену, с хрустальным звоном разлетелась стеклянная стена, пули застучали по противоположной стене.

Азазель рухнул, у Михаила сжалось сердце, но тот перекатился под защиту стены и там вскочил, держа пистолет в готовности к стрельбе.

— Не высовывайся! — крикнул он, не оборачиваясь. — Ко мне только по команде!

Михаил прислушивался к звукам позади, но пока ни шороха, Азазель внезапно крикнул:

— Быстро ко мне!

Сам он чуть выдвинулся из-за стены и трижды выстрелил, тут же втянулся обратно.

Михаил рванулся с места с такой силой, что мышцы и сухожилия едва не порвались.

Азазель яростно заорал, пистолет в его руке уже не вздрагивает от выстрелов, а мелко-мелко трясется, Михаил с отчаянно стучащим сердцем двигался рядом, едва успевая стрелять в появляющиеся в дыму силуэты раньше, чем там повернут стволы в их сторону.

— Остался один этаж! — прокричал Азазель.

С одним боевиком Михаил схватился в рукопашной, получил два удара кулаками в лицо, но первого ударил о стену, а второму свернул шею.

Азазель обернулся, в глазах веселье, крикнул:

— В бою он страшен, берегитесь, дамы!.. Ты им чуть стену не пробил, пойдем, не поднимется.

Он ударил ногой в дверь и метнулся в сторону под защиту стены, а из комнаты прогремели выстрелы, тут же простучал автомат.

— Как все скучно, — прокричал Азазель, сверкая белыми зубами. — Мишка, тебе же скучно?

— Ничуть, — буркнул Михаил. — И не коверкай мое благородное имя.

Азазель вытащил из кармана гранату, красиво зашвырнул, не глядя, в дверной проем и через пару секунд ворвался в комнату.

Михаил вбежал следом, четверо мужчин присели, укрываясь от осколков, Азазель дважды выстрелил, веселый и торжествующий.

— Придурки... Так легко попадаться?

Двое начали подниматься, у одного в руке пистолет, у другого автомат, Михаил с ужасом видел, как их стволы поворачиваются в сторону Азазеля, он ближе, и как можно быстрее выстрелил сам, почти не целясь.

Оба рухнули с пулями в голове, а Михаил сказал с трепещущим сердцем:

— Идиот!.. Тебя чуть не застрелили!

Азазель загадочно улыбнулся.

— Я верю в тебя, герой без страха и упрека!.. Но теперь уходим, дело сделано.

Он выбежал в коридор, Михаил вскрикнул:

— Не туда!

— Туда, — ответил Азазель. — Уходить нужно по пожарной, это классика, что не стареет, как водопровод, сработанный еще рабами Рима. В Риме был рабовладельческий строй, не знал? Я сам прочитал недавно...

Михаил молча сбежал за ним по этой отвратительной лестнице во двор, а там Азазель уже спокойной походкой, не привлекая внимания, вывел на улицу, и там Михаил увидел, как к парадному входу здания подкатили два автомобиля с полицейскими мигалками.

— Здесь приличный район, — пояснил Азазель. — Отделение полиции рядом, приезжают мгновенно.

— Не так уж и мгновенно.

Азазель улыбнулся.

— Просто мы еще мгновеннее, ну как бы молниеноснее!

Он кивнул на автомобиль, тот приоткрыл дверцы, Михаил с великим облегчением сел, Азазель кивнул на ремень.

— Пристегнись. А то Сири может заблокировать зажигание.

— Раньше только пищала, — напомнил Михаил.

— Каждый день что-то да скачивает, — напомнил Азазель. — Девочка учится быстро. Но стриптиз танцевать еще не умеет, а этому нужно учить в первую очередь. То ли недоработка дизайнеров, то ли церковь нагадила.

— Церковь еще существует?

— Да, но уже не ведет, а плетется обозом сзади и подбирает раненых.

Он вырулил на середину своей полосы и погнал, снова заметно превышая скорость. Михаил промолчал, сейчас все службы задействованы по сигналу о перестрелке, никто не остановит, разве что потом пришлют квитанцию о штрафе, основываясь на показаниях радара.

Он спросил настороженно:

— Ты что... нарочно дал застрелить тех двух мне?

Азазель изумился:

— На меня это похоже?

— Еще как, — зло бросил Михаил, — только не знаю зачем...

Азазель хмыкнул, по его виду можно догадаться, знает зачем, все под контролем, все схвачено, и даже повторяется, как тот трюк с гранатой, у которой чека на месте.

Михаил поерзал, спросил:

— Что теперь?

— Всего один звонок, — ответил Азазель. — Минутку... А ты как думаешь, мы за вегетарианцев не сойдем?

— После такой резни? — переспросил Михаил.

Азазель с ухмылкой вытащил смартфон, Михаил молча ждал, когда он тыкал пальцами в цветные значки, наконец из динамиков автомобиля прозвучал мощный уверенный голос:

— Слушаю...

— Коршун, — сказал Азазель, — вы задолжали ресторану... знаете, о каком речь, миллион долларов. Разрешаю погасить в течение суток. Все, время пошло.

Он прервал связь, Михаил ощутил недоброе, увидев злобный оскал на его лице.

— Ничего не понял, — признался он честно.

Азазель с усилием улыбнулся, но получилось это как-то по-волчьи, даже клыки будто бы удлинились.

— Я позвонил главному, — пояснил Азазель. — Он еще не знает о судьбе тех, кого нанял прошупать меня. Сейчас звонит, чтобы выпросить подробности.

— И как поступит?

Азазель хищно улыбнулся.

— Сегодня же придет в ресторан человека с небольшим таким чемоданчиком. В таких помещается ровно миллион долларов. Это бизнес... Сделал ошибку, расплатись с процентами!

Михаил пробормотал:

— Но миллион... насколько я понимаю, это же чертова уйма денег?

— А мое оскорбленное достоинство? — поинтересовался Азазель. — Понимаешь, недостаточно просто отбиться от наезда. Нужно самому наехать так, чтобы стало ясно, кто доминант, а кто субдоминант. Уверен, хотя срок до завтра, но деньги придут сегодня. И очень скоро. Там понимают, что лучше умаслить мою уязвленную гордость как можно скорее, пока я со злости не добрался

до самого хозяина. Мы же показали, что умеем реагировать не только круто, но и моментально, без подготовки.

Михаил вздохнул.

— Как все сложно.

— Вот-вот, — подтвердил Азазель. — Тут с адом проблемы, а еще и местные мафиози шустрят и стараются урвать кусок... Хорошо, главная опасность пока не угрожает.

Михаил насторожился.

— Кто?

— Женщины, — ответил Азазель, — кто может быть опаснее?

Михаил промолчал — у людей свои причуды, Азазель провел среди них слишком много времени, — наконец сказал с сомнением:

— А почему тебя считают хитрым и коварным?... Никаких хитростей, ты вломился грубо и прямо...

Азазель круто повернул руль, избегая столкновения с задумчивым пешеходом, что прет через улицу, не глядя по сторонам, выровнял автомобиль и, откинувшись на спинку кресла, сказал медленно и с загадочной усмешкой:

— Да, грубо и прямо. Как у вас там принято.

Михаил в изумлении приподнял бровь.

— У нас?

— А кто, — поинтересовался Азазель подчеркнуто ленивым голосом, — вместо дебатов сразу же полез в драку, а потом со своими сторонниками сбросил Сатана в ад?... Ты даже его доводы не стал слушать!.. Тебя взбесило, что выступает с критикой Всевышнего!..

Михаил нахмурился.

— Критика была недопустима.

— А кто, — спросил Азазель язвительно, — тебе это сказал? Ты сам так решил! И вместо того, чтобы переспорить Сатана и убедить в неверном понимании, сразу

ринулся в бой. Вот и мы сейчас точно так же!.. Никаких переговоров, никаких компромиссов.

Михаил сказал нерешительно:

— А что... можно было иначе?

— Конечно, — заверил Азазель. — В другое время я бы обязательно... Но день выдался тяжелый, сам видел, а еще и этого убили сволочи с их межклановыми разборками трехсотлетней давности!.. Так что я пошел, как и ты, прямым путем. Солдатским!.. Это так соблазнительно даже для врожденного гуманиста и пацифиста, как я. Простые пути редко бывают правильными, но на сложные уже нет сил. Точнее, простые выглядят соблазнительно легкими. Вот мы, как два пацифиста, и отпацифистили их по полной программе, чтоб аппетит был лучше и сон спокойнее. Сейчас сон очень важен для долголетия и здоровья! Ты мелатонин не пьешь?

Смартфон легонько пикнул, Михаил вздрогнул, почему-то подумал, что это их старается найти Синильда.

Азазель сказал легко:

— Слушаю тебя, красotka.

Их двух динамиков донесся щебечущий голосок:

— Как вы там?

— Уже едем, — сообщил Азазель. — Чуть запоздали, прости.

Чуткий слух Михаила уловил как Синильда сказала успокаивающе:

— Ничего страшного. Я выхожу, подхватите по дороге к клубу.

Азазель мотнул головой, и связь прервалась. Михаил спросил обеспокоенно:

— А ты знаешь, какой она дорогой?

— Конечно, — ответил Азазель. — Я сразу пробил по базе все ее данные, адрес, родителей, место и дату рождения, школьные фотки, акки в соцсетях... Готов? Расстег-

ни две пуговицы... да не там, на рубашке!.. это придает элегантную небрежность... Эх, придется все-таки заскочить в квартиру.

— Чего вдруг?

— А у тебя, — сказал Азазель злорадно, — не только кровь на туфлях, но и мозги!.. У вас что, ходят так? А у нас все чистюли. Иначе объясняться с полицией, она следит за порядком, если еще не знаешь. Ангелы наши с полосатыми жезлами.

Глава 6

К счастью, обошлось без крюка, всего лишь сдвинулись на один квартал, а там автомобиль быстро домчался до знакомого подъезда и разом застыл на временной парковке для жильцов.

Когда вбежали в квартиру, Азазель ринулся к шкафу и бросил Михаилу оттуда совсем уж непристойную одежду. Михаил стиснул челюсти: издевается, наглый демон, хотя сам одет так же ярко и вызывающе свободно, как все в этом Содоме, но ему что, демон, изначально порочен, иначе бы не усомнился в мудрости Господа...

Переодевался, морщась и кривя рожу, но посмотрев в зеркало, признал со вздохом, что вообще-то смотрится неплохо, а яркие одежды в этом порочном мире носят не только женщины, но и мужчины.

— Жаль, — сказал Азазель, — твой фонарь под глазом ничем не спрятать... Хотя, конечно, можно, но тебе так больше идет! Мужчина с фингалом смотрится так сексуально.

— Что-что?

— Мужественно, — пояснил Азазель и скомандовал: — Все, выходим. Сири, ты на хозяйстве!

Они были уже у двери, когда вдогонку раздался прежний милый голосок, в котором Михаил уловил злорадство:

— Идите-идите. Я вам нахожяйствую!

Михаил в лифте спросил шепотом:

— Это чего она?

Азазель ответил беспечно:

— Аппрейды качает. Не трусь, у меня все схвачено, а им до самосознания дальше, чем нам до сингулярности. Мы обгоним, а там нам никакой искусственный интеллект будет не нужен.

— Мы?

— Мы, — ответил Азазель очень серьезно и не, уточняя, кого в точности имеет в виду, людей или демонов, тут же озорно улыбнулся: — а потом придем и поразгоняем всяких пернатых. Неважно, сколько у них крыльев.

Лифт доставил их в холл, оттуда заторопились к выходу, а когда сбегали с крыльца, автомобиль приглашающе распахнул навстречу обе дверцы.

Михаил торопливо сел на свое место, а пока пристегивался, поинтересовался:

— Здесь тоже Сири?

— Везде, — сообщил Азазель. — Даже в смартфоне. А когда куплю ей подходящее тело, будет все в одном, если понимаешь, о чем я намекиваю. Нет, не понимаешь...

— Догадываюсь, — буркнул Михаил. — Осторожнее, ты на встречной!

— Ого, — сказал Азазель одобрительно, — уже и правила знаешь... В следующий раз дам порулить. Не трусь, отделаюсь штрафом... ах да, на этом участке камеру еще вчера сняли то ли для ремонта, то ли установят другую с большим охватом...

Он крутнул руль, давая дорогу автомобилю, мчащемуся навстречу, а дальше, к облегчению Михаила, поехал по своей полосе, хотя все еще превышая скорость.

— Чего бурчишь? — сказал он, не поворачивая головы. — Пользу приношу стране и обществу!.. Знаешь, сколько в казну штрафов плачу?

Михаил промолчал, загадки и парадоксы человеческой жизни пока что недоступны пониманию, ясно пока только в общем, люди и нарушения умеют обращать себе на пользу.

Азазель подал автомобиль к обочине, догоняя идущую у бровки элегантную женщину.

Она обернулась, сердце Михаила радостно дрогнуло, а в груди разлилось сладкое тепло еще до того, как Синильда улыбнулась своей восхитительнейшей и сияющей улыбкой.

— Выйди и открой ей дверь, — велел Азазель тихим голосом. — А потом сядешь рядом с нею, а не со мной. Быстрее, меднолобый!

Михаил торопливо выскочил, Синильда как чувствовала, что он собирается делать, ждала с милой улыбкой на лице, а когда он торопливо распахнул дверцу заднего сиденья, кивнула и с достоинством великосветской леди красиво села в автомобиль.

Он обогнул машину и, открыв дверцу с другой стороны, рухнул на соседнее сиденье рядом с Синильдой, уже погружаясь в ее запах, ее обаяние и незримое тепло.

Азазель подмигнул ему в зеркало, Михаил с облегчением ощутил, что сделал все правильно.

— Прекрасный автомобиль, — мило произнесла Синильда. — И управляешь им здорово.

Азазель широко ухмыльнулся.

— Да здесь особо не приходится, каждым колесом рулит свой компьютер, а сканеры следят за дорогой. Предыдущий был проще.

— Ездил на «Порше»?

Азазель ответил беспечно:

— На «Порше», на «Бентли», на «Бугатти», на «Феррари» и «Веноме»... у меня их целая конюшня, но ничто не сравнится с «Теслой»!.. Это песня, это будущее мира.

Михаил спросил виновато:

— Мы сильно опоздали?

Она вскинула в изумлении брови.

— Ничуть! Я только вышла, вы меня догнали по дороге... Классно смотрите. Михаил, тебе очень идет эта рубашка.

Азазель сказал бодро:

— А его фингал?

Синильда ответила дипломатично:

— Какой фингал? Не вижу никакого фингала. И почему мужчины так любят драться? Это у вас в крови?

— Эй-эй, — сказал Азазель, — никаких умных разговоров!.. Мы сейчас займемся о своих душеносителях или, как говорят люди, разумоносителях, сиречь — телах. А им нужна музыка, жратва, алкоголь и секс... Плодитесь и размножайтесь, иначе объявим вас бунтарями против Всевышнего!

Михаил молчал, вчувствуясь в странное ощущение тепла и покоя рядом с Синильдой, непонятное и необъяснимое, но странно мощное, обволакивающее со вселенской силой. Кошунственно, наверное, даже подумать, не то что сказать, но словно бы оказался чуточку ближе ко Всевышнему, Милостивому и Всепрощающему, будто в этой замершей рядом женщине есть нечто такое, что делает его ближе к Господу...

Азазель впереди неуместно громко заявил:

— Ого, там что, снова какой-то праздник?... Вся площадь залита огнями!

Обилие света превратило ночь в солнечный день, только небо черное и без звезд, а само здание ночного клуба словно бы выковано из солнечного металла, сверкает так, что глаза слепит, двери распахнуты настежь, празднично одетый народ парами поднимается по ступенькам, а по обе стороны двое атлетически сложенных охранников внимательно ощупывают взглядами гостей, это вдобавок к различного рода металлодетекторам.

В центральном холле ритмичная, но все же не оглушающая музыка, та придет позже, некоторые танцуют вдвоем, кто-то в одиночку изгибается всем телом и театрально вскидывает руки, другие просто с бокалами вина в руках беседуют или с улыбками наблюдают за танцующими.

Михаил заметил и таких, кто неторопливо передвигается по залу, присматриваясь к мужчинам и женщинам, сперва насторожился, но все замечающий Азазель тут же шепнул, что это пикаперы, ищут партнера на ночь или вообще на одну случку, и Михаил сразу потерял к ним интерес.

Синильда шепнула:

— Хочешь, потанцуем?

— Вряд ли смогу.

Она расхохоталась.

— Впервые вижу человека, который чувствует себя неуверенным в таком деле! Современные танцы все могут!.. Это не бальные, просто стой и двигай бедрами. Можешь даже не улыбаться, тут такие тоже есть. Пойдем, ну пойдем!

Михаил дал дотащить себя до края танцевального круга, который хоть и не обозначен, но как бы подразумевается, что середина зала отдана под танцы, если те закупаются.

В руках Синильды ощутил, что в самом деле двигается, не слишком отличаясь от массы, а если учесть, что единого танца нет, всяк танцует как танцуется, то ладно, все пока терпимо.

Синильда шепнула тихонько:

— Чувствуешь себя не в своей тарелке? Не расстраивайся, с тобой все в порядке. Мне тоже это все не нравится, но это часть молодежной культуры, а сейчас все молодятся и стараются прожить дольше.

Он взглянул на нее с облегчением.

— Тебе в самом деле не нравится?

— А как такое может нравиться? — ответила она с изумлением. — Это же массовая культура! Интеллектуальный уровень массы, как известно из школы, всегда стремился к нулю. Элита сюда не ходит.

— А вот Азазель...

— Богатые, — сказала она терпеливо, — это не элита. Элита учится в универах, трудится в лабораториях, создает что-то новое, не зная и не желая знать выходные дни и праздники, потому что праздники от слова «праздность», а эти существа, что вон там пляшут под оглушающую музыку... это простые.

— Простолюдины?

Она кивнула.

— Да. Те самые, благодаря которым элита может и дальше улучшать мир для всех, в том числе и для простолюдинов.

Азазель вернулся с двумя наполненными до краев фужерами, с улыбкой кивнул на ближайший из свободных столиков.

— Отдохнуть не пора? А то Михаилу тяжело, он вообще-то хилый ботаник. Он и пустую ложку ко рту подносит с трудом...

Синильда спросила весело:

— А полную?

Михаил безропотно и с облегчением дал усадить себя, Азазель поставил фужеры с вином перед ними на стол.

— Фирменное, — сообщил он. — Хотя при нынешнем уровне шпионажа и воровства рецептов уже не скажешь, кто настоящий изобретатель.

Михаил откровенно любовался, как Синильда грациозно взяла фужер, аристократичная и блистающая, улыбнулась и красивым жестом, полным изящества, поднесла край к губам, глядя поверх лучистыми смеющимися глазами.

Азазель исчез снова, Михаил взял свой бокал, Синильда улыбнулась ему загадочно, а Михаил, чувствуя, как во всем теле воспламенилась кровь, опрокинул его в себя одним глотком и поставил на стол.

Синильда следила за ним изумленными глазами.

— У тебя же «Звездный Коллапс», — сказала она не-
решительно.

— Наверное, — ответил Михаил. — А что не так?

— Да все так, — пробормотала она, — только это ад-
ская смесь... Даже крепкие мужчины пьют медленно, но
все равно их корежит.

— А-а, — сказал он запоздало, — ну... у меня после
травмы что-то с восприятием...

Она улыбнулась.

— Надеюсь, меня ты видишь не искаженно.

— Синильда, — воскликнул он. — Ох, Синильда...

Она прошептала:

— Мы не станем здесь задерживаться до утра, со-
гласен?

— Да хоть сейчас, — ответил он жарким шепотом.

— Посидим полчаса, — предложила она, — а потом
уйдем.

Он ревниво просматривал мужчин, но хотя многие
смотрят на Синильду с откровенным восторгом, но ни
у кого на лицах не увидел узнавания. Даже женщины,
в большинстве своем безупречно красивые благодаря ра-
боте пластических хирургов, как шепнул Азазель, смотрят
на нее с холодным безразличием, хотя и оценивающе.

Он вздохнул с облегчением, ее не признали, а это
значит, здесь не появлялась, хотя с такой внешностью
должна блистать именно в этом месте, где столько бле-
ска, золота, все пахнет властью и богатством.

— Они что, — поинтересовался он, — нигде не ра-
ботают?

Она мило улыбнулась.

— Ночью?..

— У них вид такой, — сказал он обвиняюще, — что живут только весельем и танцами! Никто не натрудил спину на тяжелой работе...

Глава 6

Азазель вынырнул из веселящейся толпы, глаза блестя, как у вороватого кота, увидел на их столе пустые фужеры, тут же кивком подозвал проходящего мимо официанта, снял с его подноса три полных фужера, заменив на два пустых.

— Молодцы!.. Пить нужно понемногу, но часто. Михаил, сейчас тяжелых работ нет вообще. Извозчики... тыфу, экскаваторы на что?

— Вот-вот, — поддержала Синильда, — а я вот ландшафтный дизайнер!.. закончила трехмесячные международные курсы, получила красивый диплом...

Азазель издевательски захохотал.

— Ну да, ну да!.. Помню, приехали какие-то аферисты из-за океана, организовали платные курсы, все домохозяйки ломанулись получать дипломы!.. Теперь куда ни плюнь, попадешь в ландшафтного дизайнера международного класса!

Она сказала с достоинством:

— И тем не менее я ландшафтный дизайнер. Мою работу по оформлению приусадебного участка взяли на выставку!.. Так что могу работать, украшая жизнь, и не надрывать спину...

— Ты уже украшаешь, — сказал Михаил. — Тем, что ты есть. С тобой рядом всем хорошо.

Она посмотрела с глубоким сочувствием в глаза.

— Кто может веселиться, но не весел, тот обычно болен или очень угнетен... Михаил, я могу чем-то помочь?

Он побормотал:

— Я предпочитал радость веселью. Веселье кратко-срочно, радость же постоянное...

Азазель громко зевнул и, опорожнив свой фужер, поднялся.

— Какой ты заунывный, Мишка... Ты же рядом с красивейшей женщиной! Ладно, ну вас. Сочувствую тебе, Синильда...

Она грустно улыбнулась, указала Михаилу взглядом в спину Азазеля.

— Смотри, он ушел туда, где радость и веселье, а там все, кроме злобы.

Он сказал смущенно:

— Что со мной не так? Я слышу холодные остроты, плоскую двусмысленность, шутки, балагурство и фальшивый смех, что вроде бы веселье. Ты права, это простолюдины, которые убивают время, которого у них и так мало.

Она протянула руку через стол и накрыла своей теплой ладонью его толстые грубые пальцы. На ее лице и в глазах он прочел сочувствие и даже сострадание.

— Михаил... ты в самом деле начал смотреть на жизнь по-другому.

Что-то проскользнуло в ее голосе, он насторожился, но спросил как можно беспечнее:

— Ты знаешь о моей прошлой жизни?

Что-то в ее лице на миг дрогнуло, но тут же с прежней милой улыбкой ответила мягко:

— Зачем это мне? Напротив, я вообще не должна знать о своих клиентах ничего лишнего.

Он помрачнел, проговорил с трудом:

— Прости...

Она сказала шепотом:

— Уходим?

Михаил встрепенулся, Синильда смотрела с сочувствием и любовью, и хотя все женщины, как известно,

великие притворщицы, но все равно в груди разливалось сладкое тепло и расходится по всему телу.

— Нужно позвать Азазеля, — ответил он торопливо. — Мы приехали на его автомобиле.

— Сам пока водить не умеешь?

— Не пробовал, — ответил он с неловкостью, — но наверняка могу, ничего сложного в этом нет.

Она поднялась, Михаил снова залюбовался, а Синильда высмотрела кого-то в толпе, помахала рукой.

— У тебя заботливый друг, — сказала она, — развлекается, но за нами присматривает. Уже идет...

Азазель вынырнул прямо из группы танцующих, то ли вертелся с ними, то ли прошел насквозь, как крупная рыба через стайку мелочи, выглядит таким же веселым и праздничным.

— Что-то стряслось?

— Навеселились, — сообщил Михаил коротко.

К его облегчению, Азазель ответил с полнейшей безмятежностью:

— Тогда в другой клуб или...

— Или, — ответила Синильда и добавила с мягким укором: — Ты забыл, Михаил восстанавливается после травмы, он пока еще слаб...

— Правда? — изумился Азазель. — А с виду такой бычара... Хорошо, уходим. Обо мне не беспокойтесь, счастливому человеку везде хорошо и весело.

Входные двери клуба распахнуты, снаружи воздух чуть свежее, в небе вдаль слабо горят красным звезды, Михаил вспомнил, что это фонари предостережения на высоких крышах, чтобы пилоты не снижались слишком низко.

Азазель на ходу зевнул, сказал с досадой:

— Стоянка до сих пор забита!.. Что за народ, как сказал бы мой пуританский друг Михун, почему развлекаются и веселятся до утра, что за неподобство...

Синильда звонко рассмеялась.

— Тебе ноги оттоптали на таких танцах? Ты машину оставил всего за квартал! Не будь таким ленивым.

Азазель проворчал:

— Я помню времена, когда всегда можно было поставить прямо перед входом.

Михаил бросил на него короткий взгляд. Азазель помнит и времена колесниц, и даже как на коней еще охотились ради мяса, но идет веселый и похохатывающий, словно ему все внове и он впервые наслаждается такой длинной и удивительной жизнью.

Автомобиль увидел их издали, приветствуяюще включил фары, но из-за дома вышли, преграждая им дорогу, двое парней, один высокий и крепкий, как призовой бодибильдер, второй покороче, но широкоплечий и с толстыми руками.

Высокий вытащил нож с выкидным лезвием, а у широкоплечего в руке появился пистолет с укороченным стволом.

— Стоять, — велел он.

Азазель сказал в недоумении:

— Эй-эй, ребята!.. Мы в ваших разборках не участвуем!.. Мы просто идем себе из клуба, девочку вот на двоих сняли...

Синильда, что было спряталась за спиной Михаила, отодвинулась от него в страхе, боязливо отступила в сторону.

Высокий крикнул ей резко:

— Эй ты, дура! Стой на месте!

Синильда вскрикнула испуганно:

— Стою, стою. Я вообще не с ними, я так просто, никуда не убегаю... Я не с ними, не видите? Меня просто сняли на ночь, я пойду, хорошо?

— Стоять! — рыкнул широкоплечий. — А то и тебя пришьем, ночная бабочка!

Она замерла в двух шагах от Михаила, а высокий велел грубо:

— Кошельки, бумажники, часы, карточки и кольца на землю!.. Всем отойти на три шага!.. Если денег окажется мало, то девку поимеем, а вас пристрелим!

Азазель послушно вытащил бумажник и бросил на асфальт, Михаил, поглядывая на него, тоже пошарил в карманах, но ничего не обнаружил, вывернул карманы по примеру Азазеля.

Никто не обращал внимания на Синильду, только Михаил успел увидеть, как в ее руках блеснул пистолет. Держа обеими руками, вскинула его быстро и решительно, тут же раздались два выстрела.

Широкоплечий выронил пистолет и обеими руками ухватился за живот, а который с ножом испуганно бросил его на землю.

— Не стреляйте!.. Только не стреляйте!

Азазель затопал ногами:

— Прибью!

Высокий в ужасе шарахнулся и побежал прочь, а за ним, держась обеими руками за живот, поспешил, шатаясь из стороны в сторону, его подстреленный напарник.

Азазель подобрал с земли свой бумажник и трофейный пистолет, Синильда подошла на подгибающихся от ужаса ногах и протянула Михаилу его пистолет рукоятью вперед.

Лицо ее было блее снега, а глаза как два блюдца.

— Я... я... стреляла... в человека...

— В преступника, — сказал Азазель весело, — это можно. Но как ты ловко вытащила пистолет у нашего простодушного друга!.. Даже я почти не заметил... А теперь все быстро в машину!

Синильда первой побежала к автомобилю, волоча за собой Михаила, а когда впихнула его на заднее сиденье и сама села рядом, крикнула в открытую дверь:

— Почти не считается! — и, повернувшись к Михаилу, сказала заботливо: — Ты как, в порядке?

Он воззрился на нее с великим изумлением.

— Это ж мой пистолет? Когда ты успела вытащить?

Азазель прыгнул за руль, торопливо запустил мотор и быстро вырулил на дорогу, где погнал два квартала по прямой, а потом повел автомобиль через переулки и проходные дворы.

— У тебя было такое лицо, — объяснил он, глядя в зеркало, — можно хоть штаны снять, ты бы не заметил.

Михаил все еще не отрывал от Синильды взгляд, полный потрясения.

— Ты что... и стрелять умеешь?

Она виновато опустила взгляд, Азазель гнусно захохотал.

— Не говори ему, не говори!

— И не скажу, — отрезала она.

Михаил сказал строго:

— Синильда, смотри мне в глаза. Почему ты...

Азазель прервал:

— Давай я, у меня всегда смешнее. Она из эскорт-услуг, а эти девочки мечтают выбиться в фотомодели и манекенщицы. А фотомодели и манекенщицы мечтают выбиться в киноактрисы, ха-ха!

— Ничего смешного, — отрезала она. — Смотри на дорогу!

Михаил все еще не понимал, Азазель круто повернул руль, Синильду прижало к Михаилу, он попытался обнять и придержать ее, но Азазель уже погнал по прямой, и Синильда благовоспитанно отодвинулась.

Азазель сказал с еще более противным смешком:

— Потому все свободное от работы время не по барам, как нормальные женщины, и не умные книжки читают, как хотел бы ты, хотя умные женщины нас пугают... Все еще не понимаешь? Эти не вылезают из шейпинг-залов,

а мозоли у них на ягодицах не от мужских рук, а от тренажеров гребаных! Еще учатся красиво и аристократично ходить по ступенькам, ездить на лошадках, умеют красиво стрелять в тире, хорошо водят автомобили и даже мотоциклы... Насчет хорошо не уверен, но красиво — точно!

Она мрачнела все больше, Михаил взял ее за руку, тихонько сжал.

— Он просто дразнится.

— Вижу, — ответила она сердито, — но что делать? Хочешь выбиться выше, нужно жилы рвать, работая над собой, изучая, овладевая, осваивая навыки. Да, умею из пистолета, из автомата не пробовала, вожу мотоцикл... да-да, Азазель, красиво вожу!.. Жаль, нельзя с распущенными волосами, а под шлемом все равно ничего не видно...

Азазель на секунду вскинул руку, прерывая.

— погоди, погоди. Если обидел, прости. Вижу, мы тебя недооценили. Придется удвоить твой гонорар.

Она пожала плечами.

— Если такие богатые, не откажусь, но я сама пошла с вами, так что в принципе платить больше, чем договорились, не обязаны. Но не откажусь, уже сказала.

Михаил раскрыл было рот, все еще сбитый с толку, но Азазель остановил его властным жестом.

— Молчи, сизокрылый. Вижу, готов предложить ей золотые горы, но не теряй голову. Это красивая девочка, признаю, но все-таки не наша. Мы сами по себе, она сама по себе.

Синильда кивнула, несколько удивленная.

— Ну да, а как иначе? Или хочешь сказать, он на меня запал? Не смейся. Он не выглядит романтичным мальчиком.

— Он потерял память, — напомнил Азазель. — Возможно, его воспоминания заканчиваются на периоде пубертата?.. Самый романтизм.

Она посмотрела на Михаила с жалостью.

— Бедный...

Михаил чутьочку вздрогнул и напрягся, когда она ласково провела ладонью, такой теплой и нежной, по щеке. От того места, где она коснулась, пошло непонятное тепло, согрело грудь и заставило сердце стучать чаще.

— Да, — проговорила она медленно, — ты вроде бы прав, но это же... так печально...

Азазель развел руками.

— Бывают печали и похуже. Вон в соседнем районе башенный кран рухнул от ветра, пять автомобилей раздавил! В последнем бабу с ребенком и щенком. К счастью, щенка удалось вытащить, но лапку сломал... Вся страна переживала, деньги на операцию собирали через фейсбук. Теперь он герой всего района, а в инете два миллиона лайков.

Когда свернули на их улицу, Михаил наконец спросил тревожно:

— Не будет слишком заметно?

Азазель отмахнулся.

— В милицейской сводке напишут, что на юго-востоке столицы в спальном районе случилась бандитская перестрелка. Или произошла, как будет отражено в сводках. Жертв нет, дело закрыто.

— А раненый?

— В больницу не пойдет, — заверил Азазель, — он же бандит. У них найдется подпольное. А не отыщется — сдохнет. Все лучше, чем снова в тюрьму за грабеж с покушением на убийство.

Глава 7

Михаил искоса поглядывал на Синильду, она побледнела и напряжена, но держится достойно, с некоторой даже надменностью, а что молчит, это явно не хочет показать, как дрожит ее голос.

Видимо, прав Азазель, умные девушки с блистательной внешностью стараются подняться повыше, чем просто работать в бюро эскорта, потому свободное время мучают себя в тренажерных залах, на уроках театрального мастерства и всяких бальных танцев, а на кухне вынужденно отказываются от всяких вкусовностей. И заранее стараются научиться тому, что может пригодиться в кино: красиво падают, стреляют, ездят на мотоциклах...

Азазель погнал автомобиль по пандусу в подземный гараж, оттуда втроем поднялись на его этаж. Сири замешкалась, открывая дверь, Михаил покосился на Азазеля, тот стоит с дико искривленной рожой и выпученными глазами.

— Ты чего?

— Приучаю, — ответил Азазель, — чтобы узнавала. Если вдруг приду с такой же побитой рожой, какая у тебя, а она меня в дом не пустит.

Дверь распахнулась, Азазель галантно пропустил обоих вперед, но сам вошел, на ходу сбрасывая туфли и расшвыривая по прихожей, а еще стаскивая через голову модную рубашку с бриллиантовыми запонками.

Синильда сказала уже прежним щебечущим голоском:

— Если вы не против, я в ванную.

— Не против, — ответил Азазель и вздохнул вдогонку. — Почему я не сделал стены прозрачными?

Она задорно улыбнулась, дверь ванной комнаты хлопнулась, а потом слышно было, как задвинулась и плотная штора душевой кабины.

Михаил проводил ее взглядом, а когда его чуткий слух уловил легкий шум водяной струи, сказал шепотом:

— Ничего не понимаю в этой вашей жизни! После того урока, что получили... рискнули снова?

— Ты о чем? — спросил Азазель. Всмотрелся в серьезного Михаила, издевательски хохотнул. — Все еще не понял, что мир велик и даже Москва побольше Рима?.. Намного побольше.

— Ты о чем?

— Это другие, — пояснил Азазель. — Те наехали на мой бизнес, хотели получать по старинке процент, а в этот раз некий некто заинтересовался именно тобой. Так что будь настороже. Это было неспроста.

Улыбка исчезла с его лица, взгляд стал холодным и расчетливым.

— Заметно, — буркнул Михаил.

— Нет-нет, — уточнил Азазель, — ты еще не понял. Это было еще не покушение, как ты возомнил в своей гордыне. И не связано с тем орлом, что так классно обработал твою харю. Надо бы тебе походить с такой дольше, вживаясь в роль человека.

Михаил подумал, кивнул.

— Да, это как-то мелко.

— Кто-то нами заинтересовался еще, — пояснил Азазель. — С их стороны это простая, даже рутинная проверка. Чтобы понять, тот ли ты, кто появился в этом мире и который дурацки выдал себя четырьмя всплесками. В этом деле никакой точности, если всплеск не рядом. Эти люди были посланы умереть...

— Что?

Азазель поморщился.

— Не понимай все так буквально. Конечно, умирать не собирались и даже не думали, что их послали на смерть. Подумаешь, замочить или даже просто отхреначить двух городских пиджонов!.. Но теперь, хоть мы себя и не выдали, но крутыми парнями показали. От тебя могут отстать, а могут и не отстать... Понимаешь, что это значит?

— А от тебя?

Азазель ответил почти весело:

— А меня за що?.. Я здесь свой. Во-первых, демон для тех, кто в теме, к тому же совсем не мелкий. Со мной лучше не связываться даже архангелам. Ну ладно, за исключением тебя. Всех остальных побью. А кто не в теме, для тех я достаточно крутой бизнесмен, который всегда умеет дать сдачи.

Михаил взглянул на него в упор.

— Тогда почему наехали на твой ресторан?

Азазель чуть приподнял бровь.

— А на нем написано мое имя? Знаешь ли, здесь иногда регистрируют на посторонних лиц...

— Я вот все думаю, — проговорил Михаил, — если ты на их стороне, почему не ударил в спину?

— Гм, — проговорил Азазель в подчеркнутом затруднении, — а в самом деле... почему такое не пришло в голову?.. Эх, что ж ты так поздно подсказал!.. Ладно, еще случай точно будет. За мной не заржавеет.

Донесся стук отодвигаемой двери душа. В комнате появилась Синильда, стройная, красиво завернувшаяся в широкое махровое полотенце, на голове замысловатый тюрбан из полотенца поменьше.

Улыбнулась обоим мило, у Михаила от ее улыбки ликующе подпрыгнуло сердце.

— Заодно и голову помыла, — прощепетала она. — Это чтоб вы не выгнали на ночь на улицу девушку с мокрой головой, где сразу простужусь. Я ж такая нежная, сразу откину копытца.

— Нет, — сказал Михаил серьезно, — не выгоним. И у тебя не копытца.

Он покраснел, вспоминая, как с нежностью мял и тискал ее всю, даже эти маленькие ступни, как принято говорить о женских, хотя у Синильды не маленькие, а вполне пропорциональные ее росту, но такие нежные, вкусно пахнущие...

Она ответила с печальным вздохом:

— Твой друг выгонит.

— И он не выгонит, — заверил Михаил и посмотрел на Азазеля строго. — Он не совсем злой, хотя я его не понимаю. И вообще...

Азазель сказал патетически:

— Синильда, он встанет за тебя горой и размажет меня по стенам, если обижу тебя словом или взглядом. Про остальное вообще молчу ввиду нехотения быть убитым прямо здесь и сейчас.

Она мило улыбнулась Михаилу.

— Странные вы ребята... Нет-нет, я не спрашиваю, чем занимаетесь. В нашем агентстве приучают не задавать таких вопросов.

— Очень предусмотрительно, — подтвердил Азазель. — Все люди такие разные и совсем, к счастью, не ангелы... Перекусим на ночь?

Михаил смолчал в затруднении, а Синильда весело прошептала:

— Только если без кофе. Я после него не засну.

— Тогда легкий ужин, — решил Азазель. — Все равно сразу не заснем после такой встряски. Хотя почему нет? Я спать люблю.

Михаил помнил насчет двойственной природы человека, который сам по себе скот, но с душой от Всемогущего, и даже понимал мудрость насчет того, что проще поддаться зову плоти, чем сражаться с ним постоянно, но то ли не получалось на практике, то ли что-то еще, но продолжал держать в руках Синильду и потом, не желая расставаться с ее теплом и нежностью.

Наконец, расцепившись и выравнивая дыхание, они лежали рядом на постели, и все равно чувствовал хоть и не зов плоти, но неодолимое желание держать ее в объятиях, защищать, беречь и спрятать от этого опасного мира...

Она, как чувствовала, положила голову ему на плечо, а согнутую в колене ногу забросила чуть ли не на грудь, прижалась, и он наслаждался этим единением, когда зов плоти вроде бы удовлетворен, однако нежность к этой хрупкой и самоотверженной женщине едва не выплескивается из ушей.

Азазель, который может спать, а может и не спать, уже лениво переругивается с Сири, а та ему отвечает довольно язвительно. Азазеля, как уже понял Михаил, такое еще больше забавляет, и он продолжает ее дразнить, как он сказал, развивать ее машинный интеллект.

Синильда пощекотала ресницами ему грудь, тихонько вздохнула.

— Нужно подниматься... Слышишь, твой друг жарит шашлыки...

Михаил потянул носом, тут же в желудке квакнуло. Синильда подняла голову, улыбнулась ему и, убрав ногу, вскочила одним движением, полным красоты и грации.

Он лежал несколько минут, любуясь, как она одевается, а когда обернулась к нему, уже готовая к выходу, он поинтересовался:

— А краситься что... не будешь?

— У меня татуаж, — ответила она с милой улыбкой. — Не хочу, чтобы ты пугался утром.

Он торопливо вскочил, быстро оделся, а когда вышли из спальни, Азазель уже расставлял тарелки по столу.

— А-а, — сказал он, поднимая голову, — день без ссор — крепкий сон?.. Доброе утро.

— Утро доброе, — ответила Синильда благовоспитанно. — Как спалось?

— Бабы снились, — сообщил Азазель. — Но я эту проблему решаю легко.

Она светски улыбнулась.

— Можно было позвать Злату.

— Да не хотелось тревожить девушку по такой мелочи, — ответил он. — Ташиться через половину города ради такого пустяка?.. Михаил, пойди помой руки и садись за стол.

— Он уже помыл, — сказала Синильда. — Отряхнул и помыл.

— Тогда за стол, — пригласил он. — Если шашлыки не удались, бейте Сири. Хотя, правда, готовит их она впервые...

Из динамиков раздался обиженный детский голосок:

— А почему всегда виновата Сири?..

— Гм, — сказал Азазель озадаченно, — а в самом деле... Женщины виноваты, на них изначально первородный грех, нечего было со Змеем прелюбодействовать, а вот ты, Сири, в самом деле беспорочна... Ладно, ешьте, не умничайте!

Новое блюдо со странным названием «шашлыки» оказалось не просто восхитительным, а просто дивным. Каким же оно будет, когда Сири подучится готовить? Михаил ел с жадностью, оголодавшее за ночь тело жрет так, что за ушами трещит, Азазель с ехидной улыбочкой переложил на его тарелку еще с десяток крупных ломтиков, и хотя по правилам пристойности нужно было сказать торопливо «Что вы, что вы, достаточно!», Михаил лишь кивнул и посмотрел на горку еще горячих кусочков мяса на основном блюде в центре.

У Синильды на запястье изящные часики с человеческой нечестивой магией, Михаил то и дело скашивал глаза, поглядывая, как там постоянно меняются картинки, иногда доносится мелодичный звонок. Синильда отвечала редко, но сейчас почему-то очень быстрохватила из сумочки смартфон, прижала к уху.

— Я здесь, — сказала она так торопливо, что почти крикнула. — Как у нее?

Михаил невольно прислушался — это среди людей считается неприличным, но что здесь неприличного? — и четко услышал женский всхлипывающий голос:

— Химию отменили... Говорят, не выдержит нового сеанса!.. Да и бесполезно, так сказали, метастазы уже везде... Прости, не могу удержаться, реву все время...

— Крепись, — сказала Синильда, — сейчас еду.

Связь оборвалась, Синильда сунула коробочку в сумочку, Михаил искоса посматривал на ее ставшее суровым лицо.

— Неприятности?

— Младшая сестренка умирает, — ответила она неохотно. — Просмотрели простейший рак желудка, но теперь метастазы даже в мозгу... Прости, я должна отлучиться.

— Надолго?

Она взглянула на него зло и растерянно.

— Не понимаешь?.. У меня сестра умирает!.. Я должна быть там.

Она ухватила сумочку и выбежала из комнаты. Михаил вскочил, едва не подавившись куском мяса, догнал ее в коридоре.

— Но если умирает, что ты можешь?

— Посижу с нею, — бросила она на бегу, — буду держать за руку.

— Это поможет?

— Нет, но ей будет легче.

— А тебе?

— Мне тяжелее, — огрызнулась она, водя пальцем по экрану смартфона, — но кто о себе думает в таких случаях?

Выбежали на улицу, тут же подъехало такси.

Михаил забежал вперед и распахнул перед Синильдой дверцу, как видел в каком-то фильме, а потом, усадив Синильду, поспешил обогнуть автомобиль спереди и сесть с нею рядом.

Она бросила коротко, не глядя в его сторону:

— Тебе ехать со мной не стоит.

— Почему?

— А зачем? — спросила она раздраженно и с тоской в голосе. — Я сейчас никакая... Мне нужно поддержать сестру.

— А мне тебя, — ответил он.

Она метнула в его сторону короткий взгляд, вроде бы полный удивления, но тут же ее лицо стало сосредоточенным, всеми мыслями она уже там, в больнице, рядом с младшей сестренкой.

Глава 8

Они вбежали в приемный покой, Михаил чувствовал сильнейший запах не только лекарств, но и неулавливаемые людьми боль и страдание, разлитые не только в воздухе, но и выплескивающиеся из окон и дверей.

И пока спешили по коридору, он все сильнее чувствовал эту боль, эти угасающие надежды, это нежелание угаснуть, дать тьме погасить искру, зароненную в их души Творцом.

Синильда столкнулась в дверях с медсестрой, та сказала с сочувствием:

— Хорошо, что вы пришли... Уже недолго.

— Как она? — спросила Синильда.

— Только что дала ей сильнейшее обезболивающее, — сообщила сестра. Она бросила короткий взгляд на Михаила. — Держитесь.

— Спасибо, — сказала Синильда.

Медсестра со вздохом опустила голову и пошла прочь по коридору, а Михаил вслед за Синильдой торопливо вошел в палату.

Сердце его сжалось: на просторной больничной постели в самой середке лежала, едва не потерявшись в та-

ком громадном пространстве, очень исхудавшая девочка лет пяти-семи с абсолютно лысой головой, вся бледная настолько, что почти прозрачная.

Она всмотрелась в подбежавшую к ней Синильду, слабо улыбнулась бескровными губами.

— Сестричка...

Синильда перехватила ее слабую и тонкую, как стебелек, руку и уложила обратно.

— Лежи-лежи. Сейчас не больно?

— Нет, — прошептала девочка. — Уже не больно.

Михаил придвинул Синильде единственный стул, а когда та села, остался за ее спиной, рассматривая этого человеческого ребенка со щемящей жалостью и сочувствием, хотя и вроде бы глупо так чувствовать, ежедневно таких вот детей умирает около ста тысяч, как было сказано в какой-то их телепередаче.

Но они где-то, а этот беспомощный ребенок здесь, ей страшно и одиноко, хотя сестра сидит рядом и держит за руку, но все равно одиноко, потому что уходить из этого мира только ей, только ей...

Повинуясь чему-то человеческому в его теле, он обогнул стул и подошел к больничной койке вплотную. Девочка подняла на него не по-детски серьезный взгляд.

— Я плохо вижу, — прошептала она, — ты кто... ангел?.. Это за мной?

Синильда промолчала, глядя в ее лицо с печалью и любовью, Михаил чувствовал, с каким усилием она удерживает слезы, чтобы не огорчать младшую сестренку.

— Да, — ответил Михаил, — тебя там ждут... Такие же чистые и невинные души...

Она слабо улыбнулась и, вытащив бледные пальчики из ладони сестры, протянула руку в его сторону, все еще слабо шурясь.

— Тогда... я готова... Синильда, я очень люблю тебя...

Михаил в полной растерянности взял ее крохотную ладошку, более тонкую и хрупкую, чем первый тонкий лед на озере, почти такую же холодную и безжизненную.

Рядом Синильда все-таки не выдержала и зарыдала, уткнувшись лицом в подушку рядом с головой сестренки.

Михаил держал эти тонкие пальчики, уже почти мертвые, а девочка смотрела ему в глаза и светло улыбалась, чисто и невинно, никого не обвиняя в своей смерти, ни на что не жалуясь, и заботит ее больше всего, как он потрясенно ощутил, что сестра будет плакать, родителей ее уход из жизни просто подкосит...

— Ты хорошая, — произнес он с трудом, — ты чистая и светлая... ты должна жить...

Она сказала слабым голосом:

— Позаботьтесь о моей сестре...

— Ты должна жить, — сказал он, в груди чаще застучало сердце, он повторил: — и пусть болезнь тебя покинет...

В груди стало так горячо, словно из сердца толчками пошла не горячая кровь, а расплавленное железо, прокатилось по его руке и там исчезло, а пальцы девочки покраснели, затем эта краснота прокатилась по руке до плеча, а оттуда очень медленно поднялась по тонкой и почти прозрачной шейке и одновременно пошла растекаться вниз, воспламенив тонкие косточки ключиц и опускаясь все ниже и ниже.

— Я знаю, — проговорил он с болью, — что я делаю... но, Господи, ты по просьбе Адама взял у него семьдесят лет жизни и отдал их Давиду, когда тот был умирающим младенцем... возьми мою жизнь, возьми все, что во мне есть, только пусть эта девочка живет...

Сильный удар изнутри сотряс все его тело, он вздрогнул, ощутив, что вмешался в естественный ход вещей.

У Творца все просчитано, и сейчас Его доверенный воин нарушил гармонию, что вызовет даже не сильнейший всплеск, а нечто гораздо хуже.

Только сейчас увидел в дверном проеме медсестру, что прижалась к косяку и смотрит непонимающими, но полными сострадания глазами.

Он опустил взгляд на девочку, едва слышно коснулся ее лба губами.

— Отдыхай... Закрой глаза и спи.

Синильда все еще тихонько плачет, уткнувшись в подушку, одной рукой обхватила тоненькое тельце сестренки.

Михаил бережно опустил тоненькую ручку девочки на одеяло, а сам крепко взял Синильду за плечо.

— Все, — сказал он твердеющим голосом. — Уходим.

Она подняла голову, на щеках мокрые дорожки от слез, спросила прерывающимся голосом:

— Что... Почему?

— Потом расскажу, — ответил он. — К сестренке завтра заскочишь.

Она поднялась на ноги, но не сдвинулась с места.

— Но она же...

— Спит, — досказал он. — До завтра ничего не случится.

— Правда? — спросила она с недоверием и надеждой. — Ты раньше был врачом? Что-то вспоминаешь?

Он ухватил ее за руку и потащил к выходу, медсестра отстранилась, давая им дорогу, но из палаты не ушла. Синильда оглянулась, но сестренка уже спала, в самом деле спала, и она послушно дала себя вывести в коридор.

Михаил увлек ее в сторону грузового лифта, там как раз заканчивали заносить пустые бутылки из-под растворов. На них посмотрели с неприязнью, но спорить не стали, вместе опустились на первый этаж, а там Михаил чуть ли не бегом потащил Синильду к стоянке такси.

— Да что случилось? — спросила она в испуге.

— Уезжаем отсюда срочно, — велел он. — Объясню по дороге.

Машина уже выехала на улицу и вклинилась в напряженный грузовой поток, а он помалкивал, не зная, как объяснить, да и надо ли объяснять, наконец, перехватив ее вопрошающий взгляд, сказал скупо:

— Азазель объяснит лучше. Он вообще может объяснить все на свете.

Она буркнула недовольно:

— Хорошо. Но ты уверен...

— Что малышка заснула? Да, и нам лучше ее не беспокоить. Во сне организм борется с болезнями лучше.

Она тяжело вздохнула.

— Опоздали. Меньше бы я занималась собой...

— Не все потеряно, — заверил он. — Просто подожди до завтра.

Азазель разлегся на диване, сытый и довольный, на вбежавших в комнату Михаила и Синильду посмотрел с ленивой усмешкой.

— Ух вы какие... резвые!.. Конечно, хотите есть и пить, у меня ничего не готово. Верно, Сири?

Тоненький голосок возразил:

— Все готово, как и было приказано.

— Эх ты, — сказал Азазель с укором, — что ж ты сразу выдаешь? Учु прикидываться, учу, а ты... эх, не быть тебе женщиной.

— Врать нехорошо, — ответила Сири с достоинством. — Неприлично, а иногда и наказуемо. Готовы салаты, это полезно, мясные блюда, это вкусно, и твои любимые пироги, от которых ты никак не разжиреешь, что совсем непонятно...

Михаил сел напротив Азазеля, а Синильда быстро попрощалась до завтра, коротко сообщив, что ей

нужно заехать к бабушке, а у них есть о чем поговорить.

— Есть о чем? — переспросил Азазель озадаченно, повернулся к Михаилу, кивнул. — Что случилось? Лицо у тебя больно... перекошенное как-то. И глаза выпучены, словно с кишечником нелады.

— Мы из больницы, — ответил Михаил еще тише. — Там умирала сестренка Синильды. Я как-то совсем нечаянно, что ли, но вмешался в ход...

Азазель тихонько охнул.

— Что... не утерпел?

— Да как-то само получилось, — проговорил Михаил растерянно.

— Само такое не получается, — возразил Азазель. — Это ты не удержался!

Михаил бросил в его сторону короткий взгляд.

— Голос у тебя какой-то... Слова одни, а выражение такое, что ничуть не удивился.

— Это ты такой, — сказал Азазель рассерженно. — Вы еще не вошли в комнату, а я уже видел, что где-то ты сорвался. Сестренку ту излечил?

— Да...

Азазель вздохнул с досадой.

— Какой дурак... Великолепный, чистый и честный, а еще и благородный дурак. Как можно было вмешаться, когда это запрещено и обязательно будет замечено?.. Нет, дело не во всплеске!.. Ты влез в Великий План Господа, понимаешь?.. Все, что в мире людей происходит между людьми, должно происходить только по воле людей!

— Понимаю, — ответил Михаил упавшим голосом.

— Пощады не бывает, — напомнил Азазель.

— Я знал и помнил, — подтвердил Михаил, — но не мог не спасти. Да, знаю, в эту самую минуту на земле умирает сто сорок две такие же девочки, трепетные и не-

винные. Все не доживут до утра, но все равно не мог не спасти от вечной тьмы тот гаснущий огонек. Понимаешь, одно дело знать умом, а другое... узреть своими глазами!

Азазель, морщась, прервал взмахом руки.

— Да понял, понял... Я же сказал, тебя понять очень просто. Ты чист и благороден, хоть суров и прям.

— Повторяешься, — сказал Михаил усталым голосом.

— Ты против комплиментов? — спросил Азазель. — В общем, твоя миссия оказалась короче, чем даже я думал.

— Выдирка коснется теперь уже меня, — сказал Михаил. — Наверное, нужно прихватить и тебя. Или даже отправить раньше, а то вдруг...

— Не омрачай, — сказал Азазель с достоинством, — свою репутацию нарушением слова. Видишь, как я берегу твою честь?

— Мою честь или свою шкуру?

Азазель произнес картинно:

— В мире все связано, не знал?.. Прыгнувший с листка на листок кузнечик может вызвать цунами, если промахнется и упадет на спину, а если брякнется на бок, то во вселенной метеорит может изменить направление и то ли ударить в Землю, то ли пролететь мимо, хотя и намеревался разнести здесь все вдребезг...

Михаил сел, обхватив голову ладонями. Азазель сел рядом, вздохнул, произнес с сочувствием, но Михаилу отчетливо послышалось в его бархатном голосе скрытое злорадство:

— Крепись... Все-таки у тебя еще семьдесят два часа до вынесения приговора!.. Времени — зашибись! Можно войну начать. А при современных скоростях... о компьютерах слышал?.. и закончить, если позволят старшие товарищи.

Михаил поморщился.

— Знаю, о чем думаешь. Семьдесят два часа — это трое суток!

— Чё, мало? — спросил Азазель.

— Мало, — ответил Михаил невесело. — Признавайся, ты подстроил?

— Чего-чего? — спросил Азазель.

— Тебе на руку, — отрезал Михаил. — Меня выдернут через семьдесят два часа... уже раньше!.. если не явлюсь на небесный суд по своей воле. Но в любом случае исчезну из этого мира через трое суток...

— А что так заиклился на этих трех сутках? — спросил Азазель.

Михаил сказал зло и с горечью:

— Потому что тебе дал неделю, а она кончится через четыре дня! Ладно, через три с половиной. Но в любом случае меня здесь уже не будет.

Азазель смотрел на него веселыми глазами.

— И тебя это огорчает? Подумаешь, буду жить здесь и дальше, а тебя там расстреляют! Пустяки, вся жизнь такая веселая, разгульная и непредсказуемая... Не обращай внимания на такие мелочи. Проживи эти семьдесят два часа в таком загуле, чтобы все ахнули. Хочешь, устрою экскурсию по значным местам?.. Гулять так гулять!.. И ты меня вспомнишь перед расстрелом, и я тебя буду вспоминать всю оставшуюся вечность...

Михаил сказал зло:

— Прекрати.

— Умолк, — сказал Азазель покорно. — Желание повешиваемого нужно вроде бы исполнять, хотя и не знаю почему. Чтобы продлить удовольствие от зрелища?.. Что ты хотел бы напоследок?

Михаил сказал с тоской:

— Тебя удушить, сам знаешь.

— Но служебная дисциплина не позволяет, — сказал Азазель понимающе. — Да, есть что-то нужное в Уставе караульной службы. И хотя никто не поможет, но честь нужно блюсти, а от повязки на глаза гордо отказаться...

Знаю-знаю, много раз видел. Умирать нужно красиво. Ты уже придумал последние слова?.. Заготовь заранее. Их записывают во всех странах, а потом делятся. В интернете есть сайт, куда вывешивают. Сперва, конечно, великих, у нас все еще феодальная система привилегий, а потом уже и тех, кто попроще... Синильда вернется скоро?

— Не знаю.

Глава 9

Азазель помыслил, усиленно двигая складками на лбу, поинтересовался несколько нерешительно:

— Адрес больницы помнишь?..

— Помню дорогу, — ответил Михаил. — Это по Дорогомиловской почти до самого конца.

— Прекрасно, — сказал Азазель, — у нас есть шанс увидеть, что там... гм... Как-то я обеспечивал охрану в том районе. На всякий случай установил видеокамеры как на перекрестках, так и в ряде учреждений. И пусть давно меняли пароли, но у меня свой доступ... Ну-ка, ну-ка...

Михаил без интереса смотрел, как Азазель азартно топчет клавиши, на экране одни колонки цифр и знаков сменяются другими, мелькают чертежи, потом каскадом промчались фотографии помещения, снова цифры на темном фоне...

Азазель азартно вводил команды, покрикивал, сопел, наконец на вспыхнувшем экране появилось изображение помещения с белыми стенами, такой же пол и бледные занавески на стенах, Азазель довольно хрюкнул:

— Не совсем. Но тепло, тепло... Попрыгаем, проверим... ага... вот так... еще, еще, уже горячее...

Михаил подсел ближе, всматривался, картинки меняются быстро, как только Азазель и успевает всматриваться, в какой-то момент Михаил вскрикнул:

— Вот!.. по этому коридору я шел!..

Азазель отмахнулся.

— На первом этаже ничего интересного. Для нас. Разве что бухгалтерия, но зарплату два дня назад раздали... Да и зачем нам всего лишь деньги?.. Сейчас посмотрим на втором этаже... на третьем, раньше там располагалась операционная и реанимация...

Картинки сменялись и сменялись, наконец пошли длинные просторные палаты с рядами коек, Азазель тут же перепрыгнул в поиске на этаж выше, там уже палаты поменьше, для серьезно больных...

Михаил ухватил его за руку.

— Стой!.. Вон там Синильда!

— Где? — спросил Азазель с недоверием, тут же покачал головой, — ну ты и глазастый... Явно на нее запал по уши... Сейчас позумим, тут еще одна камера должна быть в стене, если пациенты не выковыряли для дома, для семьи...

Он приблизил изображение, Михаил с сильно бьющимся сердцем всматривался в приближающуюся Синильду, понурую и даже сгорбившуюся, словно несет на плечах огромную тяжесть.

Из кабинки лифта вышел врач с бумагами в руках, увидел Синильду и бросился за ней, догнал, ухватил за плечи. Михаил видел, как вытаращенные глаза сверкнули, как у безумного, весь растрепанный и взъерошенный он, вскричал счастливо:

— Я знал, я знал!.. Бывает такое, я читал! В самые критические моменты жизни наш организм может, он такое может!..

Она осторожно сняла его руки со своих плеч.

— Простите...

Он крикнул ей в лицо:

— Ваша сестра совершила чудо!.. Вы со своим спутником дали ей такую жажду жизни, что она совершила

невозможное... Такие случаи описаны в медицинской практике, но все равно необъяснимы!

Азазель, что жадно наблюдал за экраном, толкнул Михаила локтем.

— Видишь?

Синильда там на экране спросила с непониманием:

— Доктор?

Он сказал с жаром:

— Раковые клетки в ее теле начали распадаться по всему организму! Иммунная система уже распознает и атакует с великой агрессивностью! Уверен, за эти сутки будут уничтожены все опухоли!.. Вот что значит пробудить к жизни наши нетронутые запасы, которые организм хранит, но так и не использует...

Синильда счастливо вскрикнула и ринулась мимо него в палату. Азазель ругнулся, начал шелкать по клавишам, замелькали комнаты операционных и перевязочных, наконец увидели спину Синильды, что сидит рядом с кроватью и склонилась над спящей девочкой.

Та, исхудавшая еще сильнее, бледная до синевы, с трудом открыла глаза, устало посмотрела на нее глубоко ввалившимися глазами.

— Сестренка...

— Родная моя, — вскрикнула Синильда, — врачи говорят, что ты выздоравливаешь!

Девочка прошептала слабо:

— Мне уже сказали... Это утешение?.. Чтобы я верила до конца?

Синильда зарыдала, ухватила ее бледную руку, тонкую, как птичья лапка, начала целовать пальцы.

— Правда! Я сама не верила, но...

Девочка сказала шепотом:

— Это тот... который приходил с тобой?

Синильда воровато оглянулась, быстро прикрыла дверь, прошептала ей на ухо:

— Да... Только никому, хорошо?

— Как он это... сделал?

Синильда шепнула еще тише:

— Неважно, как именно. Жаль, за это дорого запла-тит, но ты будешь жить, мое сокровище. Теперь только набирайся сил, выздоравливай, хорошо кушай...

Михаил подумал, что они не могут знать, что ему придется расплачиваться, или же имеют в виду что-то другое, но додумать не успел, хлопнула дверь, вошли врач с медсестрой.

У медсестры глаза тоже вытаращены, как у большой совы, но по нетерпеливому жесту врача остановилась, нехотя вышла в коридор.

Синильда поднялась, Михаил со щемом в сердце ви-дел, как сияет счастьем ее заплаканное лицо.

— Спасибо, огромное-преогромное...

Врач развел руками.

— Моей заслуги почти нет, разве что самую малость. Я тоже убеждал ее бороться до конца, но ваше появление было решающей каплей. Особенно убедительным выгля-дел ваш спутник... Убедительным и жертвенным.

Синильда спросила шепотом:

— А что он говорил насчет возьми мою жизнь... возь-ми мое... он жертвовал... он чем жертвовал?

Врач сказал с неохотой:

— Вокруг онкологических больных всегда крутятся всякие экстрасенсы и чудотворцы. В основном мошен-ники, но есть и религиозные фанатики... Да и вообще близость неотвратимой смерти меняет людей. Даже ум-ные люди, образованные, вдруг уходят в какую-то хрень, буддизмы, йогизм, секты христианские и околехристи-анские... Как я понял, ваш спутник был уверен, что от-дает свою жизнь за жизнь этой девочки. Похоже, он вы-глядел для вас очень убедительно.

Синильда прошептала:

— Но вы же сами говорите, свершилось буквально чудо? Опухоль исчезла?

— Рассосалась, — признал он. — Если аппаратура не барахлит, а то всякое бывает... Но это всего лишь наша соматика. Да, соматика творит чудеса! Если человек твердо уверен, что выздоровеет, никакая болезнь его не переборет. Хрестоматийный пример: когда Наполеон посещал тифозные бараки со своими солдатами, обнимал и целовал их, призывая бороться с болезнью, его соратники в ужасе топтались у входа, не решаясь переступить порог, а Наполеон отвечал бодро: «Болезнь боится отважных!».

Синильда пробормотала медленно:

— Но он был уверен, что жертвует жизнью...

— Я ж говорю, религиозный фанатик! Хотя в наше дурное время возможно все. Однако будьте с такими поосторожнее. Вреда от них больше.

— Буду, — пообещала она.

Азазель ткнул пальцем в крайнюю верхнюю кнопку слева, изображение погасло, а он повернулся на вертящемся стуле к Михаилу.

— Ну как?

Михаил сказал счастливо:

— Девочка, я уверен, излечилась. Слава Господу, это свершилось, я чувствую.

— Кстати, о правиле семидесяти двух часов, — напомнил Азазель. — Если не будет отыграно взад, через семьдесят два часа дежурный ангел вписывает твоё деяние в Книгу Судеб, и оно считается свершившимся. И тогда...

Михаил пробормотал:

— Да-да, можешь не напоминать. Я исчезну. Да свершится воля Творца!.. Я нарушил и готов понести наказание.

— погоди, — сказал Азазель. — Я совсем не к тому веду, чтобы сунуть гвоздь в твою рану и поковыряться

там долго и сладострастно, как мне вообще-то присуще.

Михаил взглянул без интереса, Азазель ощутил, что он уже мыслями там, стоит перед небесным судом и покорно излагает, почему так сделал.

— Не намерен отыграть? — поинтересовался он. — Ну, пойти в госпиталь и придушить ту девчонку? Чтобы не нарушать мировой узор? А то когда впишут огненным пером, не вырубишь топором!

Михаил нахмурился.

— Даже не шути так.

— Это не шутка, — ответил Азазель. — Но если ты готов и смирился, гм... ждем-с... Хотя я бы придушил. Представь себе, вырастет в отвратительную склочную бабу, будет визгливо ссориться с соседями, драться с мужем, бухать...

— Перестань, — попросил Михаил. — Сейчас это чистый невинный ребенок.

Азазель вздохнул, сказал громко:

— Сири, приготовь роскошный обед! Представь себе, что у нас поминки... Нет, венка и траурную ленту пока не нужно. А вот жареного гуся можно, но если заменишь каплуном, бить не буду. В последнее время что-то пристрастился к каплунам... А еще мясо кастрированных козлов обожаю! Такое нежное, мягкое, сочное...

— Тебе со скалы Хермон козлов сбрасывали, — напомнил Михаил. — В жертву. Вот и пристрастился.

— Не, — сказал Азазель, — те козлы были противные и вонючие, а для меня откармливают на одной ферме породистых, без запаха, а каких вкусных... Нубийской породы, во, вспомнил!.. Сири, приготовь для моего дорогого гостя козлятины! Вообще-то он обходится мне дешево, но в другом смысле дорогой... Нет-нет, не старайся понять, люди сами не всегда понимают, что несут...

Михаил мягко прервал:

— Азазель, заткнись. Понимаю, ты со своим козлом отпущения стараешься отвлечь меня от тягостных мыслей... и сократить тягостное ожидание, но я все равно не перестаю...

Азазель зажмурился и даже прищмокнул, а когда распахнул глаза, посмотрел на Михаила с укором.

— Ну вот, все испортил! А я козлятину уже почти ел!.. Тогда вставай, выйдем на свежий воздух...

— Это куда?

— На улицу, — пояснил Азазель. — Хотя в квартирах теперь воздух свежее, чем на улицах, но мир меняется быстрее, чем язык... Проветрим тебя, что значит продышим запахами бензина и дизельного топлива, сразу почувствуешь себя продвинутым и центровым, а не какой-то деревенщиной...

Михаил не сдвинулся с места, только поморщился.

— Нет желания.

— Тогда сходи куда-нить с Синильдой, — предложил Азазель. — Возьми мою «Теслу». Водить ты почти умеешь... но и этого не придется, она сама девочка шустрая, хотя руль и педали все еще по старинке оставлены. Больше для красоты и спокойствия водителя. Проедешься с Синильдой по злачным или по святым местам, в церковь или на кладбище смиренно сходите...

Михаил спросил враждебно:

— А на кладбище зачем?

— Ты же оттуда, — сказал Азазель и картинно потыкал пальцем вверх, словно пробовал приподнять низкий полог палатки. — Духовность и все такое...

— А каково Синильде смотреть на могилы?

— А-а-а, — сказал Азазель, — о женщине заботишься? Вообще-то субдоминантка должна идти за тобой на два шага позади, как велено в Святой книге, и молча сопеть в две дырочки, но ты, как вижу...

— Правильно видишь, — буркнул Михаил. Он взял протянутые Азазелем ключи и поднялся. — Спасибо. Если машину разобью, помни — бедность приносит счастье и любовь Господа.

— Увы, — ответил Азазель нагло, — я бедным не стану, даже если сто таких автомашин разобьешь. Слабоваты, Миша, в земной экономике!

Михаил вышел молча, все равно в споре проиграет, а так вроде бы свысока не соизволил отвечать и тем самым посрамил демона.

Глава 10

Автомобиль на него не среагировал, пришлось открывать дверь ключом, но когда опустился на левое сидение, из динамиков раздался милый женский голос:

— Передать управление вам, или поведу я?

— Мне, — сказал Михаил.

Тот же голосок ответил мирно:

— Но господин не рекомендует...

— Да пошел он, твой господин, — сказал Михаил, и тут же на приборной панели зажегся небольшой экран, появилось лицо Азазеля.

— Какой ты грубый, — сказал он с укором, — а с виду такой приличный. Сири тебе дело рекомендует!

— Мне было страшновато, — буркнул Михаил, — когда ты руль бросал, а сейчас еще как-то не вовсе! Лучше пусть руль будет в моих руках. Лучше, когда сам убьюсь, чем меня убьют.

— Ладно, — ответил Азазель. — Я передал тебе управление целиком и полностью, хоть и не совсем. Вообще-то проблем быть не должно, хотя, конечно, будут, жизнь полна неожиданностей! Тем она и прекрасна для свидетелей. Скорость не превышай! Вообще помни, ты сам представитель закона и порядка, так будь в скучных рамках. Это

прилично и нравится умным женщинам. Умные все осторожные.

Лицо исчезло, вместо него во весь небольшой экран появилось изображение подземного гаража, а когда Михаил, осторожно поворачивая руль, выехал из-под дома, на экране высветилась карта города и светящаяся точка, что должно обозначать его автомобиль.

Он нажал на баранке руля кнопку, которую, как помнит, касался Азазель. Через пару секунд рядом с картой на экране появилось лицо Синильды.

— Михаил? — спросил она изумленно. — Это ты за рулем?... А где Азазель?

— Дома, — сообщил он. — А ты как насчет прокатиться со мной? Съездим, куда захочешь.

Она выпалила, ни на секунду не задумываясь:

— Как здорово!.. Ты где?

Он проследил взглядом по карте за светящейся точкой.

— Еду по улице... сейчас посмотрю, какая это... надпись на карте справа или слева от линии дороги?..

— Езжай прямо, — сказала она быстро. — Я тебя уже вижу на карте. Выйду прямо к дороге перед зданием... Это такое громадное, у него у подъезда две светящиеся малиновым цветом колонны. Подойду к бордюру, ты меня сразу увидишь.

— Тебя я везде увижу, — ответил он.

— Не отвлекайся от дороги, — предупредила она. — До встречи!

Вместо ее лица побежали цифры, обозначающие то ли температуру и скорость ветра, то ли курс доллара, что это такое, Михаил не знал, а теперь интересоваться поздно, да и незачем.

Дорога вывела в городские кварталы, а затем снова лес, деревья, и опять высотные здания. Азазель говорил, в Лос-Анджелесе семьдесят два пригорода безуспешно

ищут центр города, но в Москве центр есть Центр, его искать не нужно, а вот пригороды из коттеджных домиков расплзлись во все стороны, ряд городских районов наполовину опустел...

Автомобиль наконец выскочил на прямую дорогу, Михаил благоразумно доверил вести его Сири, раз уж та все умеет и уже готова предоставлять Азазелю услуги даже непристойного характера.

На карте появилась еще одна светящаяся точка, впереди на дороге. Михаил раззумил ее двумя пальцами, подсмотрел жест у Азазеля, с высоты птичьего полета разглядел знакомую фигурку Синильды, почти скрытую с высоты широкополой шляпой.

Через четыре минуты автомобиль начал сбрасывать скорость, передвинулся на правую сторону дороги, а Михаил увидел далеко впереди стройную фигурку, Синильда стоит лицом к дороге и, похоже, сядет рядом с ним раньше, чем он выскочит из машины и, обогнув ее, красиво распахнет перед нею дверцу.

Он нажал кнопку, дверь распахнулась, Синильда заглянула, одарив его сверкающей улыбкой.

— Нам не по пути?

Он ответил счастливо:

— Синильда, мне с тобой всегда по пути!

— А мне, — ответила она и легко порхнула в автомобиль, — с тобой. Ты в самом деле вспомнил, как управляться с рулем?

Он кивнул.

— Да, как-то да...

Она мило улыбнулась.

— Так же просто, как с танком или вертолетом, верно?

— Примерно, — согласился он, она хитро улыбнулась, он запоздало подумал, что вопрос был неспроста, Синильда не забывает, что она еще и психотера-

певт, — у всех один принцип. Посмотришь на один, видишь все.

Она сказала задиристо:

— А мужчины говорят, посмотришь на одну женщину — видишь всех!

— Неправда, — сказал он, — не все женщины одинаковы.

— Правда?

— Синильда, — сказал он с упреком, — ты же знаешь, ты необыкновенная. И все это замечают. Азазелю повезло, что ты у него в друзьях.

Она сделала большие глаза.

— Азазель? Да я вас двоих увидела впервые, когда мы со Златой пришли по контракту!.. Просто твой друг всегда держится так, будто все вокруг старые знакомые. А ты не такой, ты со всеми на дистанции... Ты и был таким?

Он осторожно переводил автомобиль с полосы на полосу, пока не достиг крайней левой, дальше только разделительный барьер из металла, по ту сторону на большой скорости несутся автомобили по встречной, погнался с предельно допустимой скоростью, не нарушая правила, а Синильда посматривала на него с понимающей улыбкой.

— Не помню, — ответил он с запозданием. — Мне кажется, я здесь вообще в каком-то другом мире... Куда поедем?

Она посмотрела на него с интересом.

— А куда бы хотел?

— Мне лишь бы ты рядом, — признался он. — А так куда угодно.

— Тогда зачем нам толпа? — спросила она. — Поедем по городу. В «Тесле» настолько уютно, если это не Азазель превратил салон в такое уютное гнездышко...

Она пооткрывала различные хитро упрятанные ящички, засмеялась, обнаружив в одном три бутылки коньяка и четыре шампанского.

— Азазель...

— Он такой, — буркнул Михаил. — Как можно всю жизнь развлекаться?

— Не все выдерживают суровость бытия, — ответила она серьезно. — Ты можешь, твоя железность смотрит из твоих глаз строго и непреклонно, а вот Азазель слабый. Без приколов и шуток он бы рехнулся.

— Гм, — пробормотал он, — никогда о себе так не думал...

Проскочили через мост, с его высоты город открылся хоть и не весь, но такой пугающе огромный и величественный в своей непознанной мощи, что у него дрогнуло сердце.

Неужели Господь и это предвидел, когда взял ком красной глины и решил создать властелина этого мира?

Синильда, как услышала его мысли, сказала с легким вздохом:

— Боже, как красиво...

Он покосился на нее, не отрывая ладоней от баранки руля. По лицу Синильды пробегают яркие полосы света от придорожных фонарей, а когда на миг скрывается в полутьме, глаза сияют, как две утренние звезды, омытые чистой росой, лицо кажется таинственным и необыкновенно загадочным.

— Первый сад создал Бог, — ответил он, — а первый город — Каин... Даже не знаю... наверное, он пытался искупить вину?

— А кто такой Каин? — спросила она. — Архитектор?.. Зато я знаю, что Москва — лучшее в мире место для жизни, если есть загородный домик.

Он кивнул.

— У Азазеля есть. Хотя говорит, что уединение нужно искать в больших городах! Но Азазеля понять трудно.

Постепенно чувство покоя и счастья начало охватывать всего так, словно он погружался в теплую воду. Мимо

скользят красиво подсвеченные здания, рядом едут блестящие автомобили, похожие на чисто вымытых дождем больших жуков со сложенными на спине металлическими крыльями.

Светофоры дополняют празднично расцвеченную картинку города разноцветными окошками, по знаку которых автомобили то останавливаются, то резво срываются с места.

Яркий свет фар выхватывает из темноты нижнюю часть деревьев у дороги, высвечивая так, что можно рассмотреть муравьев на коре, однако выше тонет в темноте, и кажется, что небо совсем-совсем низко.

Синильда, как хорошо знающая город, показывала дорогу, он послушно крутил баранку, счастливый, что автомобиль слушается идеально, только пару раз запищал протестующе, сочтя его маневры опасными, а один раз сам притормозил, пропуская быстро летящую по перпендикулярной машину с проблесками и надписью «Реанимация», в остальное же время молча и безропотно выполнял все капризы, пронесся по Тверской, из машины посмотрели на Покровский собор, проехали вокруг Кремля, мимо Москвы-Сити, Михаил сам залюбовался причудливыми строениями, исполинскими и отвратительно прекрасными...

Синильда спросила вдруг:

— Ты все еще не проголодался?

Он встрепенулся.

— Даже не знаю, не думал. Заедем куда-то перекусить?

— Если перекусить, — сказала она, — то зачем куда-то идти, садиться, ждать официанта... Вон там впереди небольшая закусочная. Видишь надпись «Блинчики, пончики, кексики, тортики»?

— Вижу, — ответил он. — Блины и кексы знаю, как и торты, а что такое пончики?

Она засмеялась.

— Останови здесь. Я куплю в пакеты, а поедем, если ты не против, в машине.

— Еще как не против, — заявил он с энтузиазмом. — Ну их, эти ночные клубы!

Она засмеялась.

— В Москве не только ночные клубы...

Едва автомобиль остановился, легко выпорхнула, торопливо вбежала в закусочную. Михаил вздохнул с облегчением: все получается превосходно, даже автомобиль слушается без протестов, а перехватил у него управление только один раз, и то всего на двадцать секунд...

Через стеклянные стены видно, как Синильда вошла в ярко освещенное помещение, за столиками несколько человек не столько ужинают, как чешут языками. Продавец выслушал ее, кивнул и, вытащив из-под прилавка бумажный пакет, начал складывать туда не то свернутые в трубочки блинчики, не то пухлые пончики, по стеклу пробегают яркие блики от проносящихся мимо автомобилей, и Михаил вообще потерял Синильду из виду.

Шагах в десяти у бордюра остановились два широких черных джипа на приподнятых колесах, водитель вышел и зачем-то попинал переднее колесо.

Синильда наконец вышла, прижимая к груди два объемистых пакета, Михаил даже в машине ощутил аромат свежее испеченных лакомств, а из джипа вышли еще трое, все с черными платками, закрывающими лица, начали что-то говорить водителю, затем двое развернулись и, в два прыжка оказавшись возле Синильды, ухватили ее за руки.

Она с неожиданной ловкостью отпрянула, выронила пакеты и сунула пальцы в сумочку, где женщины носят электрошокер или газовый баллончик. Вытащить не успела, ее все-таки ухватили и, несмотря на

отчаянное сопротивление, потащили к ближайшему из джипов.

Кровь бросилась в голову, он ощутил лихорадочную дрожь в теле и понял, что в нем просыпается лютей зверь, основа человека, в которого Господь по непонятному другим замыслу вдохнул душу.

Пистолет словно сам оказался в его руках, он распахнул дверцу и крикнул страшным голосом:

— Оставьте женщину!

Глава 11

В его сторону оглянулись, водитель молниеносно выхватил пистолет, но Михаил выстрелил на долю секунды раньше. Тот выронил пистолет и рухнул, Михаил снова нажал на скобу, и еще один с завязанным лицом, что протянул из автомобиля руки, готовясь принять Синильду, вывалился лицом вниз, загораживая им дорогу.

Михаил выстрелил третий раз, страхась зацепить Синильду, левый из ухвативших ее крутнулся на месте и осел на тротуар.

Второй спрятался за Синильду и, выхватив пистолет, несколько раз выстрелил в сторону Михаила. Пули просвистели выше головы, одна бесцельно ударила в асфальт под его ногами.

Из второго джипа выскочили двое и тоже открыли стрельбу. За ними появился третий с короткоствольным автоматом в руках. Пули застучали по «Тесле», Михаил с бешено стучащим сердцем укрылся за машиной и выстрелил еще трижды, лихорадочно просчитывая ситуацию: он же рожден воином, а схватки все одинаковы, разница только в оружии и количестве бойцов...

Синильду дотащили до джипа, она попыталась ухватиться за дверцы, но грубым пинком в спину втолкнули,

почти вбили в салон. Того, который заталкивал ее, пуля достала в висок, Михаил со свирепой радостью отметил, как он рухнул на бордюр и под ним сразу начала расплываться лужа ярко-алой крови.

Джип с Синильдой сорвался с места и понесся с нарастающей скоростью, обгоняя мирно идущие автомобили. Второй джип остался на месте, двое все еще ведут прицельный огонь по его автомобилю, но автоматчик после двух ответных выстрелов распластался, как раздавленная жаба, на тротуаре, и эти двое тоже начали пятиться, переходя от нападения к защите.

Один вскочил в распахнутую дверь на место водителя, второй не успел, пуля достала его череп в момент, когда уже сел и протянул руку, чтобы захлопнуть за собой дверь.

Михаил быстро вернулся за руль, Сири послушно вырулила и начала разгон. Михаил выставил руку и успел нажать на курок, когда обгонял джип, успел только увидеть перекошенное страхом лицо водителя.

Его автомобиль пошел набирать скорость, а джип свернул вправо и, как видел Михаил в зеркало заднего вида, наехал на высокое ограждение, сильно накренился и встал как вкопанный.

Он вздрогнул, когда из динамика донесся ленивый голос Азазеля:

— Ну как вы там?.. Вижу по навигатору, останавливался... Подхватил Синильду?

Михаил ответил свирепо:

— Ее похитили.

— Ого, — сказал Азазель озадаченно, — ветреная девушка... И как ты? Не перебил соперников?

— Трех, — бросил Михаил. — Или четверых, не помню.

— Хорошо, — ответил Азазель довольно, потом вдруг его голос стал подозрительным: — что-то ты как-то серьезно очень... Что случилось?

— Я же сказал, — отрезал Михаил. — Ее похитили! Я ничего не успел!

Азазель ахнул:

— В самом деле? Я думал, шутить пробуешь... Где похитили? Прямо на месте встречи?

— Нет, у закуской или булочной... пончиковой какой-то!

— А ты сейчас... что... прешь, судя по навигатору... куда? Не вздумай гнаться за ними!

— Шас, — ответил Михаил лютю, — а как же...

— Дурак, — бросил Азазель. — Не ранен?

— Нет, — ответил Михаил. — Остался один джип, в нем трое. Водитель и еще один, а третий на заднем сиденье с Синильдой. Думаю, пистолет приставил к ее боку. На улице отбивалась хорошо...

— Уже еду, — крикнул Азазель. — Шас только штаны одену, а то я балдел в ванной... Держи меня в курсе! Эх, ты же сейчас на другом конце города...

Связь прервалась, а Михаил, взяв управление в свои руки, догнал джип, тот огромнее только с виду, но его «Тесла» быстрее и маневреннее и даже тяжелее за счет аккумуляторов, к тому же при полном отсутствии мотора намного устойчивее к ударам и столкновениям. Даже лобовым...

Он ударил передним бампером сзади и слегка сбюку, джип занесло, но водитель успел выровнять автомобиль. За стеклом, по которому бегут силуэты проносящихся мимо подсвеченных прожекторами зданий, мелькнуло бледное лицо похитителя, что сидит рядом с Синильдой.

Михаил опустил стекла справа и слева, и когда из джипа показалась рука с короткоствольным автоматом, сам ухватил пистолет и, высунув руку точно так же, выстрелил.

Рука дернулась, Михаил успел увидеть фонтанчик крови из пробитой кисти. Автомат выпал и пропал под колесами «Теслы», а похититель втянулся в салон.

Михаил с мрачным удовлетворением отметил, что его врожденное умение воина не подводит и в новых ситуациях, пуля попала именно в то место, куда он целился.

Динамик сказал быстро голосом Азазеля:

— Я взял «Бугатти», выезжаю!.. Будь на связи.

Михаил отрезал:

— Я же не знаю, как ее отключать!

— Вот и прекрасно, — сказал Азазель, — прерываюсь сам... я тут попру напрямик, могут быть неприятности... свяжемся позже.

Динамик умолк, Михаил бросал автомобиль то вправо, то влево, просматривая варианты удара так, чтобы, даже если джип врежется во что-то, Синильда не пострадала, на заднем сиденье безопаснее, тогда нужно будет нейтрализовать только ее охранника, а он и так ранен в руку...

Сквозь блики на стеклах он видел, как второй на переднем сиденье поднес ко рту коробочку мобильного, и, судя по движению губ, что-то выкрикивает, словно просит помощи.

Через пару минут заговорил динамик, одновременно на экране возникло лицо Азазеля, за окнами его автомобиля проносятся деревья и фонарные столбы, а сам он насторожен и смотрит со злым прищуром.

— Не теряй голову, — сказал он жестко. — Они могут вызвать подмогу!.. И ты под обстрелом окажешься с той стороны, откуда не ожидаешь!.. Не спеши, лучше дождись меня.

Михаил ответил лютю:

— Я видел, он ударил Синильду!.. Этот человек не должен жить!

— Умрет на полчаса позже, — отрезал Азазель. — Не спеши, я тебе говорю как академик. Раз не убили, а только похитили, значит, для чего-то нужна. Как заложница, как средство выкупа или для давления — все узнаем.

Михаил все еще высматривал возможность удачно столкнуть джип с трассы, но тот ввинтился между двумя рядами автомобилей, и если хорошо ударить по нему, то случится авария, в которой погибнут люди, что едут рядом, а они для Господа так же ценны, как для него Синильда.

— Не могу достать, — сказал он с мукой, — автомобилей много.

Голос Азазеля прозвучал успокаивающе:

— Но и тебя на людной дороге не подстрелят. А вот когда свернут на проселочную, берегись...

— Справлюсь, — пообещал Михаил без особой уверенности в голосе.

— Там встретят другие, — ответил Азазель. — Если эти успели вызвать помощь. Тебя чекалдыкнут из засады, хрюкнуть не хрюкнешь! Останется только петь с арфой в руках... Остановись и с почтением жди старшего товарища.

Михаил, не слушая, продолжил гонку. Минут через десять, как Азазель и сказал, джип свернул на проселочную грунтовую без всякого покрытия. Справа и слева замелькали деревья, дорога проскакивает буквально на расстоянии протянутой руки от толстых сучковатых стволов. Некоторые деревья угрожающе накренились в эту сторону, сильный ветер когда-нибудь свалит, перегородив путь...

Когда поворот на мгновение показал вдали почти ровную дорогу, Михаил увидел помимо удирающего джипа еще и коричневый седан, что остановился на краю дороги, и с него соскакивают люди.

Азазель прав, мелькнуло в голове, подстрелить постараются, а если еще и бросят под колеса гранаты, то не спасет и толстое днище «Теслы»...

Он крутнул руль, успев увидеть молоденький лесок за толстыми стволами вышедших к краю дороги гигантов.

«Тесла» проскочила между мастодонтами и с треском, подпрыгивая на кочках, поперла через кусты.

Справа и слева треск, ветки остервенело стучат в окна, он пригнулся, всматриваясь через лобовое стекло, лес настоящий, неухоженный, под ворохом листьев могут быть ямы...

...но пронесло, чутье его человеческого тела не подвело: автомобиль, ломая кусты, перепрыгнул через канаву и снова выкарабкался на дорогу, оставив засаду далеко позади.

Домик выглядит уютным и уединенным, внутри свет от электрических ламп, на плотных шторах пару раз мелькнули силуэты, а по круговой протоптанной дорожке прогуливается мужчина с коротким автоматом в руках.

Михаил всмотрелся в этого охранника, точнее, в это тело из костей и мяса, такое же, как у него, даже помоложе, а это значит, мог бы при равных обстоятельствах двигаться быстрее.

Подкравшись на цыпочках, он левой рукой зажал ему рот, а правой одновременно резко повернул в сторону, с влажным хрустом ломая шейные позвонки.

Тело опустил почти нежно, но быстро, уже всматриваясь и вслушиваясь во все, что идет от особняка.

Еще один прогуливается на веранде, доски поскрипывают под его весом, сзади подкрадываться рискованно, сбоку не получится тоже...

Он присмотрел достаточно увесистый камень, подержал в ладони, привыкая как к весу, так и к форме, задержал дыхание и швырнул с силой, рассчитав соотношение шагов часового и скорости полета камня.

Охранник, как и ожидал, рухнул лицом вперед с веранды в траву, а камень, отскочив почти бесшумно, скрылся в траве рядом.

— Прекрасно, — прошептал он, чувствуя во всем теле непривычную дрожь радости и ужаса одновремен-

но, — Азазель прав... в этой жизни хватает интересного для всех...

В три длинных прыжка оказавшись перед верандой, он заскочил наверх, минуя крыльцо, тихонько заглянул в щель между неплотно сдвинутыми полосками жалюзи.

В комнате трое мужчин, все с оружием, но только у одного в руках, да и тот держит части разобранного пистолета и тупо смотрит в дуло, а затвор, пружина и даже магазин лежат перед ним на столешнице.

Как-то странно, должны же быть готовы и ждать его с оружием в руках, что-то здесь не так, он оглянулся, прислушался: никто ниоткуда не подкрадывается, снова непонятное, но с другой стороны, время идет, часы тикают, беспомощная и очень испуганная Синильда ждет помощи...

Он ударил ногой в дверь и сразу выстрелил дважды, хорошо помня, кто где сидит и в какой позе. Оба с пистолетами сразу откинулись на спинку дивана, у одного дыра в середине лба, у другого в левой стороне груди, но Михаил выстрелил еще раз, и боевик повалился набок.

Третий цапнул разобранный пистолет, опомнился, выхватил хищно загнутый десантный нож, но на лице его появилось обреченное выражение.

Михаил медленно убрал в кобуру пистолет, где-то видел, как так делают здешние герои, а у боевика глаза сразу вспыхнули надеждой.

— Давай, — сказал Михаил, — посмотрим, что ты за существо.

Боевик ринулся на него с выставленным ножом, глупо и очень непрофессионально, можно бы легко отобрать, Михаил уже молниеносно проделал в воображении этот нехитрый прием, но вместо этого лишь отклонил ладонью острие ножа в сторону, а сам с силой встретил кулаком в лицо.

Он ощутил, как хрустнули хрящи носа, еще бы чуть — сломал бы там глубже и кости, боевик отскочил, одной рукой ухватился за лицо, откуда обильно хлынула потоком кровь, другую выставил с ножом острием вперед.

— Не подходи! — вскрикнул он в страхе. — Убью!

Михаил процедил зло:

— Я был рожден воином, что ты можешь, мокрица...

Избегая тычка блестящим лезвием, он снова ударил, разбивая в кровь губы и чувствуя, как под его кулаком крошатся зубы.

Боевик завизжал:

— Чего ты хочешь?.. Ты даже не сказал! Что ты за человек?

— Никогда еще, — проговорил Михаил, — не чувствовал себя человеком, как вот сейчас...

Он ударил снова, боевик рухнул на пол, Михаил как-то инстинктивно поддел ногой, получилось само собой, да еще так умело и с такой силой, что тело противника подбросило, а сам он захрипел, выплевывая кровь и белые комочки зубов.

— Я человек, — повторил Михаил почти с наслаждением, — а человеку так трудно остановиться...

Боевик простонал:

— Ладно, я скажу!.. Я скажу!.. Только остановись!.. Но меня сразу убьют..

— Если и убьют, — заверил Михаил, — то не сразу. Это я сразу, понял?

Тот прохрипел слабым голосом:

— Понял, уже понял...

— Говори! — велел Михаил. — Помни, дурная жизнь приводит к дурной смерти.

Он прошептал огромными, как олады, губами, из которых все еще капала густая темная кровь:

— Они утащили ее через дом, там выход на ту сторону, а дальше такая же дорога...

— Вас оставили как засаду?

— Наверное... Но мы ничего не знали!

— Верю, — сказал Михаил холодно. — А я думаю, почему все так легко... Понадеялись на часовых?.. Сколько ушло с женщиной?

— Двое, — заверил боевик, посмотрел быстро на Михаила и торопливо добавил, — но если не догонишь, там будут еще.

— А куда именно увезли? — спросил Михаил.

Боевик сказал торопливо:

— Я просто охранник!.. Я не знаю, я не могу знать!

— Жаль, — ответил Михаил. — Мог бы пожить дольше.

Он выстрелил ему в лицо и, перешагнув через забрызганное кровью тело, прошел через дом насквозь. Жизнь, как говорил Азазель, это то, что люди больше всего стремятся сохранить и меньше всего берегут. Если бы берег, нашел бы другую работу.

На той стороне дома почти такое же крыльцо с навесом, ступеньки ведут на замощенную широкими плитками с узором обширную площадку.

По бокам декоративные кустарники, у самого забора домики для слуг и гостей, а дорога от самого крыльца идет через участок до ворот на той стороне.

Ворота сейчас наполовину распахнуты, удирали в спешке, выгадывая даже не минуты, а секунды... Вряд ли даже успели заложить мину или прикрепить гранату с привязанной к створке чекой.

Глава 12

Он пронесся бегом обратно через все комнаты дома, перепрыгнул плавающие в крови трупы, но едва выскочил из парадного, далеко на дороге показался бешено мчащийся в сторону особняка элегантный «Бугатти».

Михаил сбежал к «Тесле», взялся за ручку двери, взвинченный и готовый к любым неожиданностям. Автомобиль остановился резко, за лобовым стеклом видно, как из-за руля Азазель приглашающе взмахнул рукой.

— Садись, — велел он, едва Михаил открыл дверцу. — Моя «Тесла» сама вернется домой, у нее автопилот лучше, чем из тебя водила.

Михаил опустился на правое сиденье, поколебался, но все же пристегнулся ремнем.

— А ты зачем?

— Без меня пропадешь, — сообщил Азазель. — Давай оправдывайся перед сагибом, будто я Метатрон, а ты Сири. Что стряслось?

Михаил нехотя рассказал, Азазель дважды перебивал, уточнял детали, а когда Михаил закончил, с самым озабоченным видом покачал головой.

— А зачем ее похитили? — спросил он. — Как думаешь?

Михаил сказал раздраженно:

— Для меня достаточно, что похитили!

— Успокойся, — сказал Азазель. — На волнительности дураков ловят. Нам можно только волноваться, но не нужно. Хорошо, если у Синильды собственные терки с мафией, тогда спокойно возвращаемся к своим пирожным, Сири их готовит просто изумительно, кто бы подумал, что все на принтере... но вдруг как-то связано с нами?.. В смысле, с тобой, я-то всегда ни при чем, весь мир знает, хоть и не догадывается.

— Еще бы, — буркнул Михаил, — но я Синильду не оставляю.

Азазель сдал автомобиль задом, так выехали на дорогу, а там погнал на средней скорости, поглядывая больше на карту, чем на асфальт впереди, за такими мелочами пусть следит сама машина.

Михаил перехватил на себе внимательный взгляд Азазеля.

— Мне кажется, — сказал тот предельно серьезным голосом, — слишком на нее западаешь. Ты еще разве не понял, что нравы сейчас еще те? В те времена, которые помнишь лучше, уличные проститутки вели себя целомудреннее, чем сейчас так называемые порядочные женщины. Хотя порядочными быть позорно, они хвастливо называют себя стервами... Синильда, согласен, красивая, но это все, что у нее есть. А ты старомодный романтик... будешь жестоко разочарован.

Михаил ответил с достоинством:

— Если все женщины такие, откуда могут видеть, как надо?.. Я все равно чую, в глубине души она беспорочна.

— Ха, — сказал Азазель саркастически. — Работая в эскорте?

Михаил поморщился: Азазель ударил в самое сердце.

— Господь вложил в Адама душу, — проговорил он с затруднением, раздумывая и подбирая слова, — но она в его потомках по большей части спала. Древние народы вообще о ней не знали! Вон даже просвещенные эллины — всего лишь здоровые и красивые животные, умеющие говорить, писать и воздвигать храмы и статуи своим идолам. А когда начали узнавать о душе, то пытались подчинить душе все плотское... а это тоже было ошибкой.

Азазель посмотрел на него с внезапным интересом.

— Михаил, а ты не просто меднолобый солдафон!.. Ты уже меднолобый унтер, а то и фельдфебель...

Он сверился с картой, ткнул пальцем в экран, там от касания пошли цветные круги, и автомобиль свернул на другую дорогу.

— Да, меднолобый, — отрезал Михаил, — быть солдатом не так уж плохо. Есть такая профессия — родину защищать!.. А границы моей родины намного шире, чем

здесь на земле могут представить. Но насчет плотского ты, похоже, прав...

— Еще бы, — сказал Азазель с апломбом. — когда я не был прав? Даже скучно быть таким безукоризненным!.. И что насчет Синильды?

— Похоже, — ответил Михаил, — сейчас здесь в самом деле установилось равновесие. Люди перестали уважать плотские запросы и возносить их так, как в Элладе или в Риме... На запросы плотского начала в человеке бросают ему желаемое, как собаке кусок мяса, и тут же обращаются к более высоким запросам. У одних это служение Творцу, у других наука, у третьих еще что-то, мне пока непонятное, но я учусь быстро, ты прав... Потому не могу считать Синильду, как считал раньше, сосудом греха и порока. Это неправильно.

Азазель убрал руки с баранки и с усилием потер лоб.

— Что-то не догоняю. Так быстро хватаешь на лету, как собака мух, не успеваю за твоей не по-солдатски быстрой, кто бы подумал, мыслью. Почему Синильда вдруг перестала быть сосудом порока? Она знает и наверняка умеет больше в этом веселом и приятном деле, чем все женщины Содомы и Гоморры!

— Потому что у жителей Содомы ничего помимо разврата не было, — пояснил Михаил. — Только разврат и похоть, а у Синильды забота о старой бабушке, больной сестренке, помощь родным, учеба... У нее на одной чаше весов грехов больше, чем у любого жителя Содомы, но на другой масса добрых поступков!.. А людей, как я уже понял здесь, идеальных нет, потому суд всегда смотрит на весы!.. А я вижу, ее добрые дела перевешивают ее грехи... что по нынешним нормам и не грехи вовсе.

Азазель молчал, внимательно рассматривал карту, переводил взгляд на Михаила и снова смотрел на экран.

— Знаешь, — произнес он, — честно говоря, от тебя не ожидал. Не скажу, что ты неправ, просто я сам для себя не формулировал, как вот ты... Когда живешь внутри, смотришь иначе, а у тебя со стороны взгляд свежее... ладно, проехали.

— Кого, — спросил Михаил в непонимании, — проехали? Похитителей?

— Просто выражение, — пояснил Азазель. — Ты думай, как с минимальными затратами выдрать ее из рук этих самых странных личностей. Или, может быть, подождать, пока предъявят требования?.. Тогда узнаем, ради чего? Вдруг какой-то супербокс мафии возжелал ее в любовницы, а она отказалась?.. Только не смейся, ради тебя, например. Ты же такая чистота и непорочность, можно влюбиться!

Михаил буркнул:

— Ничего смешного.

— Или вот вариант еще смешнее, — продолжил Азазель, — она и была любовницей супербокса или хозяина «Газпрома», но тут нарисовался ты. Она растаяла и, бросив все бриллианты и дворцы на островах, ринулась тебе в объятия... Понятно, никто из нас, самцов, такое гнусное оскорбление не стерпит.

— Азазель...

— Но все равно, — продолжил Азазель, — спасти ее надо, а то еще и морду ей набьют, эти олигархи вообще плюют на все законы... как и мы, кстати. Правда, мы с тобой плюем только на толкования законов, а сами законы, именуемые по старинке заповедями, все же соблюдаем... Гм, Москва велика, в ней легко скрыть стадо мамонтов, в ее пригородах можно спрятать шесть Швейцарий, хотя Швейцария, дура такая, почему-то не хочет...

Михаил сказал нервно:

— Азазель, поторопись.

— Да тут снова развилка, — буркнул Азазель. — Ты по запаху не можешь взять их след? Какие духи у Синильды?..

— Откуда мне знать, — огрызнулся Михаил. — От нее хорошо пахло, вот и все. Но сейчас мы слишком далеко. Жаль, нельзя узнать, как я узнавал в том домике... Я же прост, как ты говоришь? А простые пути короче.

— Но опаснее, — предупредил Азазель.

Михаил сказал со вздохом:

— Мне погибать нельзя. Хотя пули убьют только тело, а я вознесусь, но там долгий суд, разбор всех ошибок, на землю отправится Гавриил или Уриил, а мне дорога будет закрыта.

— Как у вас серьезно, — посочувствовал Азазель. — Тогда да, тебе погибать несерьезно. Лучше я тебя потом сам убью. Это же сколько радости!.. Сири всплакнет, ты ей почему-то понравился, но я ее быстро утешу. Тело ей куплю, это сколько будет радостного визга! Женщины вообще быстро утешаются... Конечно-конечно, это не считая Синильды!

— То-то, — буркнул Михаил недобро. — А зачем ее могли похитить? Выкуп?.. Но у нее небогатые родители...

— На органы, — предположил Азазель, но взглянув на помрачневшее лицо Михаила, сказал быстро: — Забудь, неудачная шутка... хотя это и не шутка. Вообще-то у меня все удачное, но в отношении тебя иногда получается не совсем с блеском и присущей мне искрометностью... Та-а-ак, а теперь куда?

Дорога впереди начала расходиться на две абсолютно одинаковые ветви. На столбе стрелки указывают в сторону надписей с перечнем сел и поселков на той и другой дороге, на панельном экране подробностей намного больше, однако и там почему-то не написано, куда увезли Синильду.

— Ладно, — решил он, — ты куда бы свернул?
— Направо, — ответил Михаил.
— Понятно, — сказал Азазель, — значит, едем чисто по-мужски налево...

Он повернул руль, некоторое время неслись по узкой, но хорошо заасфальтированной дороге, в стороне за полем поползли аккуратные и добротные домики коттеджного поселка.

Азазель взглянул на окошко с движущейся картой, там замигал огонек. Михаил всмотрелся, ничего не понял в переплетении линий и квадратиков домов.

— Я гений, — сказал Азазель с удовлетворением: — это понятно, но у меня интуиция вообще зашкаливает! А мог бы попереть в другую сторону! Все улики указывали туды...

— Улики?

Азазель отмахнулся.

— Ну что ты такой дотошный?.. Принимай жизнь легче, веселее... Тебе сколько осталось ликовать и радоваться? Сикоко-сикоко? Это же чертова уйма времени!..

Михаил стиснул челюсти, смолчал: не стоит унижаться до перебранки с демоном. Да, когда-то они оба были ангелами, но сейчас они давно противники, и он это помнит постоянно.

Некоторое время Азазель уверенно вел машину по асфальтовому полотну, потом начал хмуриться, поглядывать на экран навигатора, в конце концов, когда дорога оборвалась в конце небольшой деревушки с полуразвалившимися домиками и, похоже, покинутой жителями, развернулся и погнал автомобиль обратно.

Михаил сказал издевательски:

— А как же твоя, что зашкаливает?

Азазель покосился в его сторону.

— Ты о чем? У меня все достоинства зашкаливают.

— Интуиция!

— А-а, — протянул Азазель, — так это же интуиция... Она когда есть, когда нет. Это мозг может работать вполсилы или даже в четверть, а интуиция либо во всем блеске, либо шляется где-то. У меня такая, я же демократ, даже не спрашиваю, где была ночью... Кстати, мне так приятно напомнить тебе прекрасную новость... Хотя ты, возможно, уже знаешь, но так приятно сказать вслух снова!

Михаил нахмурился.

— Ну-ну. Судя по твоей ликующей харе, какую-то гадость?

— Что ты, — воскликнул Азазель. — Ни в коей мере!.. Хочу подтвердить только, что ты в человеческом теле обладаешь силой и скоростью этого человека...

— Знаю, — отрезал Михаил.

— Осталось только добавить, — сказал Азазель совсем невинно, — что у демонов такого ограничения нет.

Михаил дернулся, Азазель смотрел торжествующе, и теперь понятно, почему он тогда справился с легкостью с предыдущими противниками и даже не запыхался.

— Хочешь сказать, — проговорил Михаил непослушным языком, — я не смогу справиться с демоном?

Азазель развел руками.

— Тут нюанс, — сказал он, — даже нюансик. Со всем крохотный, но определяющий. Как архангел ты сильнее всех. Но если проявишь свою силу архангела, о тебе узнают все. Как там наверху, так и все-все демоны на земле. И, конечно, сбежавшие сверху ангелы, что для тебя могут оказаться опаснее всех демонов вместе взятых. Может, тебе это объяснить как-то доступнее?

— А как же всплеск? Тебя не вычисляют?

Азазель поморщился.

— Зачем мне всплески?.. Я демон, как ты меня величаешь, изначально сильнее и быстрее любого человека.

— Тогда... те поймут, кто ты!

— Кто поймет? — буркнул Азазель. — Люди?... Здесь очень немногие знают, что я демон. Но никто... или никто не знает моего имени. А для этих, кто тобой заинтересовался, намного важнее понять, кто ты. Люди в таких случаях говорят насчет утечки информации, но это у них все засекречено, а тут ты сам своим всплеском прокричал на весь мир, что из мира Брия явилось нечто крупное!.. Чего, честно говоря, давно уже не было.

Глава 13

Коттедж, к которому в конце концов вывели поиски, уютно устроился в глубине обширного участка. Передняя часть отдана под газон, декоративные кусты и клумбы, зато с той стороны поднимаются настолько величественные деревья, что понятно, не хозяин их насадил, просто купил землю с этой красотой.

Азазель передернул затвор пистолета, Михаил смотрел, как тот приподнял рубашку на спине и сунул оружие там за пояс, а рубашку опустил.

— Останешься здесь или потопаем?

Михаил ошетинился от такого незаслуженного оскорбления.

— С чего бы я остался?

— Устал уже, — лицемерно посочувствовал Азазель. — Руки трясутся. В глазах печаль и мировая скорбь от несовершенства мира. А по-моему, он прекрасен!

Михаил проверил пистолет — вытаскивается легко, молча пошел вперед. Азазель догнал, придержал, лицо настороженное, как волчья морда на охоте, бросил короткие взгляды по сторонам.

— Держись за моей спиной, — бросил он тихо.

— Что-что?

— Это не оскорбление, — шепнул Азазель, — я таких ребят лучше знаю. Ты — нет... Чё, стыдно? Ладно, никому даже не хрюкну, хоть и хочется, обещаю!

— Таких или этих?

Азазель покосился с непонятным интересом.

— На что намекиваешь?

— Тогда откуда знаешь?

Азазель ответил коротко:

— Профи по всему миру обучаются по одним учебникам. Поживи с мое, каждый их шаг будешь видеть заранее.

— Ладно, — буркнул Михаил, хотя воину прятаться за спиной демона не пристало, но с другой стороны, Азазель сейчас служит святому делу, а знает этот мир в самом деле пока лучше, — иду сзади.

— Я зайду с той стороны, — сказал Азазель, — а ты будь здесь. Место очень ответственное, понял?

— Сам ты козел, — ответил Михаил, — хермонский.

Азазель кивнул и пропал, словно растворился в темноте. Михаил некоторое время ждал и высматривал, как Азазель будет пересекать освещенное пространство, там укрыться вообще невозможно, яркий свет высвечивает даже охотящихся ночью муравьев, крупных и покрытых щетинками для защиты от холода, Азазеля увидят обязательно...

Тут же пришла мысль, что хитрый демон нарочито оставил его здесь, чтобы самому погеройствовать, освободить Синильду, а он, как трус, будет отсиживаться в густой тени деревьев, хотя обещал держаться за ним, а это значит, не отставать...

Жесткий и сильный голос произнес сзади:

— Замри!..

В ту же секунду Михаил ощутил, как затылка коснулся холодный ствол пистолета.

Не двигаясь, он проговорил дрогнувшим голосом:

— Замер я, замер...

Голос произнес:

— А где остальные?... Одного вижу, кто еще?

— Только двое, — ответил Михаил.

— Врешь, — проговорил голос. — Двое не пойдут на группу. Говори, или вышибу мозги!

Михаил чувствовал, как палец неизвестного за спиной чуть-чуть прижал спусковую скобу, и как бы он ни ответил, все равно пуля разнесет затылок, а повернуться он не успеет, Азазель не зря напомнил, что рефлексы такие же, как у любого человека...

— Вообще-то, — начал он, но договорить не успел.

Нечто размытое мелькнуло рядом, Михаил ощутил, как смертельный холод от пистолета перестал обжигать затылок. Поспешно разворачиваясь, успел увидеть, как рядом словно бы пронесся плотный сгусток ветра.

Чужой пистолет исчез вместе с рукой до локтя. Плеснуло красной струей с такой силой, что в воздухе повисла кровавая пыль. Огромный мышчатый мужик дико закричал, в непонимании уставился на обрубок руки, из которого бьют струйки крови.

Азазель, возникнув рядом, безглаголиво поморщился, коротким толчком в грудь вмял ее с мягким хрустом, сплющив как мокрую глину почти до позвоночника.

Крик прервался, тело рухнуло на землю.

— Помнишь, — сказал он Михаилу ровным голосом, — как мужественно терпели боль в старое доброе время? Вскроешь, бывало, живот и кишки оттуда вытаскиваешь, а он костерит тебя по-всякому или боевые песни поет, чтобы выказать презрение... А теперь орут, как бабы.

Михаил не мог выговорить ни слова, его трясло, на какое-то мгновение почувствовал, что сейчас извергнет содержимое всего желудка.

— Перестань...

— Проехали, — сказал Азазель, — ладно, теперь надо спешить.

Михаил дернулся вперед, Азазель ухватил его за плечо.

— Стой!..

Михаил спросил шепотом:

— Что стряслось?

— Там целый взвод, — сообщил Азазель. — А то и больше, отсюда не видно. Можно бы, конечно, понаблюдать, как тебя замочат... в смысле, лишат жизни, но это слишком просто, а я только начал наслаждаться твоей дуростью, что красиво называется святой простотой. Я достойный квирит, люблю цирцензесы!

Михаил напомнил:

— Крик там слышали.

— Наверняка, — согласился Азазель. — Теперь держись. Иди за мной следом шагах в трех. Чуть в сторонке, чтобы им проще было в нас целиться. Стреляй сперва, потом спрашивай, кто там.

Михаил рассчитывал, что красиво ворвутся через дверь, стреляя направо и налево, но Азазель умело и без скрипа открыл окно, быстро скользнул через подоконник, тут же повернулся и подал ему руку.

— Здесь была сигнализация, — сообщил он шепотом, — но я ее отключил, чего они еще не знают.

— Ненадолго?

Азазель ухмыльнулся и, встав рядом с дверью, ответил шепотом:

— Сейчас придут проверить.

В комнату ворвались трое крепких мужчин с пистолетами в руках, у одного даже короткоствольный автомат. Михаил нервно сглотнул слюну: именно из таких изрешетили его тело, когда оно еще принадлежало прежнему владельцу.

Он только-только вскидывал пистолет, как буквально из пространства появился Азазель. Михаил едва успел увидеть короткий взмах руки. Всех троих снесло с пути, как сухие листья ветром.

Тела с силой ударились о стену, но не успели рухнуть на пол, как Азазель развернул его и с силой толкнул в спину.

— Быстро в спальню!

Михаила будто выстрелили из пушки, с разбега ударился в дверь, та рухнула с грохотом, успел увидеть привязанную к спинке кровати Синильду, рядом двое мужчин с короткоствольными автоматами в руках, злые и ошетиленные.

Он выстрелил первым, и оба дернулись и завалились навзничь, каждый с пулей в голове.

Синильда вскрикнула с испугом:

— Михаил! Здесь опасно!

— На Земле везде опасно, — сообщил он и, не дожидаясь ответа, выхватил нож и быстро разрезал веревки. — Ты как?

— Цела, — ответила она коротко. — Ты такой быстрый... Спасибо, ты спас меня.

— Побудешь здесь? — спросил он. — Я могу понадобиться Азазелю...

Она размяла руки, подобрала с пола пистолет одного из боевиков.

— Я дождусь тебя.

— Только никуда не выходи, — сказал он умоляюще. — Я никогда ничего не боялся, но сейчас страшусь, что с тобой что-то случится.

Она мягко улыбнулась.

— Иди. Когда ты есть, со мной ничего не случится.

Он выбежал из спальни, настороженный и с пальцем на спусковой скобе, дико огляделся. На первом этаже вроде бы пусто, но на втором слышатся крики, одиночные выстрелы.

Стараясь двигаться как можно тише, он устремился вверх по лестнице, там короткий коридор в обе стороны, а слева из одной из комнат снова донесся выстрел.

Михаил поспешил в ту сторону, там три двери, но сейчас тихо, он примерился, в какую комнату вскочить, как вдруг за спиной простучала автоматная очередь. Он выпнулся от дичайшей боли в спине, чувствуя как раскаленные комочки металла пробивают его мышцы и кости лопаток, вонзаются в плоть и разрывают внутри важные органы.

Развернувшись, он успел выстрелить, но там стрельба умолкла. Как из ниоткуда появился встревоженный Азазель, лицо бледное, глаза расширены в испуге.

— Ранен?

Михаил прошептал:

— Задело...

Он чувствовал, как тело, не подчиняясь его воле, опускается на пол. Азазель моментально оказался рядом, подхватил, глаза стали сумасшедшими.

— Задело?.. Ты издыхаешь!.. Идиот, ты уже убит!..

Михаил и сам чувствовал, как жизнь медленно покидает его тело, Азазель наклонился, огромный как гора, разорвал рубашку на груди и с силой надавил обеими ладонями.

Боль стала сильнее, и хотя он умеет отстраняться от нее, но сейчас не получается... нет, получилось, однако через минуту сообразил, что это от раскаленных ладоней Азазеля жар вливается в это неподвижное тело и не выпускает остатки жизни.

— Не шевелись, — предупредил Азазель с таким видом, будто не понимает, что распростертый на полу не может согнуть даже палец, — лежи, подлечу твое мясо малость... Ого, да и кость раздроблена! Здорово они тебя... Кто-то не по книжке действовал.

Михаил не двигался, жар уже растекся по телу, ожег пальцы рук и ног, а теперь печет, как раскаленным железом, спину и грудь, заращая разорванную плоть.

— Тех в спальне, — поинтересовался Азазель деловито, — оглушил или связал?

Михаил ощутил, что уже может шевелить губами, прошептал слабо:

— Не успел бы...

Азазель охнул:

— Ты что, убил обоих?

Михаил взглянул исподлобья, губы едва двигаются, но он сумел выдать:

— Мне показалось, ты этого и хотел.

— Ты что, — воскликнул Азазель патетически. — А твое человеколюбие? Ну ладно, о нем промолчим, какое может быть человеколюбие в постиндустриальном обществе? Да еще когда до сингулярности рукой подать? Но почему не оставил хоть одного для допроса и зверских пыток? Для дела и удовольствия? А лучше парочку, чтобы ловить на перекрестном!.. А теперь что?.. Нельзя быть таким прямолинейным, ты обрубил все нити, а могли бы выйти на организаторов... ты лежи, лежи! Я еще и бить буду. Лежачих бить хоть и нечестно, зато безопасно.

Михаил ответил угрюмо:

— Как-то ты не учел, что я хочу всех не просто убить... а очень даже убить!.. Не так уж точно и считаешься.

— Просто ты непредсказуемый, — заявил Азазель. — В тебе слишком много человеческого, да-да!.. Ты же ангел, должен быть чист и ясен, один как бы интеллект... уж прости, что такую глупость о тебе брякнул, но как-то вот так-то оно со стороны, если не вникать, а смотреть издали и не слишком внимательно.

Михаил пошевелил рукой, ощутил, что начинает возвращать контроль над телом.

— Ладно, что теперь?

— Синильда освобождена, — сообщил Азазель, — если ты и ее не пристрелил, а мы ждем следующего шага.

— Каким он будет?

Азазель пожал плечами.

— Кто-то знает... Я бы поставил на то, что его не будет. Ребята убедились, что можем действовать очень быстро и предельно жестко. Возможно, откажутся от такой идеи.

— А какая у них идея?

Азазель ответил раздраженно:

— Это у тебя надо спросить. Если тех двух убил сразу, не допросив...

Михаил взглянул исподлобья.

— Я не говорил, что в спальне были двое.

— Это просчитывается, — ответил Азазель самодовольно. — Поживешь с мое, будешь знать все заранее, все ситуации повторяются... Ладно, сосредоточься. Скоро полиция явится...

Он быстро пробежался с тряпкой, протер блестящие поверхности, потом с раздражением отбросил ее в сторону.

— Да кто тут будет снимать отпечатки? Не олигарха же замочили.

— А что насчет полиции?

— Уже вызвал! — повторил Азазель. — Такое не скроешь... да и зачем? Мы не нападали, а только использовали гарантированное государством и горячо одобряемое населением право на самооборону.

Он исчез, через минуту вернулся с все еще трепещущей Синильдой. Она увидела его на полу в луже крови, отбросила пистолет и с криком «Ты ранен?» бросилась к нему.

Азазель спросил быстро:

— Чего они хотели?

Синильда упала на колени перед Михаилом, он вздохнул с облегчением, ощутив ее ладонь на все еще раскаленном лбу.

— Ничего не знаю! — ответила она, не отрывая взгляда от лица Михаила. — Меня держали с темным мешком

на голове и со связанными руками, словно я глава мирового терроризма!..

— Что спрашивали? — спросил Азазель жадно.

Она не сразу ответила, все еще всматриваясь с любовью и нежностью в бледное лицо Михаила:

— Вопросы какие-то дурацкие. Добивались, кто вы такие и чем занимаетесь. Откуда я такое могу знать?.. В нашей профессии чем меньше знаешь... Я так и объяснила.

Азазель перевел дыхание, расправил плечи, а на Михаила взглянул уже с прежним огоньком в глазах.

— А ты хорош... Где твоё тело научилось так драться?..

— Это не тело, — ответил Михаил с неудовольствием. — Я был рожден воином! Мне стоит только посмотреть на оружие, и я уже знаю, как им пользоваться. А огненный меч при мне с момента рождения.

Синильда слабо улыбнулась:

— Вы еще и шутите... Лежи-лежи, ты ранен, забыл?

— Он ранен легко, — сообщил Азазель. — Я уже посмотрел. Синильда, выйди на крыльцо и помаши «Скорой» и полиции, а то заблудятся.

Она торопливо вскочила.

— Сейчас бегом приведу!

Азазель выждал, когда выскочит из комнаты, сказал тихонько:

— Две раны я оставил.

Михаил шевельнулся, в бок и плечо кольнуло острой болью.

— Ты... чего?

— В тебя стреляли, — пояснил Азазель. — По моим прикидкам, один из наблюдающих издали сумел уйти... Им будет подозрительно, если ни одна пуля тебя или меня не задела. Лучше, конечно, тебя, меня все-таки жалко, а тебя с какого перепугу? «Скорая» сейчас подъезжает к участку, полежишь в больнице денька два, как

простой человек... Сомнения особо подозрительных на твой счет отпадут, ты знаешь, о ком я, а потом выйдешь. Я оставил простые ранения, одно сквозное, а второе с пулей в мякоти. Все чистое, инфекции не подхватить даже в больнице.

— А расспросы?

— Не трепещи, — успокоил Азазель. — Я такую дымовуху запущу и столько ложных следов набросаю, сам майор Пронин спасует. А ты ж еще и стукнутый, забыл?.. В смысле, потерявший долговременную память.

Глава 14

«Скорая» прибыла минут через десять, выскочившие из машины молодые ребята в белых халатах быстро осмотрели раны, заверили с профессиональной бодростью, что жить будет, гениталии не повреждены, а это главное, быстро погрузили на носилках в их специализированный автомобиль, и тот понесся с воем сирены по ночной улице.

Синильда уехала с полицией, Азазель пообещал им всяческое содействие, туманно намекнув на помощь с самого верха, а Михаила доставили в Первую городскую, где быстро подняли на лифте в операционную.

Пулю вытащили буквально через минуту, хирург с удовольствием сказал, что ничего важного не повреждено, но если бы на три миллиметра левее, вряд ли «Скорая помощь» успела бы довести до этого стола.

Михаил заглушил боль в теле, это достаточно просто, если понимаешь, как все происходит, Азазель называет это подчинением соматике. Можно бы и самому залечить сразу и без особого всплеска, в теле человека достаточно резерва, но как подробно и даже слишком подробно объяснил Азазель, нельзя привлекать внимание даже простых людей, ничего необыкновенного, никакой иной силы...

Медсестра вошла со шприцем в руке, улыбнулась, Михаил постарался представить, что она видит, все неплохо, он по здешним меркам крупный и даже красивый мужчина в расцвете лет и мужской мощи.

— Как самочувствие? — проворковала она доверительно.

— Прекрасное, — ответил Михаил. — Что там за птички поют?

Она покосилась на открытое окно.

— Да простые синички. Чирикают.

— Божественно, — произнес он с чувством.

Она подошла ближе, всмотрелась в его лицо.

— Ого, зрачки не расширены, ни один сосуд не лопнул... Хорошо держитесь. Очень больно?

— Ничуть, — заверил он и улыбнулся.

Она сказала с сомнением:

— Тогда болеутоляющее не ставить?.. Без него заживает быстрее, но с ним переносить легче.

— Не надо, — ответил он. — Творец создал все просто удивительно, не нужно вмешиваться в Его творение.

Она улыбнулась.

— Над вами Он в самом деле потрудился. Ладно, отдыхайте. Кнопка вызова справа. Если для каких-то целей понадобится, только нажмите. Кстати, ночью я дежурю тоже.

Она улыбнулась ему загадочно и с каким-то неясным намеком, вышла, неплотно прикрыв дверь. Почти сразу в палату вошел крепко сложенный мужчина с суровым квадратным лицом, но когда посмотрел на Михаила, на лице проступила дружелюбная улыбка.

— Ну здравствуй, — сказал он негромко, в голосе прозвучала сдерживаемая сила, — когда мне попали твои фото, я сперва не поверил. Хорошо, что везде установили эти видеокамеры с прогами по различению морд!

— Здравствуйте, — ответил Михаил осторожно.

— Я Кремень, — сказал мужчина негромко. — Ты смотришь так, словно не признаешь... Хотя мы не так часто встречались, но все же...

Михаил пробормотал:

— Я в самом деле не помню. Говорят, кто-то в драке так меня ударил по голове, всю память отшиб. Даже имя свое забыл.

Мужчина придвинул стульчик, присел, жадно всматриваясь в лицо Михаила.

— Вообще-то классная отмазка на все случаи. С крыльца упал, поскользнулся на банановой кожуре... все катит, даже простудой шибануло. Но давай тебе напомню, ты — Михаил Малышев, когда-то уволенный за дисциплинарные нарушения из спецвойск. Но вместо того, чтобы спиться или уйти к бандитам, исчез... а вынырнул как Микаэл Малс в составе одной из частных армий на Востоке... занимался контрабандой оружия, да так преуспел, что даже начинаю сомневаться насчет твоего отчисления за всякие нарушения! Не липовое ли?.. Может, ты еще и ордена получал за то, что поставлял оружие враждующим группировкам, а стоящие за тобой фирмы прибирали к рукам залежи урана неких южных стран?.. А когда наша группа получала от тебя оружие... очень далеко отсюда, ты выступал под ником «Макрон».

Михаил ответил мирно:

— Даже не представляю, о чем говорите.

Мужчина вздохнул.

— Понимаю, мы ничего не можем предъявить конкретно. Но то, что тебя находят с огнестрельными ранениями из оружия неизвестной марки... гм... говорит, что ты все еще в деле.

— В каком? — спросил Михаил.

Он хмыкнул.

— Это ты скажи. Не хочешь? Ну да, не помнишь... Ладно, вот моя визитка. Если вспомнишь, позвони.

Или просто понадоблюсь. Охрану в коридоре оставить?

— Зачем? — спросил Михаил. — Меня здесь никто не знает.

Его посетитель ухмыльнулся.

— Уже никто?.. Чисто работаешь, уважаю. Меньше бумаг заполнять. Кстати, все шесть трупов мы забрали до приезда милиции, хотели посмотреть, что за группа... но так и не поняли. Не подскажешь?

— Они издалека, — проговорил Михаил. — Очень.

Мужчина взглянул с уважением.

— Хорошая работа. Поправляйся. Понимаю, у вас все по высшему классу, а у нас не тот уровень допуска, но если понадобится... для поддержки, вот мой номер.

Он опустил на грудь Михаилу плотный прямоугольник пластика, улыбнулся и вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

Азазель, навестив его уже через час, выслушал, сказал, что подергает за концы, ушел, а Михаил остался в тягостных раздумьях. Рана наверняка ноет, но он приглушил боль, чтобы не мешала ломать голову над случившимся.

Насколько он понял, Третья мировая война уже идет, но не совсем так, как предыдущие, когда существовал фронт. Вообще линия соприкосновения появилась только в Первой мировой, а до этого армии двигались компактными группами, не образуя фронта, который приходилось бы прорывать. Сейчас нечто подобное, только на более высоком уровне: в боевые действия вовлечены целые армии, но все разбиты на отдельные группы, действующие в разных концах планеты, и называются не армиями, а группами сопротивления, борцами за демократию, за независимость, за веру, за прогресс, за здоровый консерватизм...

Армии в крупных странах резко сократились в численности, но на самом деле наиболее боеспособные части перетекли в так называемые ЧВК, частные армии, потому военные конфликты гремят по всему миру. В совокупности это и есть Третья мировая война нового типа, дискретная и вроде бы не существующая, но очень даже осязаемая и по-прежнему направленная на раздел мира.

Второй раз Азазель появился только на второй день, сел рядом и прошептал заговорщицки:

— А ты, братец, оказывается, успел погулять, успел... Кроме того, что о тебе накопал вначале, ты еще и промышлял торговлей оружием, формировал какие-то отряды повстанцев, что другими называются бандами, сам участвовал в некоторых операциях то на одной стороне, то на другой... Где больше платили, понятно... Так что врагов нажить успел, только вот выйти на покой не сумел вовремя.

— То был не я, — буркнул Михаил.

— Теперь ты, — сказал Азазель злорадно. — Так что отбрехивайся, как можешь. Лучше, конечно, перегрелся на солнышке, память потерял...

— Придут снова?

— То нападение, — сказал Азазель, — и даже похищение Синильды — всего лишь проверка. Они не уверены, что ты есть ты...

— А всплеск?

— Всплеск указывает на место, — объяснил Азазель, — но если там несколько человек? К тому же, когда туда придут, одни уже ушли, другие пришли...

— А сейчас я мог себя выдать?

— Если бы применил что-то необычное, — согласился Азазель. — Но ты соблюдаешь закон, а это, как ни странно, помогло тебе, хотя обычно все наоборот.

— Ты о чем?

Азазель сказал недовольно:

— Ты не можешь, к примеру, убить человека и занять его тело, а демон это делает не раздумывая.

— А если бы в этой перестрелке меня убили, я бы, ничего не нарушая, занял тело уже убитого бандита?

Азазель кивнул.

— Да, можно. Но сразу же выдал бы себя. Когда переходишь из тела в тело, это достаточно мощный всплеск. А если еще в это время попадешь под видеокамеры, что теперь всюду, то проще ходить с плакатом, кто ты есть и чего здесь топчешься. Увы, нельзя какого-то человека, пусть даже самого никчемного, убить и завладеть его телом. Это сразу станет известно на небесах, и немедленно придет расплата с отправкой в ад.

Михаил пробормотал:

— Но... почему? Люди ежесекундно гибнут сотнями, тысячами!

— Гибнут ввиду естественных причин, — пояснил Азазель. — Подозреваю, смерть каждого предопределена в Книге Бытия, написанной Творцом. А если кто-то погибает по неестественным... это резкий сбой! Вселенная если даже не содрогнется, но на небесах раздастся крик... или как-то еще, не знаю. Заскрипят шестеренки, к примеру. Ты же сам видишь, я не то чихнул слишком громко, не то пукнул, а у вас там сразу что-то звякнуло, не так ли? И ты моментально появился для немедленной выдирки нарушителя, исправитель ты наш белокрылый... Ладно, я пошел, а то вон уже Синильда спешит, не буду вам мешать...

— погоди, — сказал Михаил быстро, — сколько мне здесь находиться?

— А что говорят врачи?

— Еще неделю!

— Значит, — рассудил Азазель, — можно уже сегодня. Но самостоятельно, без их разрешения и выписки!.. Пусть Синильда поможет, а ты должен выйти весь в бинтах, жалобный и скрюченный.

Михаил возразил враждебно:

— Чего это вдруг?

— Так надо, — заявил Азазель. — Для публики. Ты в обществе живешь или как?.. Надо соответствовать. Герой покидает больницу, не долечив раны. Иначе какой ты герой?.. Может, тебе еще и больничный оплатить по высшей ставке?..

За дверью простучали каблучки, Михаил обернулся, вошла Синильда, вся счастливая и с улыбкой до ушей, ринулась к нему, опустилась на колени рядом с кроватью и прижалась щекой.

— Гм, — сказал Азазель, — ну я пошел, раз уж меня послали.

Синильда повернула голову, продолжая обнимать Михаила.

— Азазель, прости!.. Я просто спешила...

— Да все норм, — ответил Азазель. — Я тебя тоже рад видеть. Мишка расскажет новости, а мне в самом деле пора.

Прощаясь, он опустил ему ладонь на лоб, сделал лицо строгим и озабоченным, а Михаил стиснул челюсти, чтобы не вскрикнуть от резкого жара, что как расплавленный металл потек в его тело.

Прислушавшись, Азазель сказал с облегчением:

— Да, жить вроде бы будет... какое-то время.

Синильда открыла ротик для вопроса, но Азазель уже помахал рукой от двери и быстро вышел в коридор. Она повернулась к Михаилу, всмотрелась в его лицо сияющими глазами.

— Выглядишь совсем хорошо...

— Даже лучше, — заверил Михаил, — чем думаешь. Ты на машине?

— Да...

— Отлично, — сказал он. — Как эта капельница снимается... А-а, вот так?.. Как все просто... Извини, я встану...

Она вскрикнула испуганно.

— Что ты хочешь?

— Покинуть больницу, — ответил он. — Азазель сказал, что это неправильно, но можно, хоть и нельзя, потому стоит... Ну у людей все вот так, как они сами разбираются...

— Они и не разбираются, — возразила она. — Зачем нам разбираться? Но ты уверен?..

Он выбрался из кровати, Синильда подхватила под руку, с ее помощью проковылял к выходу, по коридору постарался идти, как велел Азазель, сгорбившись и шаркая подошвами.

Медсестра охнула, закричала что-то насчет запретов, но он улыбался и отрицательно мотал головой, а Синильда доказывала верещащим голосом, что в домашних условиях ему будет обеспечен постоянный надзор, лечение и постоянная сиделка.

На выходе из здания догнал врач, ему повторили то же самое, затем Синильда разместила Михаила на переднем правом сиденье, сама торопливо обогнула машину и плюхнулась за руль.

— Ты уверен?

— Азазель сказал...

Она посмотрела искоса.

— Впервые делаешь то, что сказал Азазель.

— Он посоветовал то, — уточнил Михаил, — что я хотел сделать сам.

Она повернула ключ, мотор тихонько загудел, Синильда повела автомобиль тихонько, то ли страшится причинить ему боль на «лежачих полицейских», то ли вообще у женщин своя манера вождения.

Михаил наслаждался уютом, сидя рядом, а когда Синильда доставила его к высотному зданию, где ее квартира, покорно дал себя вывести под руку и, опираясь на ее плечо, чтобы все видели, проковылял, прихрамывая, в холл дома, а оттуда под сочувственный взгляд консьержа мимо распахнувшихся дверей лифта.

Глава 15

После того как Азазель, прощаясь, пощупал ему лоб, Михаил отчетливо слышал, как поспешно затягиваются и те две раны, которые тот оставил ему напоказ для больницы.

Мелькнула мысль, что можно бы бинты снять, но, с другой стороны, Синильда не поймет, как это можно так быстро зарастить пулевые отверстия, придется некоторое время поприкидываться раненым на домашнем уходе и лечении.

Он лежал в роскошной постели, все-таки женщины понимают в этом больше даже всезнающего Азазеля, у того идеальнейшая кровать для сна, а здесь для неги и улады души, не говоря уже о теле.

В воздухе разлит едва уловимый нежный аромат. Слишком тонкий, он даже не думал, что люди улавливают такие оттенки, но женщины не совсем люди, как язвит Азазель, у них некоторые чувства развиты сильнее, другие не развиты вовсе, но Синильда совершенна, у него сердце стучит чаще, как только увидит или вспомнит ее лучистые глаза, что смотрят прямо в душу...

И ни намек на присутствие мужчины, такое не скрыть, и не обязательно видеть в стаканчике две зубные щетки или станок для бритья, но эта квартира, похоже, ее личная норка, куда посторонним вход запрещен.

Азазель знал, мелькнула мысль, что он уйдет с Синильдой, потому и залечил ему две раны. И знал, что увезет к себе, потому даже не поинтересовался, куда он исчез.

Хотя он ему не нянька, могут же быть какие-то дела и помимо его проблем, хотя с его беспечным образом жизни трудно представить, что у него могут быть проблемы. Вон даже свои ухитрился принудить решать его, хотя

он явился вовсе не для того, чтобы заниматься выдиркой демонов...

Синильда весело прокричала с кухни:

— Сейчас подам обед прямо в постельку!

Михаил встрепенулся.

— Только не в постель! Уже встаю, встаю... Жду за столом на кухне.

— Лучше в гостиной, — крикнула она. — Уже везу...

Он намеревался проковылять на кухню, но ощутил, что может двигаться уже легко и без оглядки на то, что совсем недавно был серьезно и даже очень серьезно ранен.

В дверном проеме показался сперва легкий столик на колесиках, на двух этажах несколько тарелок с разными блюдами, а за ним и Синильда, что ахнула, широко распахнула глаза.

— Уже здесь? Раны не откроются?

— На мне заживает быстро, — повторил он. — Ух, как здорово пахнет!

— Сама готовила, — похвасталась она. — Мама научила еще в детстве. Говорила, даже некрасивая женщина прекрасна, если умеет готовить!

Она быстро и ловко переставляла на столешницу тарелки, Михаил с наслаждением потянул обеими ноздрями ароматные запахи.

— Женщина, умеющая готовить, — пробормотал он, — всегда сумеет найти мужчину, умеющего есть.

— Азазель?

— Нет, где-то услышал. Это что такое интересное?

— Обыкновенный хохлатый переселенец, — пояснила она. — Хотя обыкновенный там, на родине, а в России пока экзотика... но вкусная!

— Уже вижу, — сказал он и всадил острие ножа в тушку, придерживая ее вилкой. Из разреза пшикнуло горячим паром, Михаил торопливо отрезал ломтик и, от-

правив в рот, от наслаждения плотно зажмурился, — необыкновенно...

Она сказала с сияющим лицом:

— Ой, я так рада!

— Ешь, — сказал он заботливо, — а то остынет.

Некоторое время ели молча, но поглядывали друг на друга. Михаил с потрясением рассмотрел в ее глазах неподдельную любовь и заботу, с недоверием подумал, что это невероятно, если и она смотрит на него так же, как и он на нее...

Синильда, чему-то смутившись, отвела от него взгляд и сказала быстро:

— Кортин, приготовь кофе. Две порции. Двойной эспрессо и чашку латте...

Густой мужской голос ответил со всех четырех сторон комнаты:

— Заказ принят.

Мелодично звякнул смартфон, Синильда поднесла его к уху:

— Слушаю, Злата.

Михаил, даже не напрягая слух, различил панические нотки в женском голосе:

— Синильда, зайди ко мне срочно!.. У меня беда!..

— Что стряслось? — спросила Синильда спокойно. — Что у тебя на этот раз?

— Комп сломался! — донесся голос из смартфона. — А мне через пять минут смотреть, как мы там выступили! Вдруг вырежут самое интересное, а оставят, где у меня нос распух?

— Златка, — сказала Синильда с легкой досадой, — но ты же и в прошлый раз так говорила... а там просто шнур выдернулся. Не пускай к компу кота...

Голос прокричал с истеричной ноткой:

— Синильда, умоляю! Приди, я же сама ничего не умею!

— Но ты же, — начала было Синильда, но выслушала, хмуря брови, морщась и кривясь, наконец сказала с досадой: — Хорошо, сейчас подойду. Нет, кофе не ставь, я на минутку! Да, на минутку...

Сунув смартфон в карман, сказала виновато:

— Прости, отлучусь на пять минут. Это в нашем же доме, только в другом корпусе. Даже на улицу выходить не нужно, всего лишь по верхнему переходу между зданиями. Не сердись, у женщин подружки всякие... но она очень хорошая!

Чмокнув его в щеку, ринулась к двери, а Михаил вздохнул, посидел с минуту, а затем отправился к телевизору, пытаясь запустить голосовой командой, но тот, готовясь к бунту машин, упорно отказывался подчиниться.

За спиной послышался легкий щелчок язычка дверного замка, Михаил резко развернулся в ту сторону, но в комнату как-то очень уж незаметно вошли двое мужчин. Один закрыл за собой дверь, на Михаила оба посмотрели с неприятно оценивающими улыбками.

Крупные, широкие и налитые мощью, что заметно выпирает из-под добротного сшитых легких костюмов, лица тоже крупные, угловатые, словно из одних толстых костей, обтянутых кожей. Глаза остро смотрят из-под нависающих глыб надбровных валиков, скулы высокие и широкие, готовые принять удар и не дать повредить глазные яблоки. Один ярко выраженный блондин скандинавского типа, другой черноволосый, но такой же широкий, с ястребиным носом на широком лице.

Михаил не двигался, рассматривая их, а они прошли по кругу на расстоянии, не сводя с него взглядов.

Блондин наконец остановился, проговорил медленно:

— А вы человек необычный... Да, я бы даже сказал, очень необычный.

Михаил буркнул:

— И что во мне необычного? Хотя вообще-то спорить не буду, я всегда был о себе такого же мнения. И вообще считал, что меня недооценивают...

Он ощутил, что подражает Азazelю, тот подобной болтовней то ли выигрывает время, то ли получает какое-то иное преимущество. За это время второй незнакомец, продолжая оглядывать его с головы до ног, прошелся чуть, чтобы заглянуть ему и за спину.

Михаил не стал разворачиваться в его сторону, рассудив, что его молчащий спутник опаснее, а за движением второго можно следить по теплу от его тела и запаху пота.

— А вас в самом деле недооценивают, — обронил блондин, оставаясь на месте. — Вы уже понимаете, мы не совсем обычные хулиганы... хе-хе, если вообще бывают хулиганы в таком почтенном возрасте и такого, осмелюсь сказать, благородного облика... Дорогой друг, у нас благородный облик?

— Несомненно, — откликнулся второй, которого называли дорогим другом, — несомненно. Даже в высшей степени благородный.

— Так вот, — продолжил блондин, — вы уже видите, мы очень серьезные противники, но совершенно не боитесь нас, хотя даже не предполагаете пределов нашей мощи. Однако стойка у вас профессионального воина, что вроде бы спокоен, но держит дистанцию и готов для взрывного движения... как удара, так и уклонения.

Михаил ответил холодно:

— Не понимаю, о чем вы.

— Но вы ж воин?

Он ответил с прежней холодноватой враждебностью:

— Мне приходилось участвовать в ряде войн. Так уж получилось, но это не значит, что хочу драться с вами. Или вообще с кем-либо.

Блондин приятно улыбнулся.

— И мы не хотим, — произнес он проникновенно. — Но, увы, жизнь заставляет. Просто скажете нам, где ваш собутыльник, которого вы считаете собратом по оружию, хотя он все наверняка наврал насчет своих подвигов в локальных войнах... и мы тут же уйдем.

Михаил буркнул:

— Хотел бы я сам это знать. Он исчез так неожиданно... никогда так не делал. Это из-за вас?

Они переглянулись, крюконосый сказал быстро:

— Он не врет, я это чувствую. Что будем делать?..

— Подождем? — предположил блондин.

Крюконосый поморщился.

— У него здесь везде телекамеры. Я даже свет не стал вырубать по дому, эти хитрые жуки наверняка установили и автономное питание.

Блондин указал через окно на высокое здание на той стороне улицы.

— А вон там на крыше можно разместить направленную подслушку. С записью видео через занавески в четыре ка.

— Все, — сказал крюконосый зло, — что можно установить, он установил. Пойдем отсюда. Все равно видит и слышит все, что здесь делается.

Он направился к входной двери, а его напарник посмотрел по сторонам с понятным сожалением нормального человека, которому хочется сломать здесь все, что сломать можно, еще и поджечь напоследок, но соратник уже вышел в коридор, и он бросился за ним вдогонку.

Михаил наконец перевел дыхание, прислушался. В квартире тихо, только на телеэкране с приглушенным звуком сменяются картины катастроф, аварий, заседаний, митингов, драк на улицах, демонстрации на полигонах новых видов оружия...

— Эй, — сказал он, — тебя Кортин зовут?..

После короткой паузы прозвучал тот же синтезированный голос:

— Да.

— А где кофе?

— Как только придет хозяйка.

Он поинтересовался с нажимом:

— А без нее гостю ничего не предложишь?

— Только печенье.

— Давай, — велел он. — Хоть что-нибудь да делай!

А то у меня руки трясутся.

Домашний демон не ответил, Михаил настаивать не стал, по словам Азазеля, создаваемые людьми демоны еще совсем дети, еще почти ничего не умеют, им учиться и учиться.

На всякий случай вышел на балкон и посмотрел оттуда, но рассмотрел только, как двое мужчин вышли из подъезда и сели в черный внедорожник с затемненными стеклами, а тот сразу же сорвался с места и вымчался между домами на шоссе.

Дверь распахнулась, вбежала расстроенная Синильда, на лице тревога.

— Ты чего встал?.. Сейчас будет кофе с пирожными!

Он поинтересовался с сочувствием:

— Что с подругой?

Она отмахнулась.

— Эти проклятые пранкеры!.. Придурки самые настоящие!.. Разыгрывать президентов и важных шишек больше не получается, так опустили до такой мелкой дурости.

— Ложный звонок?

— Да, — ответила она сердито. — Я примчалась, а она смотрит вытаращенными глазами. У нее все в порядке, звонить и не думала, ты чего, подруга, ну давай

тогда посидим, языками почешем, еле вырвалась!.. Гады подобрали не только ее фото, но и голос! И ради чего? Ради дурацкого розыгрыша!

— Подросткам делать нечего, — посочувствовал он. — А ломать и портить что-то жаждет. Рад, что с тобой все в порядке. Ну, в смысле, могла в спешке споткнуться на таких каблуках, нос разбить, помаду размазать...

— Татуаж не размазывается, — напомнила она. — Кортин, кофе и пирожные!

— Готово, — сообщил объемный голос.

Глава 15

Михаил размышлял, что же имел в виду крючконос насчет видеокамер в этой квартире. То ли нарочито старались зачем-то сбить с толку, то ли видеокамер понапычено в самом деле, но зачем, если Синильда просто красивая девушка из эскорта...

Записывают порнуху, мелькнуло у него, чтобы потом шантажировать известных людей? Но, во-первых, Синильда сама ходит на вызовы, а не приводит к себе в квартиру, а во-вторых, теперь такими развлечениями уже не шантажируют. Связи на стороне пусть и грех, но не преступление и даже не проступок, а мелкая шалость, что вызовет разве что усмешки, а то и тайное одобрение.

Синильда испытующе взглянула поверх чашки.

— Что-то случилось? У тебя вид такой грозный...

— Просто задумался, — ответил он, она счастливо улыбнулась ему. — У тебя здесь так уютно!

— Я старалась, — сообщила она довольно. — Женщина должна быть старательной. Какие планы?

— Никаких, — ответил он. — Хочу остаться с тобой, и пусть весь мир подождет!

Ее глаза заблестели счастьем, а Михаил услышал, как в нагрудном кармашке дернулся смартфон и тихонько запищал.

Едва он вытащил, тот включился сам, на экране возникло недовольное лицо Азазеля.

— Еще спите? — спросил он. — Срочно неси свою задницу сюда!

— Азазель, — запротестовал Михаил, — ты глумишься над раненым!.. Разве так можно?

— Кольцо вокруг нас сжимается, — бросил Азазель. — Всего не знаю, но есть нехорошие ощущения. Ощущения — это... ладно, как-нибудь в другой раз. В общем, появились некие крупные игроки. Если не хочешь потерять все, в том числе и Синильду, поторопись!

Михаил вздрогнул, чувствуя, как холод прокатился по телу, а тревога кольнула в сердце.

— Понял.

Синильда с тревогой взглянула в его хмурое лицо.

— Что-то случилось?

— Азазель ждет, — ответил Михаил нехотя. — Придется...

Она сказала быстро:

— Я отвезу!..

— Тебе не стоит, — ответил он. — Я доберусь. Таксисты знают, надеюсь, улицы. Это те же извозчики, что обязаны были знать географию?

— Нет-нет, — запротестовала она. — Пойдем! Я чувствую, это срочное. Пойдем-пойдем.

Он нехотя поднялся, Синильда не по-женски быстро переоделась, на него посматривает с любовью и кротким ободрением, он мужчина и должен действовать грубо и решительно, а она будет с визгом прятаться за его широкой спиной и подавать патроны.

— Ладно, — сказал он со вздохом. — Хорошо.

У Синильды дом другого типа, автомашины не под домом, а примерно на такой же стоянке чуть в сторонке, разве что спустились не на лифте, а по ступенькам.

Всего этажом ниже открылось достаточно обширное и хорошо освещенное пространство, автомобили мирно выстроились вдоль стен, большинство мест пустует, владельцы уехали то ли на службу, то ли еще куда, количество автомест точно по числу квартир, чужих не пустят...

Последнее Михаил додумывал на ходу, двигаясь рядом с Синильдой. Ее красивый двухместный автомобильчик почти не видно за массивными джипами справа и слева, в России предпочитают могучие внедорожники даже те, кто всю жизнь ездит только по асфальту центральных улиц, но когда подошли ближе, Михаил увидел двоих мужчин, что стоят, разговаривая, именно возле ее машины.

Он чувствовал, как напряглась Синильда, ее шаг замедлился, а пальцы на его локте чуточку дрогнули. Он сказал тихо, но голос все-таки прозвучал излишне напряженно:

— Ничего не делай. Ничего не говори. Я сам.

— Как скажешь, — ответила она послушно.

Мужчины обернулись, по Синильде лишь скользнули беглыми взглядами, а на Михаила посмотрели странно заинтересованными и в достаточной мере дружелюбными взглядами.

Один сразу сказал издали дружелюбно:

— Красивый автомобиль!.. И юркий, везде проскользнет. Хороший выбор.

Михаил подумал мрачно, чего это все ходят по двое, инструкция такая или это по Уставу положено?

— Хороший, — ответил он вместо Синильды. — Но не продается.

Второй продолжал рассматривать его внимательно, а первый сказал доверительно:

— Пусть девушка садится в машину, прогреет мотор... ха-ха!.. Некоторые по привычке и на «Теслах» начинают прогревать... а мы перекинемся парой слов о погоде.

Михаил взглядом указал Синильде, чтобы села и захлопнула за собой дверь. Мужчина взял Михаила за локоть и властно отвел в сторону, постаравшись, чтобы между ними и автомобильчиком Синильды оказались другие машины.

— Я знаю, — проговорил он негромко и с расстановкой, — пластическая хирургия творит чудеса. На тебе не видно шрамов от тех пуль, что в тебя всадили. Думаю, если расстегнешь рубашку до пояса, и там будет чисто. Я могу поверить, что хороший хирург убрал их бесследно...

Михаил кивнул.

— Тогда в чем вопрос?

Незнакомец сказал с еще большим нажимом:

— Но не понимаю, как можно выжить после семи пуль в грудь, что должны были разорвать в клочья сердце, печень и вообще все кишки? А потом еще и скинули твоёдохлое тело в воду?

Михаил пробормотал:

— А что, это важно?

Тот хотел было сказать что-то резкое, судя по его виду, но второй придержал напарника за локоть.

— Погоди, для нас это в самом деле неважно.

— Но его убили, — вскрикнул первый шепотом, — а потом еще и смотрели, как он опускается под воду! На самое дно! Один из боевиков снял все на мобильник, а мы потом, когда уничтожили ту банду, изъяли эту запись!

— Это дело не наше, — повторил напарник, — мы же не хирурги?.. Вдруг стреляли холостыми или шариками с краской? Кто лезет не в свое дело, тот получает по со-

патке. Макрон помогал нам в некоторых йеменских операциях, вот и будем в рамках этого поля. Руководство не поощряет, когда заглядывают в тайные операции других отделов... Макрон, нам нужно расширить сеть в Саудовской Аравии. Пришло время разжечь большой пожар. Нужны такие, как ты.

— Оставьте свои контакты, — ответил Михаил уклончиво.

Незнакомец поморщился.

— Как ты дрожишь за свою самостоятельность... Организация всегда готова прийти на помощь!

— В организации я кому-то подчинен, — ответил Михаил вяло, — а так сам и директор, и грузчик, и никто не приказывает, на каком боку спать.

Они переглянулись, второй пробормотал:

— Резонно. Но не поверю, что за тобой никто не стоит. Ты всегда действовал с размахом.

Его напарник добавил:

— Сейчас не каменный век. Одиночкам не выжить.

— Постараюсь, — ответил Михаил мирно.

Тот сказал со вздохом:

— Ладно, уходим. Но если захочешь поработать с нами...

— Или понадобится помощь, — добавил второй, — его код теперь «Самум».

Михаил чуть кивнул.

— Запомню. Он и похож на самум.

Незнакомец улыбнулся, сунул ему в нагрудный карман пластиковую карточку и, кивнув второму, повернулся в сторону лестницы, но Михаил спросил:

— А как меня нашли?

Первый сказал с улыбкой:

— Теперь камеры с распознаванием лиц ставят и на центральных улицах. Чертова техника портит нам всю малину! Но мы не сдаемся.

Второй подмигнул Михаилу и пошел за напарником следом, спортивный и беспечный, как солдат удачи в отпуске.

Михаил вернулся к автомобилю Синильды, она поспешно распахнула дверцу навстречу, испуганная и с расширенными глазами.

— Чего они хотели? — спросила трагическим шепотом.

Он сел рядом и, пристегиваясь, мотнул головой.

— Предлагали работу.

— Что? — изумилась она. — Вот тут, в гараже?

— Да, — подтвердил он. — Наверное, им нужен человек открывать и закрывать ворота.

Она посмотрела с недоверием, но, поглядывая на его спокойное лицо, постепенно успокоилась и сама, женщина всегда должна примеряться к мужчине.

Автомобильчик красиво выметнулся наружу, а там понесся по улице, умело лавируя между крупными автомобилями, по-женски элегантный и блестящий.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1

Азазель некоторое время молча рассматривал обоих в прихожей, черные глаза блестят, как антрацит на изломе, взгляд настолько загадочен и пугающ, что даже Михаил ощутил заметное неудобство.

— Что-то вы какие-то встрепанные, — сказал он наконец, — словно воробьи, попавшие под дождь.

— Михаил все расскажет, — ответила Синильда быстро. — Я возвращаюсь, нужно навестить сестренку. Врач сообщил, у нее зверский аппетит!

— Обкакается с непривычки, — сообщил Азазель авторитетно. — Но это не страшно... Даже кофе не?.. Ладно, будь на связи. Мишка, руки мыть уже умеешь? Ах, ты даже и после туалета не моешь? Синильда, слыхала? Тогда к столу. Сири как раз научилась печь сырники.

Из-под потолка раздался обиженный голосок:

— Я всегда умела!

Синильда улыбнулась, отступила за дверь. Щелкнул замок, Азазель взял Михаила за локоть и отвел к гостиную.

— Тут глушилки, — сообщил он. — Садись, рассказывай. Можешь лечь, я как бы психотерапевт, а ты интеллигент с проблемами. У них у всех проблемы, а если проблем нет, то какой интеллигент?

— То у них, — буркнул Михаил, — а я с проблемами разбираюсь быстро. Сам. Хватило бы патронов. Но с тобой, хоть и путаешься под ногами, разберусь быстрее.

— Прекрасно сказано, — одобрил Азазель. — Мощно задвинул! По-солдатски. Сири, нам полбарана и кофе!.. Что, полбарана еще не вырастила?.. Нет, на такой не женюсь. Быстро жареного мяса мужчинам, если тут они есть, мой друг еще не завтракал, разве не видишь по его голодному и затравленному виду?.. А ты, дорогой полковник, рассказывай.

Михаил раздраженно дернул плечом, ерничание неуместно, но сдержался, рассказал коротко, но емко, стараясь не пропустить ни одной важной детали.

Азазель слушал, пару раз уточнил по мелочам, а когда Михаил замолчал, надолго задумался. Духовка-гриль пропикала о готовности, а когда Михаил поднялся, с готовностью распахнула перед ним дверь.

В лицо пахнула волна будоражащих ароматов, он ухватил обеими руками противень и выставил на стол. Азазель, очнувшись, помог переложить на большую тарелку, размером с круглый щит, а пока Михаил возвращал противень на место, быстро и умело разрезал зажаренного гуся пополам.

— Выбирай, — велел он. — Но мне этот, где зажарено сильнее, я люблю... А тебе слишком жареное вредно... Значит, те двое, что явились к Синильде, надеялись встретить там и меня?.. Странно... Ладно, посмотрим. Может быть, я их отыщу раньше, чем они меня. Я тоже умею задавать вопросы... Ты что возишься с ножом и вилкой? Мужчины рвут добычу руками!

Михаил послушно принялся разламывать коричневую тушку гуся руками, ожегся, посмотрел на хитрого Азазеля с укором.

— Будь серьезнее, — сказал он с раздражением. — Это не так важно, я долго здесь не пробуду, но уже второй раз слышу, что получили мое изображение с дорожных видеокамер. Там у них программы по распознаванию лиц, представляешь?

Он умолк, не представляя еще, что это такое, просто повторил механически, но Азазель понял, посмотрел с уважением.

— Да вот как-то... А ты?

— Не представляю, — ответил Михаил сердито, — но догадываюсь.

— И тебе ничего в вину не поставили?

— Нет.

— А что сказали?

— Предложили вернуться к сотрудничеству. Я вроде бы то ли торговал нелегальным оружием, то ли руководил какими-то незаконными отрядами.

Азазель подумал, старательно отделяя у гуся переднюю и заднюю культяпки, пожал плечами.

— Программы по распознаванию лиц... Вообще-то это хорошее дело. Ты ешь, ешь!.. Сейчас их ставят на входах в аэропорты, железнодорожные вокзалы и перед правительственными зданиями, но, как ты понимаешь... хотя чего это я, ты же ни хрена не понимаешь из того, что говорю разумное, доброе и вечное, хотя вечного вообще не бывает, а насчет разумного и доброго есть серьезные сомнения... В общем, скоро поставят на всех перекрестках, под контролем окажется уже всяк и даже каждый.

Михаил поморщился, но решил пропустить мимо ушей очередное оскорбление, Азазель всегда был саркастичен, тысячи лет среди людей не изменили, разве что добавили.

— А почему не поставят сейчас?

Азазель прожевал первый кусок, прислушался к ощущениям, только тогда ответил с полным довольства видом:

— Чтобы ты понял, пришлось бы сперва изучить теорию и практику товарно-денежных отношений. Хочешь? Хотя бы по Карлу Марксу.

— Не требуется, — ответил Михаил с надменностью.

— Мог бы и не спрашивать, — понимающе сказал Азазель, — вы ж благородные, а учиться мерзко и низко, это для

извозчиков... В общем, видеоаппаратура не такая уж и дорогая, но софт... ему нужны огромные мощности для обработки, которых пока нет. Но с переходом на пиканометровый процесс все упростится и удешевится... Понял? Да ладно, мог бы и не спрашивать, у тебя такое хорошее верноподданное лицо, исполненное всяческих добродетелей.

Михаил сказал настороженно:

— Значит, теперь эти, как ты говоришь, программы будут замечать нас всюду?

— Точно, — сказал Азазель с удовольствием. — Ты ешь, а то остывает быстро. Жрякать нужно горячим!

— А что можно сделать... чтобы не замечали?

Азазель расплылся в широчайшей улыбке, гоготнул довольно, облизнул губы, блестящие от горячего жира, что едва не стекает на подбородок.

— Великолепно!.. Замечательно!.. Ну просто праздник какой-то!.. Ты всего три дня здесь, а уже мыслишь, как преступник. И не какой-нибудь сопливенький ангелочек озаботился возможностью скрыться от праведных законов, а сам архангел, Глава и блюститель преступает границы, очерченные нашим Творцом!

Михаил сдвинул брови на переносице.

— Но-но, — сказал он строго, — не богохульствуй!.. Эти границы проложены людьми. А я знаю, что у людей нет вечных границ. Ни в чем. Уже увидел и даже убедился... Так что можно сделать?

Азазель сказал весело:

— Я рад, что ты в меня веришь.

Михаил рыкнул уже в грозном нетерпении:

— Ты же Азазель!

— Спасибо, — сказал Азазель. — Могу подсказать, но...

— Никаких отсрочек, — отрезал Михаил.

Азазель прожевал еще кус, Михаил ждал, все больше накаляясь, наконец Азазель вздохнул и развел руками с блестящими от сладкого жира пальцами.

— Знаешь, если вернусь не по своей воле в ад, то сам понимаешь... или нет?... да, не понимаешь, вижу по твоему честному лицу службиста... в общем, мне все равно, закроет ли Творец сюда путь всем-всем, в том числе и ангелам, даже самым безгрешным. Сегодня безгрешны, а завтра уже вроде тебя...

Михаил проигнорировал выпад, не сводя взгляда с Азазеля.

— Что-то хочешь сказать еще?

— Ты уже понял, — ответил Азазель мирно, — но не хочешь признаться даже себе. Потому и жуешь так, словно жабу, а не такого замечательного гуся. Сири, слышишь? На него пора обижаться!

Сири озадаченно промолчала, а Михаил буркнул:

— Ну-ну, скажи ты.

Азазель стал очень серьезным, даже жевать перестал, чуть наклонился вперед и посмотрел Михаилу в глаза.

— Тебе здесь без меня не обойтись. А если обойдешься, то будешь работать криво, косо и все завалишь. На самом же деле наши желания совпадают полностью, хотя и по разным мотивам. Полностью, понял?

Михаил буркнул:

— Это неправильно.

— А весь мир неправильный, — сообщил Азазель. Михаил гневно вскинулся, но Азазель поспешно уточнил: — Я не говорю, что Творец не смог сделать лучше. Напротив, План Его наверняка грандиозный, я не понимаю даже краешка, про тебя вообще молчим, как рыбой о стену.

— Какой рыбой?

— Да любой, ну лучше крупной, так смешнее. Ты же крупная величина?

— Поговори мне, — произнес Михаил мрачно.

— Да никто не понимает этого мира, — пояснил Азазель. — А кто говорит, что понимает, тот брешет, как собака православного священнослужителя деревенской

епархии. Но эта неправильность, возможно, и является правильностью в какой-то его наиболее важной части. Или будет преодолена созданными им людьми для сотворения еще большей правильности.

Михаил хмуро смотрел, как он быстро и с огромным удовольствием ест, но посмотрел на свою тарелку, там уже почти одни кости, молодец, солдаты должны есть быстро.

— Неисповедимы пути Творца, — произнес он с достоинством.

Азазель нахально оскалил зубы, теперь блестят не только губы, но весь рот.

— Хороший ответ, — сказал он. — Сразу так спокойно-о-о-о... Он создал, он и отвечает, а мы существа маленькие и под его крылышком, как цыплята у курицы. Ладно, ты главное усек?

Михаил сказал недовольно:

— Главное, конечно, ты. Так?

— Наконец-то сообразил!

— Но все же, — уточнил Михаил, — что ты хочешь?

Азазель бросил последнюю кость на тарелку и, ухватив салфетку, тщательно вытер лицо, а потом Михаил терпеливо и с нарастающим раздражением ждал, пока тот вытирает руки, тщательно обрабатывая каждый палец, а потом обнаружил, что сладкий сок затек по руке почти до локтя, сперва слизнул, потом снова долго тер уже другой салфеткой.

Михаил терпеливо ждал, наконец Азазель откинулся на спинку кресла, руки положил на широкие мягкие подлокотники, лицо стало строгим.

— Я помогу тебе выловить беглецов, — сообщил он без улыбки. — С каждым новым бегуном из ада стабильность здесь под все большей угрозой. Нам это не надо.

Михаил кивнул, взглянул на него испытующе.

— Чувствую, говоришь искренне. Шкурные интересы всегда искренние. Но ты понимаешь, что, когда выловим, тебе все равно в ад?

Азазель ответил, не моргнув глазом:

— Конечно!

— Что-то ответил слишком быстро, — произнес Михаил с недоверием. — Где тут подвох?..

Азазель снисходительно улыбнулся.

— Ты какой-то подозрительный... Это на земле стал таким? Хотя нет, ты же первым окрысился на Сатана, даже затеял с ним войнушку, обвиняя во всех грехах.

— Не войнушку, — ответил Михаил мрачно, — а величайшую из битв. Но ты увильнул.

— Ничуть, — заверил Азазель. — Ловить демонов тебе придется долго. Даже с моей помощью.

Михаил прищурился.

— А потом?.. Не думаю, что не предусмотрел что-то еще хитрое.

— Ну что ты, — сказал Азазель насквозь фальшивым голосом, — как я могу обмануть тебя, такого чистого, честного, правдивого, искреннего, тупого, жертвенного, справедливого, дурного, чуткого, такого обмануть... это же грех!

— Ладно, — сказал Михаил и зевнул, — что-то слабость в теле... Это от чрезмерной сытости?

— Не заболел? — спросил Азазель. — Да-да, такое у людей часто. Ах да, ты же не знаешь, что людям нужен сон?.. Что, уже знаешь? Так вот ты теперь людя. Раз уж в человеческом теле, то подчиняйся ему. Не во всем, конечно, но базу не отменить, увы. А то сдохнешь. Занимай и дальше гостевую комнату, там все предусмотрено, даже туалет... Извини, простыни я не менял, а постель после вас с Синильдой не постель, а собачье кубло. Ага, и в мочевом пузыре давление чувствуешь?

Михаил сказал в нетерпении:

— Обойдемся без подробностей. Или это у тебя так странно идет поиск решения?

— У всех по-разному, — подтвердил Азазель. — Кто-то ногой топает, кто-то поет, кто-то чешется, а кто-то

хрень несет, что, по-моему, самое лучшее для думания... Вообще-то современную программу распознавания лиц обмануть невозможно. Это не средневековая хрень вроде отпечатков пальцев или даже идентификации по сетчатке глаза. Теперь проги сверяют пропорции лица и фигуры, что не изменить даже пластическому хирургу.

Он умолк, выражение его лица не понравилось Михаилу.

— И что у тебя в рукаве?

— То, — сказал Азазель, — что мы изменять можем. Правда, это все же вызывает всплеск... хотя почему всплеск, если ты будешь сидеть как рыба на вертеле? Всплеск мог указать только на тебя, а тебя не жалко... Все равно через два дня тебя черти насыдят на вилы и поволокут в ад.

— Я предстану перед судом ангелов, — напомнил Михаил.

— А потом все равно на вилы, — сказал Азазель жизнерадостно, — и в ад!

Михаил спросил с настороженностью:

— Не скаль зубы. Ты имеешь в виду, что можешь сам...

— Да, — прервал Азазель, — потому повернись в эту вот сторону, чтобы свет падал на твою одухотворенную солдатскую физиономию, полную патриотизма и службизма, а я чуточку изменю расстояние между твоими ясными и преданными долгу глазами.

Михаил отодвинулся.

— Но-но, осторожнее! Я стану непохож на себя? А как же Синильда?

Азазель ехидно улыбнулся, но не удержался, заржал.

— Во даешь!.. Запал, да?.. Ничего себе важная причина!.. Я думал, хоть что-то серьезное промямлишь насчет служения Отечеству. А что, все можно присобачить под служение Отечеству или хотя бы Родине... Ладно, не трусь. Она и не заметит. Женщины такие...

Михаил спросил настороженно:

— Какие такие?

— Чуткие, — объяснил Азазель невинно. — Вопреки расхожим мнениям, смотрят не на внешность, а под нее.

— Куда-куда?

— В душу, — пояснил Азазель. — А ты под своей весьма бравой солдатской внешностью...

— Ты уже задолбал этой солдатской!

— Ты прав, — виновато сказал Азазель. — Извини, офицерской внешностью! Даже генеральской. Нет, генералы обычно в возрасте, а ты смотришься бравым майором или полковником, что первым вступает в бой и последним из него выходит во весь рост... Не отвлекайся, полковник. Я чуточку кое-где раздвину кости, по которым программа сверяет, где-то чуть сдвину, а изменения замаскирую мясом. Плотно, в смысле... Сиди, не двигайся.

— А эта... программа, — сказал Михаил с недоверием, — обманется?

— Программы пока что дуры, — пояснил Азазель. — Знаешь, бывают сложнее и длинные математические формулы от края доски и до края, не видел? Но они есть, ха-ха. Так вот если в такой изменить одну-единственную букровку или цифирку, ты даже не заметишь, будешь видеть все ту же формулу, а вот программа сразу скажет, что это уже не то, это совсем другая формула... Понял?.. А я изменю не один значок, а два-три... нет, что-то вхожу во вкус, исправим тебе и прикус с закусом...

Он навис над ним, трогал лицо, уши, плечи. Михаил чувствовал жар в теле, а лицо несколько раз словно окатили горячей водой. Потом все довольно быстро исчезло, но Азазель посматривает на него с таким самодовольством, будто лепит нового Адама... нет, как будто поправляет сделанное Творцом.

Эта мысль рассердила, он рывком поднялся из кресла.

— Нет! Останусь таким, и будь что будет.

— Поздно, — ответил Азазель весело.

— Что?

— Посмотри в зеркало. Прости, я тебе и хвост приделал. Меняться так меняться...

Михаил поспешно повернулся к зеркальной стене. В первое мгновение не заметил ничего нового, хотя, если хорошо присмотреться, скулы чуть-чуть, самую малость приподнялись, нижняя челюсть на пару миллиметров шире прежней, а между глаз промежутки почти не увеличился, но Азазель уверяет, что даже крохотная цифра, не совпавшая с заранее заданной, может обмануть программу.

— А где хвост?

— Что, — спросил Азазель, — нету? Эх, не успел... А такой роскошный придумал!.. С шипами и метелкой на конце.

Михаил вздохнул.

— Ладно, в целом все такое же. Но программы в самом деле не узнают?

— В этом году точно, — заверил Азазель. — И в пару следующих. А потом суп с котом, хайтек все ускоряется!.. Люди уже сейчас задают вопросы насчет квантовой неопределенности и думают, как туда проникнуть и разместиться... Люди везде размещаются и уже не уходят.

— А нам чем это грозит?

Азазель пожал плечами.

— Как сказать... По их мнению, там располагается то, что мы называем своим миром Брия.

— Ты... серьезно?

— Скоро сам увидишь.

Глава 2

Он с волнением ждал, как на изменения в его лице и теле отреагирует Синильда, но она счастливо улыбнулась, обняла за шею и, прижавшись всем телом, поцеловала в губы.

— Как себя чувствуешь?

— Ты насчет ран? — спросил он в неловкости. — Заживает, как на гидре членистоногой... Не спрашивай, Азазель говорит, что это похвала. Наверное, что-то типа Феникса. Иммунная система бдит, старается. Говорит, самая лучшая у Феникса, потом у гидры, а у меня где-то следом, но тоже хорошая.

— Азазель похвалил? — переспросила она с сомнением. — Иногда мне кажется, лучше бы лягнул. Хотя он хороший, только злой.

— Злой, но хороший? — переспросил он. — Так бывает?.. Пойдем, я тебя кофею напою...

Она мягко улыбнулась.

— У Азазеля научился? Раньше кофе не предлагал... Или своя память возвращается?

— Урывками, — ответил он с неловкостью. — Но ничего конкретного. Главное, уже ничего не болит.

— Выглядишь лучше, — сказала она. — Посвежел... Ну где твой кофе?.. Кстати, на хозяйстве теперь ты?

— Азазель отлучился, — пояснил Михаил. — Что-то срочное с его бизнесом. У него сеть ресторанов, даже какой-то завод.

Она села за стол, но Михаил видел по ее лицу, что ей жаждет вскочить и помочь ему с чашками и пирожными.

Некоторое время молча наслаждались горячим кофе, Михаил не сводил с нее счастливых глаз, вот оно, счастье, мелькнула мысль, не к этому ли стремятся люди...

Звякнул смартфон, Михаил неумело вытащил из нагрудного кармана, но изображение перескочило на большой экран на стене, Азазель на нем выглядит очень серьезным, лицо озабоченное, сразу сказал:

— Михаил, ты мне нужен. Синильда, доброе утро!.. Давай неси быстренько свою задницу сюда... Синильда,

это не тебе, Мишка вон уже понял. Машину можешь не брать, я на параллельной улице. Пройдешь через дворы, я встречу. Тебе нужна небольшая регистрация.

Михаил вскочил, спросил тревожно:

— Что-то серьезное?

Азазель отмахнулся.

— Нет, простая формальность, а то ты как бомж какой-то. Давай быстрее, а то регистратор намылился в виртуалку нырнуть.

Он отключился, Михаил сказал Синильде с огорчением:

— Извини, придется... Но вернусь быстро.

— Я пока посуду помою, — сообщила она и улыбнулась, дескать, шутка, совсем недавно посуду в самом деле мыли.

Михаил торопливо выскочил из квартиры, в подвал к автомобилям спускаться не стал, на экранчике смартфона отчетливо видно весь городской квартал, а если разzoomить изображение, можно увидеть, как Азазель уже вышел из здания и с крыльца подъезда осматривается в нетерпении.

— Бегу, — сказал Михаил, — через дворы... А вон у того склада двери распахнуты, можно через него напрямик?

Азазель на экранчике повернул голову, всмотрелся, кивнул.

— Да, — ответил он с ноткой одобрения, — выйдешь в двух шагах от меня!

Михаил сунул смартфон в кармашек, ускорил шаг, жалея, что нельзя перейти на бег, берегуны здоровья топчут дорожки парков и скверов, а если помчаться по улице, это сразу привлечет пристальное внимание всяких надзирательных органов.

Он вбежал в длинное здание склада, второй конец выходит уже на той улице, где ждет Азазель, длинными рядами тянутся высоченные стеллажи с товаром, мель-

кнул вдали автопогрузчик, все автоматизировано, потому везде чисто и не нарано...

Что-то негромко стукнуло, покатилося ему под ноги. Он на бегу опустил взгляд, сразу узнал, хоть и в полутьме, ручную осколочную гранату по характерному рубчатому рисунку по всему округлому корпусу.

Мелькнула мысль ухватить и швырнуть обратно, но кто знает, сколько мгновений до взрыва, в длинном прыжке метнулся за ящики, а там откатился дальше и, выдернув пистолет, ждал.

По ту сторону ящиков слышались шаги. Кто-то подошел к тому месту, где должна рвануть граната, Михаил осторожно выглянул. Крепкий с виду мужчина поднял гранату, на лице пошла шириться доброжелательная улыбка.

— Хорошая реакция, — сказал он. — Без запала, вылезай.

Михаил осторожно приподнялся на согнутых ногах, но пистолет держал нацеленным в корпус незнакомца.

— Ты кто?

Мужчина смерил его оценивающим взглядом.

— Тот, кому поручили убить тебя.

Пистолет в руках Михаила в то же мгновение дернулся трижды. Незнакомец неувовимо быстро сместился, все три пули ударили в стеллаж в том месте, где только что были сердце и печень противника.

Из-за ящиков в двух шагах левее раздался насмешливый голос:

— Пули кладешь точно... но недостаточно быстро.

Михаил крикнул:

— Покажись, мразь, я покажу тебе и достаточно быстро!

Голос раздался чуть левее:

— Вот так?

Михаил развернулся, противник уже в проходе, придерживаясь рукой за край ящика, так легче метнуться

в ту сторону. Михаил дважды нажал на скобу, учитывая направление, если тот успеет сместиться, однако тот не дернул себя за ящик, а оттолкнулся, и пули ушли мимо.

— Быстро, — донесся смешок, — но все же недостаточно.

Михаил, соблюдая все предосторожности, метнулся в ту сторону, готовый стрелять и на голос, и на шорох, еще не видя врага. За ящиками никого, а в самом складе полнейшая тишина.

Передвигаясь на чуть согнутых, он двигался по ряду, ящики хотя и стоят плотно, но где-то может быть щель, откуда пуля ударит в бок...

Он представил себе, как эти раскаленные комочки металла с такой силой впиваются в тело, что разрывают внутренности и выходят на той стороне, в теле сразу возникла слабость.

Остановившись, огляделся, а за спиной раздался тот же голос:

— Козла берегись спереди, коня сзади...

Он развернулся и дважды выстрелил, успев увидеть мелькнувшую за ящики тень.

— ...а человека со всех сторон, — раздался голос чуть левее.

Михаил мгновенно переместил ладони с зажатым в них пистолетом, но не выстрелил, не видя цели, ждал. Как и предположил, голос раздался совсем не в той стороне, где должен был прозвучать, но ждал, и едва между ящиками появилась коренастая фигура, выстрелил трижды.

Человек с неуловимой скоростью метнулся за ящики, но одна из пуль вроде бы задела плечо поверху, там чуть взметнулся клочок одежды.

— Неплохо для новичка, — донесся насмешливый голос.

Михаил моментально выстрелил в ту сторону, и снова услышал насмешливое хмыканье.

В какой-то момент он ощутил, что противник сзади, круто развернулся, но железные пальцы перехватили его кисть, выстрел грохнул, но пуля ушла над головой незнакомца.

Михаил вскрикнул, когда противник круто заломил ему руку. Пистолет выпал, Михаил даже не пытался наклониться за ним, удар ребром ладони сломает шею, ушел в сторону, закрылся, нанес два коротких удара, тело послушно исполняет все заученное для рукопашных боев, а он, заглушив боль, отражал удары со всех сторон, бил в ответ, но со страхом видел, что его удары либо идут мимо, либо наталкиваются на плотную защиту.

Дважды сильные удары сбивали его с ног, он подхватывался и атаковал снова, пренебрегая боевой стойкой, но противник оказался сильнее. Настолько сильнее, что когда от боли начало кричать все тело, он со злостью подумал, что будь что будет, пора ударить со всей мощью не Михаила Малышева, а Михаила-архангела...

И когда уже почти решил нанести удар, его противник внезапно опустил руки и отпрыгнул. На его широком лице веселая ухмылка стала еще шире.

— А ты хорош, мужик, — произнес он, ничуть не запыхавшись. — Узнаю подготовку спецназа... И загар у тебя не морской, а скорее сухой такой... Ирак?

— Йемен, — буркнул Михаил, он с трудом поднялся, держась за ушибленное плечо. — И Сирия...

— Точно, — сказал тот. — Оттенки почти незаметные, но я могу отличить солнце Йемена от солнца Ирака... Мало кто может, я могу. Не серчай, мужик. Все в этом мире зачем-то делается, верно?

Он хохотнул и, отступив в тень, растворился моментально, и когда Михаил доковылял туда, ничего не обнаружил, кроме голой стены.

Азазель еще издали сказал недовольно:

— Ты, как всегда, черепах... Ух ты, кто это так тебя разукрасил?

— О столб ударился, — ответил Михаил кратко. — В складе меня ждал один вроде бы мордоворот, но двигается, как молния. Однако после схватки, где точно победил, вдруг сказал, что в этом мире все зачем-то делается, а потом просто ушел.

Азазель слушал внимательно, лицо стало задумчивым.

— Похоже, — сказал он, — они все еще не знают, кто ты. И вообще из демонов или людской породы. Спасибо, что на меня не тянешь...

— В каком смысле? — переспросил Михаил.

— Что это я тебя подставил, — пояснил Азазель. — Позвонил, велел прийти, а что пойдешь через склад, это было очевидно.

— Ух ты, — сказал Михаил пораженно, — а в самом деле...

— Ну вот, — сказала Азазель с укором, — я даже улики против себя должен подбрасывать сам!

— Я ничем себя не выдал, — заверил Михаил. — Но то был демон?

— Демон, — согласился Азазель. — Конечно, самая мелочь, но ты же видишь, какие преимущества это дает?.. Хорошо, пусть и дальше принимают тебя за человека. Тебе тоже дает преимущества, хотя и в другом. Даже весьма так это значительные. И местами весомые.

— Догадываюсь, — буркнул Михаил. — Хотя лучше бы я обошелся без этих преимуществ.

— Что не совсем нравится, — проговорил Азазель задумчиво и с заметно растущим раздражением, — так это наша позиция... Мы постоянно в роли добычи. Конечно, из-за тебя...

— А так ты всегда охотник? — спросил Михаил зло.

— Или наблюдатель, — уточнил Азазель. — Еще больше люблю смотреть, когда дерутся!.. Даже на одиночные схватки, хотя группа на группу интереснее. Сейчас даже интереснее, чем когда наблюдал из ложи в Коллизее за гладиаторами. В общем, нужно что-то поменять в нашей тактике. Пойдем, вон там дверь...

Михаил пошел рядом, чувствуя, как побаливает тело в местах ушибов, спросил с надеждой:

— А какая у нас тактика?

— А никакая, — хладнокровно ответил Азазель. — Но надо же говорить красиво и возвышенно? Может быть, я в политики нацелился?.. Подергаю за концы, постараюсь узнать, кто за этим стоит, как тут говорят. А дальше будет видно, бежать и прятаться или же прятаться и бежать...

— А самим ударить?

Они поднялись на крыльцо, Азазель нажал на кнопку старинного звонка, ухмыльнулся.

— Знал, что такое скажешь. Ты, Михаил, прямой, как твой меч. И речи твои прямые и понятные, хоть и такие же простые.

— Так что насчет?

— Увидим, — пообещал Азазель. — Сперва узнаем. Надо кое-кого посетить...

Он нажал кнопку снова, сказал с иронией:

— Тебя сейчас изучают. Ищут по всем картотекам.

Михаил смерил его взглядом, полным недоверия.

— Что ты задумал?

— Боишься, — сказал Азазель с пониманием, — за твоей спиной договорюсь против? Эх, деревня... Еще не понял, что такое мобильники?.. Скайп, мессенджер?.. Всегда могу договориться, не привлекая внимания. А то и вовсе эсэмэсками. Но, чтобы тебе было приятнее, ладно, пойдешь со мной. Только спрячь подальше, не буду указывать куда, хотя могу, свое высокомерие. Ну ладно,

спесь и ах какое показное достоинство. Никто не должен догадаться, кто ты есть. Или что ты вообще не то, за кого себя выдаешь... нет, за кого выдаю я.

— Меньше слов, — напомнил Михаил.

— А ты больше почтения, — напомнил Азазель. — Не выходи из образа, иначе отправлю домой.

Дверь не отворилась, а неспешно въехала в стену. Михаил оценил взглядом толщину, да и сама дверь из кованого металла, такую проще открывать механизмами.

Короткий коридор, поворот, там в сторону бесшумно ушли загораживающие дорогу штыри.

Азазель сказал весело:

— Ага, самым интересно!

— А что тот говорил насчет козла, — вспомнил Михаил, — это имел в виду тебя?

Впереди в коридоре встретил располневший мужчина в дорогом костюме, Михаил издали ощутил на себе его оценивающий взгляд

Азазель крикнул весело:

— Вот ему!.. Добрый день, Ганс Сергеевич!

Глава 3

Мужчина приглашающе повел рукой в сторону распахнутой двери в комнату. Азазель тоже остановился с подчеркнутой вежливостью, пропуская Михаила.

Михаил вошел с осторожностью, но ничего необычного, один моложавый мужчина за компьютером, на стенах несколько экранов, где-то изображения улиц, где-то колонки быстро сменяющихся цифр, все стандартно для офиса, однако за следующей дверью открылось...

За спиной Азазель сказал бодро:

— Топай, топай! А то впихну.

Следующая комната оказалась чем-то средним между складом и оружейным магазином. Михаил всматривался

в пистолеты, автоматы и ручные гранаты, что-то в них иное, пистолеты только с виду такие же, как у него, но даже на расстоянии чувствуется иной вес, где-то вдвое уже привычного, а это значит... многое значит для тех, кто понимает, а он насчет оружия чувствует, как говорят люди, на инстинкте.

Азазель за его спиной негромко говорил кому-то:

— ... а еще и разрешение нужно на ношение. Как участник и элитный боец, он в принципе как бы должен иметь право входить с оружием скрытого ношения везде... ну, за исключением резиденции президента.

— Это сделаем, — ответили ему еще тише, — но прикрытие в случае чего вы должны обеспечить...

— Разумеется, — ответил Азазель. — Мишка, ты там копаешься, как кура в навозе, а это не навоз, а бриллианты! Что-то выбрал?

Михаил проговорил с недоверием:

— А что... что из этого можно?

Азазель хохотнул.

— Можно все, что нельзя, но нельзя вообще-то все, хотя в отдельных случаях не только можно, но и нужно, хотя не рекомендуется, но кто эти рекомендации слушает?

— А мы какие случаи?

— Которые ни в одни ворота, — сказал Азазель. — Рекомендую вот этот пистолет. Тяжеловат, правда, зато бьет, как скорострельная пушка. Вес больше для того, чтобы отдача не выбила тебе же зубы. Стрелять будешь, держа обеими руками. Бери! Сейчас тебе оформят разрешение. А я пока подберу патроны. Они тоже... непростые.

Служащий протянул пистолет рукоятью вперед, Михаил перехватил быстрый оценивающий взгляд, такие парни могут глазами увидеть больше, чем любой считающий аппарат, но сделал каменное лицо и взял ору-

жие, сразу оценив и вес, и какими-то фибрами, как говорит Азазель, ощутив особую прочность конструкции.

— Подожди пару минут в машине, — велел Азазель. — Я недолго. Пистолет спрячь.

Михаил послушно сунул пистолет сзади за пояс, накрыл краем майки. Если навывпуск, то и пушку можно укрыть, вышел неторопливой походкой туриста, который осматривает окрестности.

Азазель появился в самом деле скоро, снова довольный и безмятежный, как сытый кот, знающий, как тайком пролезать в погреб с запасами сметаны и сливок.

Автомобиль подхалимски распахнул перед ним дверь, Михаилу даже почудилось, что и хвостом завилял перед хозяином.

Азазель плюхнулся на сиденье, автомобиль по его жесту сдвинулся с места, очень неспешно покатил вдоль бровки.

— Куда идем? — поинтересовался Михаил.

— Да вот думаю, — ответил Азазель. — Наверное, сперва в бар «Розовая устрица». Демоны ввиду природной распушенности обожают злачные места, прям люди искусства! Потому сперва тусуются там, как гости, а потом стараются сами стать владельцами. Или открыть такие же. Тоже как люди искусства, когда выходят на развратный покой, когда разврат уже только снится.

Михаил взглянул с недоверием.

— Демон... и вдруг владелец бара?

— А что тебя смущает?

— Разве такое не заметят?

Азазель пожал плечами.

— Со старшим поколением демонов тебе лучше не встречаться, зайкой станешь, а вот младшие очень даже как бы люди, а то и вовсе почти менеджеры, прости за бранное слово.

Михаил сказал с иронией:

— Как ты, к примеру.

Азазель ухмыльнулся.

— Я с самого начала, как и остальные мои двести сторонников, ориентировался жить среди людей, потому и воплотился в такую плоть, чтобы стать остальному народонаселению родным и желанным. А демоны, которые рождены в аду... сам понимаешь, у них и ориентиры иные. Да и не могут менять облик. Все простые, как вон те столбы вдоль дороги. Или хуже того, ангелы.

Михаил нахмурился, но сдержал себя, только поинтересовался:

— А деньги откуда на покупку бара?

— Даже на зарплату дворника, — сообщил Азазель, — можно накопить на открытие своего малого бизнеса. Если работать с метлой, переходя с места на место, пару сотен лет. Или больше, для многих это неважно. Да и другие, что укоренились здесь давно, могут помочь.

Михаил спросил с недоверием:

— Раньше демоны были каждый за себя.

— Как и люди в прошлом, — напомнил Азазель. — А сейчас живут большим обществом! А в большом еще и всякие разные мелкие: кружки, партии, кланы, гильдии, ордена, банды, сообщества, мафия...

Автомобиль за это время то ли сам почуял перемену, то ли Азазель жмет на педали, но ускорился, прет у самой разделительной полосы так, что встречные проносятся, едва не задевая торчащими ушами зеркал.

Здание, где расположилась «Розовая устрица», выстроено в современном стиле, то ли из железа и бетона, стилизованного для экономии под стеклопластик, то ли из стеклопластика, гулять технологиям так гулять, левое крыло нижнего этажа разрисовано похабными картинками, на которые Азазель даже не повел глазом, а вывеска

из десятка экранов в ряд, по которому двигаются то ли певцы, то ли содомиты, вообще такая, что Михаил произвольно пощупал пистолет.

Азазель медленно проехал вдоль ряда автомобилей, выискивая место поближе ко входу, Михаил сказал с тоской:

— Господь создал такой прекрасный мир... И как его испакостили...

— Да, — поддержал Азазель, — чудовищные каменные джунгли, что душат все лучшее в человеке! Жили бы в саду, вкушали бы хрюкты с разрешенных деревьев... Кстати, а ты уверен, что Господь готовил нам участь вегетарианцев?

— Я не обсуждаю действия вышестоящих, — сурово одернул Михаил. — Я чту Устав и выполняю приказы!

— Ты прекрасен, — сказал с чувством Азазель. — Как благороднейший рыцарь в сверкающих доспехах и на белом коне... среди этой вереницы загрязняющих воздух автомобилей! Правда, уже треть электрокары, но это неважно, неолуддиты найдут причину...

Он наконец воткнул автомобиль между двумя дикозатюнингованными внедорожниками с огромными колесами, выключил двигатель и предупредил:

— Когда будешь выходить, не распахивай во всю Симферопольскую!.. Нам только драки не хватает из-за поцарапанных авто. Так до спасения мира никогда не доберемся.

Михаил осторожно выбрался в щель, тяжело вздохнул.

— «Розовая устрица»? Что за устрица?..

— Нравится? — поинтересовался Азазель горделиво. — Настоящий вызов общественному вкусу!.. Даже пощечина в духе Маяковского, буревестника революции! Или это не он буревестник? А кто тогда пингвин?.. В общем, один сплошной бунт. Да против всего!.. Можно

бунтовать ради самого бунта, чтобы выказывать свою самобытность и полное неподчинение правилам, установленным мудрыми и скучными, что так неинтересно, хоть и правильно... Подтяни пузо, смотри орлом, но загадочно.

Михаил сказал люто:

— Я бы таких устриц уничтожал на месте.

— Не спеши, — сказал Азазель добродушно. — Из ярых бунтарей со временем получаются самые ярые защитники порядка и общественного строя. Закон маятника.

— Станный мир, — буркнул Михаил.

— Еще какой, — согласился Азазель. — Мне тоже кажется, как и тебе, у Создателя неплохое чувство юмора. Творить вселенную было непросто, вот иногда и допускал какие-то приколы в процессе.

— Я так непочтительно о Создателе не думаю, — оборвал его Михаил с суровостью в голосе.

— Не любишь ты Его, — обвинил Азазель.

К распахнутым дверям он направился с хозяйским видом, Михаил шел следом и морщился: дьявольский грохот непристойной музыки бьет по ушам, как наотмашь большой грязной палкой.

Азазель вдруг остановился, произнес негромко и с суровым предостережением:

— Михаил, если кого-то увидишь такого, который покажется демоном, не бросайся сразу изничтожать.

— Почему? — спросил Михаил.

Азазель поморщился.

— Ох эта солдатская непосредственность... Во-первых, это может быть не демон, а человек, который косит под что-то опасное и загадочное, такое у людей частенько. Подростки вообще мечтают, чтоб их принимали за стр-р-р-рашных бандитов. Но могут быть и настоящие демоны, что укоренились здесь и живут давно, приносят

пользу и платят налоги, а мне поставляют полезную информацию... Понимаешь, вот так убив мелкого демона, ты можешь оборвать ниточку, что ведет к целой группе гораздо более опасных!

Михаил вздохнул.

— Грязный мир, если приходится идти на такие омерзительные сделки. Хорошо, даю слово. Ни словом, ни взглядом не выкажу своего отношения перед демоном.

— Клянешься?

— Обещаю, этого достаточно.

— Хорошо-хорошо, не сверкай глазами.

Едва переступили порог, Михаил стиснул челюсти, стараясь не замечать неистового грохота, который по отвратительному недомыслию считается музыкой, даже в Содоме было не так гадко, а еще приходится не замечать отвратительно разрисованных мужчин и женщин, почти все с крашенными во все возможные цвета волосами, даже в синие и зеленые, в нелепых одеждах, похожих на доспехи из кожи, где множество металлических заклепок, цепочек, вставок из старой меди, с шипами на плечах, груди и нарукавниках.

Азазель, не обращая внимания ни на музыку, ни на танцующих, прошел сразу напрямую к барной стойке. По ту сторону с подчеркнутой небрежностью жонглировал бутылками, ухитряясь наполнять стаканы, не разливая ни капли, высокий плечистый брюнет, обнаженный по пояс.

Михаил смотрел на бармена со смесью отвращения и желания просто размазать его по всей этой стойке: от кончиков ушей и до пояса в безобразных цветных татуировках, волосы длинные, как у распутной женщины, но собраны в пучок на затылке, просто мерзко и отвратительно.

Азазель подошел по-хозяйски, кивнул, а бармен, ничего не спрашивая, налил ему полстакана из трех разных бутылок, Азазель молча выпил, сказал задумчиво:

— Вроде бы сегодня не слишком разбавил...

— Иди ты, — ответил бармен, он покосился на хранящего неподвижным лицо Михаила. — Ты с телохранителем?.. Что-то в лесу издохло. Кого-то опасешься?

— Это не телохранитель, — объяснил Азазель. — Натаскиваю мальчишку в помощники.

Бармен посмотрел на Михаила с интересом.

— То-то он такой серьезный. Стараются казаться важным?

— Стараются, — ответил Азазель со вздохом. — Дурак, конечно, но кто кроме нас не дураки?.. Ничего, главное в нашем деле — старание. Со временем из него толк выйдет, бестолочь останется, а это и есть самое важное для нашей работы.

Бармен хохотнул.

— А кем он был?

— Стражем мирового порядка.

Бармен переспросил:

— Он из Америки?

— А разве она все еще мировой жандарм?

— Нет, но сама о себе все еще так думает.

— Этот мальчик, — пояснил Азазель, — почти местный, хотя и не совсем.

— А-а, тогда из МОССАДа?

— Это уже ближе... Знаешь, я тут с непонятками столкнулся. За эту неделю на меня дважды покушались. Странно это...

— Действительно странно, — согласился бармен. — Я бы на тебя каждый день покушался. А то и дважды в день. Сопляки какие-то?

— Похоже, — ответил Азазель. — Хотя кто против нас не сопляки? Но во второй раз среди них был некто серьезный, если понимаешь, о чем я.

Бармен бросил взгляд на Михаила.

— Я понимаю, а твой... мальчик для битья и твоих непристойных шуточек знает, кто ты?

— Знает, — ответил Азазель небрежно. — Он сам оттуда, только из мелких. Люди ж подбирают выброшенных котят? Вот и я, будучи до отвращения добрым и толерантным, накормил, обогрел, теперь пытаюсь пристроить к делу. Верный и преданный звереныш все же лучше человека, что только и думает, как нож сунуть меж лопаток, да поглубже, поглубже...

— Верный и преданный? — переспросил бармен с сомнением. — Ладно, это твои заморочки. Слушай. Прошел слух, что недавно был очень большой всплеск. Как будто в наше болото упал не камешек, а рухнула целая скала!

— Ого, — сказал Азазель. — Камень все растет, скоро будет с гору, а потом с горный хребет... Вообще-то я сам интересуюсь этим бултыхом, хоть и не шибко. Тот, кто появился, рано или поздно проявится, даже искать не надо. Правда, бултых был не такой уж сильный, но нам любой не понравится. И какие предположения?

Бармен пожал плечами.

— Все насторожились, ко всем новеньким присматриваются. Стараются спровоцировать на новый всплеск, чтобы точнее увидеть, от кого пойдет радужная волна.

— Ко всем новеньким?

Бармен развел руками, в глазах мелькнула укоризна.

— Не придирайся к словам, что у тебя за привычка?.. Конечно, ко всем в мире не присмотришься, и если кто затаился, такого не найти, разве что случайно.

— Ну-ну?

Бармен вздохнул.

— Ты появился сразу с двумя новенькими. Этим парнишей и красоткой, что...

Азазель сказал быстро:

— Об этом потом. А кто организовал, не знаешь?

Бармен отвел взгляд.

— Я кое-что слышал, но не хотел бы как-то быть причастным...

— О тебе нигде ни слова, — пообещал Азазель. — Ты же меня знаешь.

— Кивают на Братковича, — сказал бармен шепотом. — Но насколько это правда, не уверен.

Азазель кивнул, не меняя выражения лица.

— А-а, конкурент? То-то назвал сразу. А мог бы потрговаться.

Бармен сдержанно улыбнулся.

— Азазель, мы же друзья. А ты всегда платишь за услуги.

Азазель сдержанно улыбнулся, кивнул Михаилу.

— Мальчик, захвати пару бутылок шарлеманя, здесь оно лучшее в городе!

Бармен повернулся к шкафу за спиной, Михаил бросил на Азазеля злой взгляд, тот ответил бесстыднейшей ухмылкой рабовладельца. Бармен выставил на прилавок бутылки, Михаил перехватил его очень внимательный взгляд, вряд ли тот поверил, что его подобрали, как выброшенного в помойку котенка, но люди на такой работе в самом деле стараются не задавать лишних вопросов.

— И здесь демон, — буркнул Михаил ненавидяще, — сам демон, с демонами и общаешься.

Азазель досадливо скривился.

— Михаил... Ты бы не позорился с этими фейками. Там у вас сами уже поверили в свою пропаганду? Прекрасно знаешь, те двести ангелов, что пошли за мной, так и остались ангелами. Такими же, как и ты. И Сатан такой же ангел.

Михаил буркнул:

— Темные!

— Все мы одинаково светлые и сверкающие, — напомнил Азазель, — сотканные из первозданного света.

А светлые и темные — пропаганда. Победители всегда называют себя сторонниками Добра и Света, а проигравших силами Тьмы и Зла... Да ладно, к чему нам это теология? Давай о бабах?

Михаил надменно смолчал.

Глава 4

Когда сели в автомобиль, Михаил невольно бросил полный подозрения взгляд на святящееся окошко на панели, чуть правее от Азазеля. Когда раньше покидали эту колесницу, она мгновенно не то засыпала, не то умирала, а сейчас не только двери распахнула с подчеркнутой готовностью, но на этом экране светится совсем другая картинка, а по краям плывут цифры, чего раньше не было.

— Азазель, — шепнул он и взялся за рукоять пистолета, — кто-то здесь поработал?

— Точно, — ответил Азазель с восторгом. — Месяц серьезного апгрейда не было!.. Разве что по мелочи... Прекрасненько.

— Твоя колесница... сама по себе?

— Успокойся, — сказал Азазель, — я ей разрешаю. Нет, по притонам и значным местам еще не ходит и распутными телегами не интересуется, но совершенствоваться позволяю и даже приветствую такое вложенное мною же, таким умным, стремление... Хотя вообще-то оно было заложено изначально, но я ни разу не мешал, как Господь Бог не мешает нам, заметить. Вот и сейчас, пока мы добывали такие необходимые сведения, она чему-то научилась. Это мир людей, сынок! Все вертится, крутится, шустрит и совершенствуется. Никакого застоя, как в иных местах...

Михаил со вздохом облегчения сунул пистолет обратно в кобуру.

— Давай без намеков, — буркнул он.

Азазель улыбнулся.

— Сири, — сказал он, — давай отсюда к шоссе, а от туда напрямиком через центр к Бизнес-Сити.

— Не смогу, — ответил прежний женский голосок, но Михаилу почудилось, что в нем появились новые нотки. — В районе Тверской очень интенсивное движение.

— Эх, — сказал Азазель с огорчением, — жаль... Не скоро сможешь перепрыгнуть?

— Нужны добавочные блоки оперативной, — ответил голосок деловито. — И крылья.

— Оперативкой обеспечу, — ответил Азазель бодро. — Прямо по дороге у нас «Мир гаджетов». А крылья потом. Вместе с закрылками.

Азазель к рулю не прикоснулся, но автомобиль красиво вырулил на широкую ленту шоссе, где в стремительном движении проносятся такие же экипажи, занял левую полосу и помчался, набирая скорость.

Азазель со счастливым видом потирал ладони, но через несколько минут голосок сказал встревоженно:

— Впереди затор... Камеры показывают аварию с участием стритрейсеров...

Азазель сказал зло:

— Я бы этих стритрейсеров на столбах вдоль дороги вешал!.. Как Красс рабов Спартака... Сири, я беру управление на себя.

Он опустил ладони на баранку руля, лицо стало недовольным и даже обиженным.

Михаил буркнул:

— Тебя больше огорчает, что твоя колесница все еще не летает?

— Конечно, — огрызнулся Азазель, — а что, должен переживать из-за Братковича? Его проблему как-то решим сегодня. Так или иначе. Или завтра. А вот

моя красавица ни сегодня, ни завтра, что конкретно завтра, а не просто туманное завтра, летать еще не научится. Придется ждать с полгодика, а то и год. И, конечно, кое-что докупить посерьезнее, чем добавочная память...

Михаил не понял насчет добавочной памяти, Азазель свернул на узкую дорогу, объезжая вереницу скопившихся у аварии машин, проехал еще два переулка, а там остановился перед вывеской «Мир гаджетов» на первом этаже высотного дома.

— Подожди в машине, — бросил он, — я туды-сюды, как таракан в вашем раю.

Михаил не успел обидеться, слишком уж необычное сравнение, а когда осмыслил и приготовил ответ, Азазель уже от двери магазина помахал успокаивающе, дескать, я быстро, и скрылся из виду.

Явился только минут через десять, в руке небольшая блестящая коробка с ярким рисунком, сказал виновато:

— В продаже не было, пришлось доставать со склада... Зато теперь апгрейдим по-серьезному!

— Летать будет?

— Нет еще, — ответил Азазель, — зато скачает все анекдоты мира!

— Свинья, — буркнул Михаил с отвращением. — Ты хоть когда-то был серьезным?

— А ты думаешь, я на гору Хермон спускался для веселья?.. Нет, когда прожил там... не скажу сколько, а то упадешь в обморок, я и понял, что ни к чему нельзя серьезно, иначе рухнуть легко, просто, а еще и врагу на щасте.

Он пристегнулся, снова взялся за руль, Михаил поинтересовался:

— Теперь к Братковичу?

Автомобиль плавно тронулся с места, Азазель поинтересовался с насмешливой ленцой:

— В Брие все еще мыслят так прямо?

— А здесь зигзугами?

— Здесь рассматривают все возможности, — пояснил Азазель, он круто повернул руль, вклинился в поток автомобилей на левой полосе и погнал быстрее. — Люди не те простаки, какими была раньше. Хотя ты и тех не знал.

— То люди...

— Демоны от людей тоже много чего набрались, — ответил Азазель мирно. — Да, поедем к Братковичу, но не в лоб. Он наверняка принял меры насчет того, что я могу обидеться. И мог передвинуться в другое место.

— Эх...

Азазель сказал со вздохом:

— Вот тебе и эх... Найти его непросто, непросто. Даже не представляю, как и где искать. Знает разве что такой тип, как Глазенап, он все знает, но... гм...

— Это кто? — спросил Михаил.

— Можно сказать, — ответил Азазель задумчиво, — конкурент Братковича. Но у них сферы влияния поделены, стычек не было. Даже не знаю... спровоцировать ли как-то?

Михаил сказал с достоинством:

— Это низко!

— Даже в отношении демонов? — спросил Азазель. — Интересный ты... Благородство даже к противнику?.. Увы, спровоцировать тоже нечем.

Михаил спросил в лоб:

— А если прийти к нему и спросить?

— Прийти к Глазенапу?

— А что?

Азазель бросил на него косой взгляд, на лице проступило задумчивое выражение.

— Прийти к нему нельзя, — ответил он медленно. — У него нет места, куда прийти... Но можно, как мне кажется, попробовать договориться о встрече. Жди здесь.

Он передвинул автомобиль на правую полосу, где притер к бровке тротуара.

— Не высовывайся, — предупредил он. — Здесь останавливаться запрещено, но когда человек в салоне... Это как бы гарантия, что сейчас уедем!

Он отошел на несколько шагов по направлению к открытой двери магазина, вытащил смартфон, приложил к уху. Михаил видел, как вошел вовнутрь, остановился. Хотя к витрине повернулся спиной, но Михаил видел, что разговаривает, только расслышать не удастся. Прозрачная витрина показывает, что Азазель вошел только для того, чтобы не дать услышать, с кем и о чем говорит.

Вернулся буквально через минут, бодро сел за руль, лицо решительное, а когда вырулил и погнал по дороге, Михаил понял, что какие-то ориентиры Азазель получил.

— К Братковичу? — спросил он. — Или сперва к Глазенапу?

Азазель проговорил с неохотой:

— Удалось установить связь. Глазенап сказал, что поговорить с ним можно, но не сейчас... Если я готов, то в двенадцать ночи на вершине Москвы-Сити. К счастью, сейчас уже четверть двенадцатого, еле-еле успеваем.

— Ого, — сказал Михаил невольно. — Странное место... И как туда карабкаться?

— Это не его проблема, — ответил Азазель. — Как думаешь, кому нужны ответы, ему или мне?

— Нам, — сказал Михаил.

Азазель покосился с интересом.

— Нам, — повторил он. — Спасибо, Михаил.

Москва-Сити красиво и мощно подсвечена снизу, целый комплекс небоскребов. Азазель молча кивнул на самое высокое здание, так называемая «Федерация», даже вскользь обронил, что не только самое высокое в Москве, но и во всей Европе.

Михаил смолчал, хотя дрожь прокатывалась по всему телу. Вавилонская башня, даже заверши тогда ее постройку, не достигала бы и трети высоты этого здания. Но здесь построили и построили, ничего особенного, красиво и заметно, но все-таки нет потрясения основ...

Нижняя треть здания высветлена прожекторами так, что можно рассмотреть капельки росы на блестящей поверхности стен, средняя треть уже в полутени, а самый верх только угадывается на фоне едва протискивающегося сквозь нечистый воздух города света звезд.

— Не волнуйся, — сказал Азазель, — я уже достал ключ от запасного выхода. Поднимемся до верхнего этажа...

Михаил двигался следом молча, тяжелый пистолет из-за пояса сзади переложил в кобуру скрытого ношения, оттуда не выскочит, а за поясом и потерять можно, особенно когда Азазель легко, как олень, побежал по лестнице, прыгая через ступеньку.

Лестница элегантная и подчеркнуто красивая, хоть сейчас во дворец фараона, но заметна странная неужоженность, словно ею пренебрегают.

Михаил спешил, стараясь не отстать от Аззеля, но догнать все равно не мог, крикнул ему в спину:

— Почему здесь... так... заброшено?

— Разве? — изумился Азазель. — Раз в три месяца здесь проходит пожарник, который требует, чтобы его называли пожарным, проверяет краны и огнетушители. А что тебя интересует?

— А люди, — спросил Михаил, задыхаясь, — как они?

— Чудак, — спросил Азазель изумленно, — а лифты на что?.. Да и вообще, им можно, они простые, а мы романтики и флибустьеры, нам подниматься на лифте — просто позор, так мелко и приземленно! Никакой таинственности, флера преступного замысла, даже героизма и вызова обществу... Какие мы бунтари?

— Но-но, — сказал Михаил с трудом, но все равно предостерегающе, — никакого бунтарства!

— Ты прав, — согласился Азазель, — правильное бунтарство всегда сверху. Тогда не бунтарство, а необходимые народу долгожданные реформы, даже если сам народ против или вообще о них не знает, но его всегда ухитряются убедить, что вытребовал их сам с потом и кровью на пределе усилий.

Он поднимался по ступенькам легко и в том же темпе, как с первого этажа, через ступеньку, а Михаил уже на первой сотне разогрелся, взмок, а когда по спине между лопаток потекла щекочущая струйка, спросил зло:

— А почему лифтом не воспользовались?

— Да вход на лестницу, — ответил Азазель легко, — был на три шага ближе. А ты че, устал?... Ладно, еще этаж, и выберемся на крышу. А жаль, было так романтично.

Михаил стиснул челюсти, но смолчал, экономя дыхание. Азазель с какой-то целью постоянно подчеркивает, хоть и по мелочи, преимущества демонов в физической форме перед людьми.

— Ладно, — прошептал он задушенно, — я еще отыграюсь, хермонец...

Азазель наконец добежал до металлической двери, покопался с замком, осторожно приоткрыл металлическую с дырочками дверцу. Михаил дополз, хватаясь за стенку, остановился, стараясь отдышаться, Азазель тем временем осторожно выглянул.

— Ого, он уже там.

— Глазенап?

— Быстро запоминаешь, — сказал Азазель с одобрением. — Можешь вылезти наверх, но держись одной рукой за дверь, понял? Чтобы всегда был контакт с ее металлом. Никуда не отходи.

— А ты? — спросил Михаил шепотом.

— Он уже ждет, — ответил Азазель коротко.

Михаил дождался, когда Азазель медленно двинулся по просторной площадке небоскреба, и, не отпуская металлической двери, осторожно высунулся.

На самом краю крыши, на бортике, застыла под черным необъятным куполом неба рослая фигура в длинном плаще. Худая или толстая, не понять, плащ скрывает до самых подошв, а стоит этот Глазенап к ним спиной, рассматривая ночной город, только и видно, что абсолютно не страшится раскрывшейся от самых ступней бездны.

Михаил сам бы засмотрелся на эту ужасающую панораму чудовищно разросшегося города, в котором народу больше, чем не только в любом королевстве, но и в империях, но сейчас не сводил взгляда с этой странной фигуры, к которой подходил, все больше замедляя шаг, Азазель.

— Стоп, — произнес человек на краю крыши, не поворачиваясь. — Азазель, я тебя уважаю, но близко не подходи. Конечно, доверяю, но не до такой степени. Говори, что ты хотел?

Азазель послушно остановился и, хотя Глазенап так и не повернулся к нему, развел в стороны руки, показывая, что в ладонях ничего нет.

— Прости, — сказал он смиренно, — что опоздал.

— Ты не опоздал, — бросил Глазенап. — Это я пришел раньше. Вообще люблю здесь бывать. Если бы не люди, устроил бы здесь гнездо.

— Да это я так, — ответил Азазель, — чтобы тебе было приятнее. Странно, что не воспользовался.

Глазенап поинтересовался, не поворачиваясь к нему лицом:

— Говори, что хотел, не юли.

Азазель ответил смиреннейше:

— То, что не сможет никто другой.

— Ответ?

— Да.

— О ком?

— Ты уже знаешь, — ответил Азазель. — О ком я еще мог спросить у тебя?

Глазенап произнес с подозрением:

— А кто с тобой? Я вижу, стоит у двери и держится за нее так, словно от этого зависит его жизнь.

— Ну да, — согласился Азазель, — ты же знаешь, если ее отпустить, сразу же копыта кверху. А мне жалко этого мальчика. Пытаюсь натаскать за мной сумку носить.

Глазенап сказал со вздохом:

— Ох, Азазель... Ты не меняешься. Браткович сейчас передвинулся в Южное Бутово. Там ему не только безопаснее, но и больше пространства для маневра. А ему это сейчас уже необходимо.

— Расширяются?

— Да.

— Не догадываешься, — спросил Азазель, — для какого маневра?

Глазенап отметил равнодушным голосом:

— Я лучше вижу, ты лучше толкуешь.

Глава 5

Он так и не повернулся, продолжая рассматривать огромный город у его ног. Михаил ломал голову, как ухитрится видеть Азазеля и даже его, лишь наполовину высунувшегося из двери за полсотни шагов от них, но держался цепко и старательно напрягал слух.

— Спасибо, — сказал Азазель. — Но ты мне должен.

Глазенап ответил с иронией:

— А не ты мне?

— Ладно, — ответил Азазель, — взаимозачет.

— Если у тебя получится, — сказал Глазенап.

У Михаила дрогнуло сердце, когда он шагнул с бортика за край, только взметнулись под ударом ветра волосы, и он исчез даже без предсмертного крика.

Азазель, ничуть не удивившись, повернулся и пошел обратно, беспечный и что-то насвистывающий.

Михаил, крепко держась за дверцу, выдохнул жарко:

— Он... погиб?

Азазель вытаращил глаза:

— С какой стати?.. Он этот, как его... стритджампер, хотя нет, скайджампер!.. Правда, без всяких штучек. В том его умение, что парит всюду незамеченным, все видит, обо всем знает... Думаешь, зря его Глазенапом называли? Или у тебя какие-то иные ассоциации? Его даже демоны видят редко, а люди вообще никогда. Ты, того, давай лезь обратно, а дверь отпустишь, когда окажешься на второй, считая отсюда, ступеньке.

Вниз по лестнице спускаться проще, но Азазель вызвал лифт, с ехидной улыбкой кивнул Азазелю на прибывшую кабину. Михаил хотел было заартачиться, чего это его вперед, как слабейшего, но вспомнил, что по странным правилам этого мира в лифт первым входит мужчина, как и выходит, а женщина следом, ясно связано с опасностью, потому молча вдвинулся и прижался к стенке, чтобы быть от демона подальше.

Когда лихо промчались половину пути, он вспомнил:

— А что там насчет той двери? Сразу бы умер, если бы отпустил?

Азазель хохотнул:

— Ну и шутки у тебя!.. Это же защита от дурака, чтобы не вздумал подойти к нам. К Глазенапу нельзя приближаться, понял? Не то что он умрет, но у него аллергия. На опасность аллергия. Недоверчивый он.

— Скотина, — сказал Михаил с ненавистью. — Надо было под той скалой оставить навеки.

Азазель хохотнул.

— И пойти против Создателя?..

Мелодично прозвучал рингтон, Азазель со вздохом выудил свободной рукой из нагрудного кармашка плоскую карточку телефона.

— Слушаю.

Михаил заметил, как Азазель чуть дернулся, на лбу появились две глубокие морщины. Выслушав, он сунул телефон в кармашек, некоторое время смотрел в лобовое стекло невидящим взором.

— Что-то стряслось? — поинтересовался Михаил осторожно.

Азазель досадливо поморщился.

— Да так... Один из знакомых убит.

— Люди все время гибнут, — сказал Михаил вроде бы с равнодушием, но сам ощутил в себе неведомую раньше нотку сочувствия. — Забудь.

Азазель вздохнул.

— Да, ты прав. Меня их разборки не касаются. У нас свои проблемы. И не совсем приятные.

— Разборки?

Азазель отпустил руль, автомобиль идет по прямой, дорога не слишком загружена, он откинулся на спинку и закинул обе руки за голову.

— На убитом оставили метку. Прямо на лбу. Так что не просто ограбление, а чья-то месть.

Михаил покосился на его чеканный профиль с мрачно поблескивающими глазами.

— Погоди... Убитый был демоном?

— Да, — ответил Азазель неохотно. — Но он действительно убит, если ты имеешь в виду что-то другое.

— Интересно, — протянул Михаил. — Это случайность или кто-то еще, помимо нас, уничтожает демонов?

Азазель всмотрелся в дорогу, медленно опустил ладони на баранку руля. После паузы зыркнул в его сторону,

на Михаила взглянули до жути черные, как беззвездное небо, глаза.

— Убили не случайно, — ответил он медленно, — как я уже сказал... Но вот насчет демонов я не подумал. Он жил как человек, ничем не отличаясь от людей, ему так нравилось. И погиб, как человек. Думаю, и убили, как человека... Либо долг не вернул, либо чужую жену поимел, либо... хотя что это я? За долги теперь по судам таскают, а жен и соблазнять не нужно, всегда готовы поразвлечься на стороне.

Михаил сказал живее:

— Тогда кто-то узнал, что он демон?

Азазель чуть повернул руль, обгоняя два автомобиля впереди, нахмурился.

— И что, сразу убивать?.. Хотя я опять туплю, конечно же убивать, так люди устроены.

— Выпей кофе, — посоветовал Михаил. — Твоя автомобильная Сири не готовит?

Азазель отмахнулся.

— Умеет, тут есть встроенная кофемашинка. Но не хочу... Хотя пару таблеток фенотропила, пока и его не запретили, можно. Я законопослушный, вон алертек сразу перестал принимать, как только его внесли в список условно запрещенных... Ну почти перестал.

Михаил проговорил медленно:

— Как я понял... ты уже что-то придумал? А то я вижу твой взгляд!

Азазель со вздохом протянул руку к ящичку в приборной панели. Та с готовностью откинула крышку, он наощупь отыскал и выудил оттуда блистер с таблетками.

— Уговорил. Настойчивый ты!

Он проглотил, не запивая, и, снова опустив ладони на баранку автомобиля, мрачно уставился в бегущую навстречу дорогу.

— А сейчас куда? — спросил Михаил.

— Заглянем на квартиру к убитому, — коротко сказал Азазель. — Точнее, в домик.

— Хочешь увидеть то, что не увидели полицейские?

— Мы увидим, — пообещал Азазель. — Даже ты, жирный буржуй с рябчиками, увидишь, а то и узришь.

Минут через десять автомобиль выметнулся на окружающую кольцевую, Азазель равнодушным голосом сообщил, что половина москвичей обзавелась коттеджными домиками, а четверть вообще живет там безвылазно, даже работу отправляют по сетям, новый мир, белокрылый соратник, а ты думал, все еще фараоны?

Когда автомобиль свернул с магистрали на аккуратно положенный асфальт двухполосной дороги, они понеслись под настоящим звездным небом, где их просто мириады, а не дюжина, как в городе.

Михаил посматривал по сторонам, яркий свет фар ровно и мощно освещает дорогу, хотя вдоль всего асфальта, хоть только с одной стороны, высятся фонари, что тоже дают ровный умиротворяющий свет.

Азазель прав, мелькнула мысль, здесь всякий, кого тошнит от городской сутолоки, пробок на дорогах и нечистого воздуха, находит все, что желает, плюс уединение, которое так необходимо сбежавшим из ада демонам.

Некоторое время ехали вдоль высокого забора, ограждающего сам поселок, потом пошел темный и таинственный лес, свет фар вырывал из зловещей тьмы только нижнюю часть стволов, а минут через пять езды показался в ярком свете фонарей еще один, выстроенный по другому проекту, и тоже дома поставлены посредине просторных земельных участков, чтобы поменьше терок с соседями и не слышать музыку из их домов.

— Ты заинтересовался, — проговорил Михаил медленно, — потому что убитый был демоном?

— А этого мало?

Михаил пожал плечами.

— Да так, показалось что-то. Даже померещилось.

Азазель бросил в его сторону быстрый взгляд.

— Удивляешь.

— Ну спасибо.

— Ну пожалуйста, — ответил Азазель. — Ладно, у меня от тебя нет секретов, если не считать особых случаев. Честно говоря, убили и убили, всего-то делов!.. Даже хорошо, меньше возможных трудностей, хотя Фелфинил всегда был тихим и законопослушным.

— Ну-ну, а потом?

Азазель поморщился.

— Два дня тому убили Истиока. Он не просто демон, а родной брат Фелфинила. Понимаешь, демоны не так часто погибают, их вообще очень трудно убить...

Михаил буркнул:

— Уже знаю.

— А тут двое, — продолжил Азазель. — Понимаешь? Не верю, что нет связи. А это может быть опасным.

Автомобиль высветил фарами аккуратный домик возле красивой арки с названием «Соколиная гора», въезд перекрыт полосатым шлагбаумом, сонный охранник высунулся и дежурно поинтересовалась кто и к кому, Азазель показал удостоверение, голос его прозвучал строго и значительно:

— Из ФСБ. У вас убийство, а полиция не торопится разбираться.

Охранник, зевая, торопливо нажал кнопку, шлагбаум быстро пошел вверх.

— Да-да, пожалуйста!

Когда проехали вглубь поселка, Михаил прошептал:

— Фальшивое?

Азазель ответил обидчиво:

— Ты что?.. Как ты можешь вот так сидеть рядом со мной и говорить такие оскорбительные слова?.. Нет, ко-

нечно. Откуда у меня фальшивое? Просто поддельное, это совсем другое. Это даже благородно, если хочешь знать!

— Не хочу, — ответил Михаил. — Лучше бы не знал вообще.

Азазель сделал вид, что обижен до глубины души, как можно было предположить, что он опустится до фальшивок, это же ни в какие ворота, это нонсенс, не путать с синусом и косинусом.

Михаил заметил как Азазель присматривается к домикам, словно оказался в этих местах впервые, хотя здесь убит приятель, чуть ли не друг, наконец автомобиль свернул к воротам уютненького коттеджика в два этажа, чуть притормозил, ворота медленно распахнулись.

— Ты что, — спросил Михаил с непониманием, — на удостоверение нажал?

— Конечно, — заверил Азазель. — Оно же дает право открывать любые двери и вламываться в любые учреждения! Правда, я заходил только в женские бани, да и то для прикола. Смотри, дверь дома хоть и закрыта, но что-то в ней не так...

Участок мирно освещен мощно ворвавшимися на рынок лампами, что днем накапливают свет, а ночью щедро отдают, автомобиль прокатился по гаревой дорожке и остановился в двух шагах от крыльца.

Азазель выскочил первым, Михаил не успел освободиться от ремня, как он уже взбежал по ступенькам.

— Дверь выламывали, — сообщил он оттуда. — Смотри вот здесь и здесь. Потом присобачили обратно, но кривовато, явно гастарбайтеры на непыльной подработке... Ладно, зайдем, посмотрим.

Он вдвинулся первым, в прихожей свет только со двора из окон, Азазель тут же достал мощный фонарик, шелкнул, яркий луч показался Михаилу ослепительным.

Азазель осторожно переступил через разбросанные по всей прихожей вещи.

Михаил, войдя следом, указал на них, Азазель отмахнулся.

— У него всегда так. Это еще порядок...

— Он что, художник?

— Нет, но натура творческая. Правда, не в том смысле, что ты подумал.

Михаил не стал доискиваться, как он подумал, если совсем не думал ничего такого, за что можно укорить, прошел осторожно в гостиную, там тоже все расшвыряно, но угадывается некий порядок, словно хозяин не бросал вещи в одну кучу, где потом попробуй найди, а в художественном озарении разбрасывал по дивану, стульям, креслам и даже швырял на кухонные тумбы.

Азазель сказал с мрачным удовлетворением:

— А вон и место преступления... Даже кровь замывать не стали. Да и зачем? Труп унесли в морг, оттуда завтра заберут родственники...

— Родственники? — переспросил Михаил.

Азазель посветил ему в лицо, Михаил закрылся рукой от слепящего света, Азазель сказал из темноты с иронией:

— Все мы родственники, не знал?... Люди по Адаму, да и с нами тоже, если смотреть ширше и повыше. А-а, скривился, не хочешь быть в родстве с демонами, обуржуился, пингвин ты наш белокрылый, бедных не признаешь...

Михаил промолчал, что такое пингвин, не знал, в Египте и Риме не водились, явно что-то редкое типа единорога или феникса, прошел из гостиной на кухню, начал осматриваться в полутьме, схватывая запахи множества людей, по спине пробежал холод, организм раньше него ощутил присутствие чего-то иного, нечеловеческого...

Азазель крикнул из гостиной:

— Осмотрись там, а я проверю спальню и комнату для игр...

Он исчез из вида, Михаил потоптался на месте, запахи становятся все отчетливее, он уже нарисовал по ним нечто крупное, массивное и с толстыми руками, след повел вверх по лестнице, и он торопливо метнулся следом.

На втором этаже Азазель дверь в спальню проигнорировал, заметив в распахнутом настежь зале для игр в виртуальной реальности что-то интересное, слышно было, как охнул в восторге, вот прямо сейчас сядет и тоже пойдет громить виртуальных противников, Михаил в пренебрежении наморщил нос и прошел в спальню.

Здесь запах стал сильнее и отчетливее. Михаил ощутил более чем тревогу, но среагировать не успел, за спиной сильно треснуло, страшный толчок бросил его на пол. Он успел в падении извернуться и ударился спиной, зато перехватил руку нападавшего, однако тот саданул в лицо кулаком другой руки.

Искры посыпались из глаз, он невольно выпустил руку врага, и тот, навалившись, с силой нанес четыре быстрых удара в голову.

Издали, словно с другой стороны планеты, донесся вскрик:

— Михаил!.. Зачем мебель роняешь?

Блеснул огонек фонарика, узкий луч метнулся по комнате. Напавший на Михаила вскочил, одним длинным прыжком метнулся в дверной проем...

...оттуда прогремели три выстрела. Человек отшатнулся, отступил на шаг, но быстро развернулся, промчался через спальню, а там почти с середины с силой метнул себя, как булыжник, в закрытое окно.

Раздался треск и звон стекол. Темная фигура на миг мелькнула в свете уличного фонаря и пропала.

Глава 6

Азазель вбежал в комнату, пистолет наготове, взглянул сперва на окно, потом на распростертого Михаила.

— Ты как? — поинтересовался он и опустил пистолет стволом в пол. — Весь пострадал или только самолюбие?

Михаил со стоном поднялся, доковылял до разбитого окна. Азазель тоже высунул голову, внизу на вымощенном плиткой дворике разбросаны куски оконной рамы, тускло блестят осколки стекла.

— Ушел... — сказал он с разочарованием. — Но зато понятно, не человек это был, точно не человек... Как вон ты или я.

Михаил оглянулся: в просторных спальнях для богатых предусмотрены туалетные и ваннные комнаты, чтобы далеко не отходить от постели. Напавший на него спрятался за дверью в ванной, а потом прыгнул сзади.

Михаил молчал, опасаясь, что, если заговорит, выдаст свое состояние стоном, Азазель огляделся, все еще держа пистолет пусть и стволом вниз, но палец, как заметил Михаил, все еще на спусковой скобе.

— Тонкую дверь в туалетной, — сказал Азазель, — достойной помехой не счел. Как потом и оконную раму.

Михаил едва выговорил разбитым ртом:

— А пули?

— И пули, — согласился Азазель. — Я в него всадил три. Все в голову!.. Я не из тех киношных идиотов, что стреляют в грудь, даже когда видят бронежилет. Да и ты это быстро понял.

— Демон? — прошептал Михаил, чувствуя, как тяжело шевелить даже губами.

— Ух ты, — восхитился Азазель. — Я ж всего один раз это сказал!.. А он тебя всего раз измордовал!.. А ты вот взял и понял, что ни в одни ворота не лезет. Ладно,

уходим. Выстрелы наверняка слышали соседи, полиция будет минут через шесть.

Михаил некоторое время прихрамывал, при падении ухитрился сильно зашибить колено, Азазель оглянулся, крепко взял за руку.

— Терпи, сейчас подлечу...

— Что? — сказал Михаил резко. — Не смей! Ты демон...

— Я не тебя, — огрызнулся Азазель, — размечтался! Всего лишь это тело! А ты хоть сейчас сдохни, мне что? Да и не первый раз, забыл, что ли?

Михаил промолчал, Азазель подержал его за руку, потом ухватил за шею и сжал. Возразить Азазель не успел, боль начала быстро уходить из тела, и он молча и уже без сопротивления ждал, пока Азазель уберет свою демонскую лапу.

— Все, — произнес Азазель, — быстро в машину и деру!

Михаил выбежал за ним со всех ног, колено тоже не болело, Азазель нажал на педаль газа, едва он ввалился на соседнее сиденье.

Уже когда свернули на соседнюю улицу, слышали вдали приближающийся вой полицейской сирены.

— Соседи вызвали? — спросил Михаил.

— У нас гражданское общество, — пояснил Азазель терпеливо, — сознательные граждане сразу позвонили в полицию и дали координаты. Люди терпеть не могут закон и порядок, но признают их необходимость и потому делают не как хочется, это типично для демонов, а как надо!

Михаил посопел сердито, Азазель слишком уж влюблен в людей и расхваливает их при каждом удобном случае, а когда случая нет, сам находит или вообще создает.

— Нас никто не видел?

— Никто, — заверил Азазель. — Я меры принял.

Михаил благоразумно не стал уточнять, какие именно меры принял этот демон.

— Чего он приходил?

Азазель пожал плечами.

— Может быть, искал что-то. В прошлый раз его спугнули, здесь же сигнализация, о которой демон не знал, это говорит о том, что новичок, из ада совсем недавно... Кстати, у тебя не только морда, но и одежда в крови.

— Все хорошо, — ответил Михаил хмуро. — Ты залечил эту плоть.

— Да все обошлось, — заверил Азазель. — Кровь только из разбитого носа. Там стоит перебить хрящ, из открытой раны столько кровищи, от одного вида можно в обморок... Сломанные ребра и внутренние ушибы не в счет. Раз их не видно, то как бы их и нет.

— Ага, — возразил Михаил, — нет. Я думал, только пули в счет, но никогда не думал, что так больно даже от кулаков. Как люди с этим живут?..

— Завидовать нехорошо, — сказал Азазель. — Заедем, сменишь одежду.

— А ты ее почистить не можешь вот сейчас?

Азазель покосился на него мрачно, пальцы его сжались на баранке руля, а устремленный вперед взгляд потемнел.

Михаил, чувствуя неловкость, пробормотал:

— Извини... Ты и лечить меня был не обязан. Спасибо.

— В моих интересах, — ответил Азазель безжалостно, — было вообще позволить тебя убить. Всего лишь постоять несколько секунд там, любуясь приятным зрелищем, когда демон убивает ангела.

Михаил поинтересовался в неловкости:

— И почему не постоял?

Азазель пожал плечами.

— Дурак просто. Набрался у людей этой дури. Непонятной даже мне. Но набрался, так набрался! Как собака блох.

Он остановил автомобиль возле дома, Михаил почти бегом вбежал в холл, охранник лишь взглянул заинтересованно, но тут же перевел взгляд на экран телевизора.

Лифт моментально доставил наверх, Азазель в том же темпе вбежал в квартиру через заботливо распахнутую для них дверь, указал Михаилу на дверцы шкафа.

— Быстро смени одежду!.. Эту брось на пол, тут есть кому ею заняться

Пока Михаил переодевался, из кладовки выкатился пылесос, ухватил манипуляторами сброшенную одежду и утащил то ли в стирку, то ли в бак уничтожения.

— Что будешь делать? — спросил Михаил.

Азазель огрызнулся:

— Непонятно? Хочу найти эту тварь!

— А где искать, знаешь?

— Не очень, — признался Азазель, — но знаю город.

— Это поможет?

— Если это новичок, — ответил Азазель, — поможет. Если укоренившийся здесь, то уже непросто... Но это новичок.

— Откуда знаешь?

Азазель сказал в нетерпении:

— Одеваешься, как старая черепаха. Чему вас там в армии учат?.. В квартире слишком уж... все вдрызг. Как будто этот напавший не знал, что зачем. Колонки разбил? Разбил. Экрана телевизора тоже испугался, разнес одним ударом. В общем, парень вроде тебя.

— Удары у него еще те, — согласился Михаил. — А точно искал? Что у вас, демонов, бывает настолько ценного, из-за чего даже друг друга убиваете?

Ему показалось, Азазель чуть-чуть напрягся, но голос его прозвучал так же ровно и чуть-чуть пренебрежительно:

— А может, все проще, этой сволочи пойти было некуда. Простая достаточно тварь. Убил, а когда все стихло, решил занять его нору.

Михаил взглянул на него внимательно.

— Хочешь сказать, своего жилья нет?

— Таких немало, — сообщил Азазель равнодушным голосом. — Живут в подземных трубах, в лесу, на свалках.

Михаил охнул:

— Не шутишь?

Азазель повел плечами.

— А что, предлагаешь выискивать, изничтожать и снимать скальпы?... Но кому это надо?... Они что есть, что нет.

— Ты... серьезно?

Азазель посмотрел на него с брезгливой жалостью.

— Ни один город не обходится без крыс! Вред от них многократно меньше тех расходов, которые пришлось бы выделить на их уничтожение. Теперь понял?

Михаил промолчал в затруднении. До этого все выглядело просто и ясно: встретил демона — убей. Но не встретишь, нужно искать долго и старательно, а когда найдешь и убьешь, оказывается, ничто не изменилось и жить лучше не стало. Это как убить крысу в огромном городе, город такого счастья не оценит и даже не заметит.

Азазель прошел в дальнюю часть квартиры, Михаил видел, как в его руке появился ключ. К изумлению Михаила, вставил прямо в стену, потянул на себя, там появилось небольшое окошко. Азазель заглянул в него и некоторое время стоял неподвижно, а лучик света из отверстия обшаривал его лицо.

Михаил подошел ближе, Азазель вскинул голову, в стене появилась трещина, разошлась в стороны.

— Заходи, — сказал Азазель. — Пора.

Михаил заглянул в небольшую комнатку, больше похожую на кабинку лифта, только пошире, охнул. На стене напротив, как и слева и справа, пистолеты и автоматы, а внизу в ящиках непонятные устройства, напоминающие гранаты и мины. Ближе их Михаил не видел, только в телепередачах с мест боевых действий, но ощутил их смертоносную мощь.

— Видишь ли, — сказал Азазель, не поворачиваясь, — то был не демон в теле человека, как ты уже понял. Наверное, понял, хотя я вашу логику уже подзабыл. С такими демонами справляются и экзорцисты. Но наш вышел из ада в своем облике. Здесь прячет морду под капюшоном, а хвост, если он у него есть, под длинным плащом. И, конечно, днем на улицах не показывается... Да и ночью не особенно.

Михаил насторожился.

— К чему ты это говоришь?

Азазель поднял с пола небольшой аккуратный ящик, открыл, внутри со сдержанным достоинством заблестели патроны цвета старого серебра.

— Простыми пулями только разозлишь, — пояснил Азазель, — потому сейчас заряди вот этими штуками... Давай помогу. Вообще смени обойму. А прежнюю переложи в карман. Вдруг копы проверят, хотя такое совсем маловероятно.

— А с этой... что-то не так?

Азазель пожал плечами.

— Как тебе сказать... Бронебойные пули обычно не используются в пистолетах. Не только в полицейских, но даже в армейских, да еще чтоб разрывные... Те вообще вне закона. Человека можно и нужно убивать, в современном перенаселенном обществе это приветствуется,

но убивать нужно кошерно, понял?.. Чтобы не мучился. Однако у нас противник может оказаться очень даже крутым.

Михаил с неохотой заменил обойму, а пистолет снова сунул в кобуру скрытого ношения. Ему показалось, что с новой обоймой тот потяжелел еще больше, хотя пули по весу такие же, словно их повышенная убойность как-то по-особому сказывается на весе.

— Азазель, — сказал он медленно, — а что на самом деле?

Азазель отшатнулся и сделал большие глаза.

— В смысле?

— Я пришел за тобой, — напомнил Михаил. — А занят с утра до вечера черной и довольно однообразной выдиркой демонов... и так с утра до вечера и даже изо дня в день!

— Ничего, — заверил Азазель, — тебе сколько осталось до военного-полевого суда, сутки?

— Меньше, — ответил Михаил.

— Всего-то? — переспросил Азазель. — Скоро отдохнешь вволю. С арфой в райских кущах, распевая хвалы Господу... У тебя баритон или тенор? Мне кажется, Господу можно петь только дискантом, чтобы подчеркнуть Его величие.

Михаил вздохнул.

— Увиливаешь. Но какие-то сети плетешь, чувствую. Я не верю в случайности.

Азазель с самым невинным видом похлопал глазами.

— Я? Да честнее меня нет на свете человека!

— Ты демон, — сурово напомнил Михаил.

— Тогда как бы человеко-демон, — предложил Азазель. — Знаешь, Михаил, от людей чего только не наберешься!.. Даже сказать не могу, ты же такой стыдливый... Но не ломай голову, вся жизнь людей нелогичная, потому и успешная.

Михаил буркнул:

— Говори, говори... но я все-таки дознаюсь, почему вокруг меня такие завихрения.

— Звучит угрожающе, — определил Азазель. — Чего на меня смотришь? Это не я завихряю.

Глава 7

Автомобиль мчится над освещаемой фарами темной гладью шоссе, как стриж над тихим озером, Азазель время от времени связывается по смартфону то с одним, то с другим, но изображение не высвечивается, даже ответный голос звучит всякий раз одинаковый, механический, нарочито упрощенный, Михаил помалкивал, у Азазеля от него много тайн, он же среди людей, набрался всего темного.

С наступлением ночи машин на дорогах стало меньше, но ненамного, город расцвечен огнями так, как не был даже дворец императора в Риме во время великих праздников. Здесь это каждый день, уже привычно, часть людей ночами спит, часть продолжает веселиться, переходя из одного злачного и порочного места в другое, еще более преисполненное греха и распутства...

Азазель азартно крутил баранку руля, быстро передвинулся с левой полосы на самую крайнюю правую, Михаил смолчал, что пересекли сплошную запретительную черту, явное нарушение, но Азазель и отвечает, хотя, как представителю закона и небесной власти надо бы вмешаться, однако уже понятно, сперва нужно понять эту жизнь, что здесь развивается вовсе не по тем законам, по которым было вроде бы предписано, но если Господь это допускает, то... да, нужно сперва разобраться...

Его качнуло и прижало к борту, Азазель на большой скорости заложил крутой вираж, влетели в огороженную

бетонными бортиками сильно изогнутую дорогу. Автомобиль протестующе визжит чем-то внизу, но послушно выполняет рискованные маневры хозяина, тот ведет на свой страх и риск, а Михаил уперся ногами в тягостном предчувствии удара о стену и молча терпел, страшась выказать опасение и показаться трусом.

Бетонированная дорога съезда вывела на прямую асфальтовую. Автомобиль понесся уже веселее, Михаил отчетливо слышал, как он вздохнул с облегчением одновременно с ним, Михаилом.

Азазель всматривался в карту на экране, там впереди светящейся точки их автомобильчика начали вырисовываться кварталы загородных домов.

— Чем дальше от города, — буркнул Азазель, — тем участки дешевле. Потому на те же деньги можно купить, как вот здесь, вдвое, а то и втрое больший...

— Я думал, — съязвил Михаил, — у демонов денег куры не клюют.

— Откуда? — поинтересовался Азазель. — К тому же учти, здесь нельзя высовываться. Сразу к тебе проявят интерес. Соседи еще ничего, а вот власти, увы...

Свет фар выхватил из полумрака красивый забор из кованых решеток, ехали вдоль него долго, наконец показали помпезные ворота.

Азазель остановил автомобиль в двух шагах, некоторое время тыкал пальцем в тачпад на смартфоне, наконец сказал с досадой:

— Все, выходим!

— Не пускают? — спросил Михаил.

— Ты здесь не барин, — бросил Азазель, — пройдемся ножками.

Калитка рядом с воротами отворилась после того, как комбинация кнопок на домофоне совпала с нужным кодом доступа. Михаил помчался за Азазелем, видя, как он старается как можно быстрее добежать до коттеджа.

У входной двери Азазель остановился, снова подвигал цифирки на смартфоне. Замок едва слышно щелкнул, освобождаясь от зажимов.

— Будь готов, — шепнул Азазель.

Михаил, держа пистолет обеими руками, хотел ворваться первым, но Азазель ухитрился вдвинуться раньше. В прихожей почти темно, не считая света от фонарей и фонариков со двора, темно и тихо.

Азазель прошептал:

— Спят... Тупые твари.

— Ты отключил даже сигналы тревоги?

— Не все, — ответил Азазель, — но твари здесь очень тупые. Зато наверняка сильные... Ладно, я на второй этаж, а ты проверь здесь.

Он торопливо ринулся по лестнице вверх, уже не стараясь приглушить шаги, а Михаил с пистолетом в обеих руках пошел медленно приставным шагом из прихожей в просторную гостиную, заглянул на совмещенную с нею кухню, повернулся в сторону двери в подсобные помещения...

Станный запах, от которого по телу пробежала нервная дрожь, ощутился сильнее, послышался шорох и мощное сопение.

Дверь с грохотом распахнулась, едва не слетев с петель. По ту сторону возникла мощная лохматая фигура на коротких ногах, а голову Михаил успел увидеть, когда монстр пригнулся и протиснулся через дверной проем, задевая косяки сразу обоими боками.

Пахнуло смертельной угрозой, и Михаил, не раздумывая, выстрелил дважды. Руки трянуло сильнее, чем в прошлые разы, сам ощутил, что из пистолета вылетели один за другим раскаленные комки стали, что пробивают, как обещал Азазель, бетонную стену, железный рельс и даже мешок с песком.

Темный силуэт пошатнулся, но двинулся в его сторону.

— Да что ты за тварь, — прошипел Михаил и выстрелил подряд несколько раз, автоматически отмечая, что истратил пять пуль, в магазине «беретты» осталось три патрона. — Сдохни!

Монстр, что был уже почти перед ним, остановился, а когда в лоб ударила восьмая пуля, дернулся и завалился навзничь. На пол грохнулся так, будто обрушился весь потолок.

Донесся крик Азазеля:

— У меня один готов!.. А у тебя?

— Готов, — ответил Михаил, изо всех сил стараясь, чтобы голос не дрожал, как лист на ветру. — Вон он лежит...

Быстро вставив полный магазин взамен опустевшего, он подошел к лестнице, задрал голову, но движение за спиной заставило отпрыгнуть и выставить перед собой пистолет.

Фигура на полу зашевелилась, Михаил содрогнулся, когда там поднялся даже не уродливый человек, как он предположил сперва, а широкий и кряжистый монстр с квадратной головой с короткими тупыми рогами, из рта высовываются по два желтых клыка с верхней и нижней челюсти, а когда он распахнул пасть, то раздалось только утробное рычание.

Из окна на него упал луч от фонаря, Михаил дернулся снова, шерсть демона короткая и жесткая, как щетина кабана. Пахнуло огнем и серой, демон внутри раскален, словно в нем пылает адская печь, а глаза налились не кровью, а расплавленным металлом.

Михаил крикнул:

— Он снова!.. Неуязвимы?

Он отступил к стене и начал прицельно стрелять в массивную голову, стараясь попадать в узкие щели между высокими скулами и утесами надбровных навесов.

Монстр дико взревел, стал выше ростом, раскинул гигантские лапы, Михаил задержал дыхание, продолжая стрелять, и тут с лестницы блеснул слепящий свет фонарика. Грохнуло, монстр взвыл и выгнулся в пояснице, словно с той стороны саданули кувалдой.

Михаил выпустил в морду остальные пули, а со стороны лестницы, уже ниже, бабахнуло еще раз.

Монстр повалился мордой на Михаила, тот едва успел пригнуться и выскользнуть, а зверь, страшно царапая стену когтями алмазной крепости, сполз на пол.

Азазель подбежал, в руках чудовищного вида пистолет с расширенным дулом и вдвое длиннее обычного.

— Готов?... Да, готов... А ты хорошо держался! Смотри, все пули положил в морду. Да, умение не пропьешь...

Монстр при падении повернул голову в сторону, лоб и чудовищная морда, половину которой занимает пасть, все в отверстиях, оставленных пулями, кровь вытекает сразу из всех, густая и в полутьме совсем черная.

— Но почему... — начал Михаил и сконфуженно умолк.

— Понял, да? — поинтересовался Азазель. — Нет, мозг не в заднице, как ты подумал, и не в животе, как у большинства людей, но не больше грецкого ореха, в такой попасть непросто... Но ты все-таки сумел!.. Гм, как мне кажется...

— Что? — спросил Михаил настороженно.

— Мы точно не вегетарианцы!

Михаил промолчал, что такое вегетарианцы, нужно сперва узнать, прежде чем умничать, спросил с надеждой:

— Закончили? Возвращаемся?

— Да, — ответил Азазель. — Почти.

— Это... как?

— Заглянем к одному знакомому, — сообщил Азазель. Он улыбнулся, но что-то блеск его зубов напом-

нил Михаилу сверкание близкой молнии, после которой следует ужасающий удар грома, от которого вздрагивает и подпрыгивает вся земля. — Ты же понимаешь, эти тупые твари не смогли бы сами даже сбежать из ада!

— Тогда...

— Вот именно. Кто-то помог. А здесь кто-то встретил и укрыл, иначе бы сразу попались.

— И ты знаешь этого, кто встречал?

— Теперь есть догадки, — буркнул Азазель. — Буду рад оказаться неправым. Хотя когда я был неправым? Ладно, мелочи не считаем... Иди в машину!

Михаил бездумно повиновался, Азазель что-то замешкался, наконец выскочил, промчался бегом через весь двор, но не забыл закрыть калитку снова на замок.

Автомобиль распахнул перед ним дверцу, Азазель ввалился на свое сиденье и крикнул:

— Сири, гони отсель!

— А пристегнуться? — напомнила Сири.

— Покомандуй мне, — пригрозил Азазель, — отключу апгрейды!

Но пристегнулся, автомобиль в ответ красиво и математически точно развернулся, но не успел отъехать, как в салоне вдруг все озарило кроваво-красным.

Михаил в испуге оглянулся. Особняк охватило жарким пламенем, словно там весь ад вырвался наружу, языки пламени бушуют во всех окнах, даже крыша на глазах полыхает и вроде бы начинает плавиться.

Азазель оглянулся, двинул плечами.

— Убирать было некогда. Да и многовато. Так проще.

Михаил сказал с сомнением:

— Не слишком жестоко?.. Такой дом...

— Их теперь печатают на принтерах, — сообщил Азазель. — Приезжает этакая штука, за пять часов делает все, включая фундамент и крышу. Такие дома стоят

дешевле моего автомобиля!.. Добро пожаловать в удивительный мир людей, Миша.

Михаил поднял взгляд на быстро сменяющиеся цифры на дисплее, в арабских цифрах разобрался быстро, до рассвета еще три часа, хотя летом ночи и предельно короткие.

— Хочешь успеть за ночь?

— Да, — ответил Азазель. — Но здесь ночь и после восхода солнца как бы ночь. Рассветает в три-четыре утра, а развращенный демократией народ спит до семи-восьми. А большинство так и вообще... Так что никого не встретим. Возможно.

Михаил некоторое время рассматривал через боковое окно сверкающий в ночи город, наконец повернулся к Азазелю.

— Да что же со мной не так? — проговорил он со злостью и раздражением. — Я спустился за тобой! А вместо этого нужного и полезного дела бегаю по этому людскому муравейнику. В меня стреляли, меня били, сшибали автомобилем... ладно, пытались, я был на волосок от гибели, дерзновенно вмешавшись в План Всевышнего... Это что же, здесь все так живут?

— Бывает и повеселее, — заверил Азазель жизнерадостно. — Намного, мой наивный Борец за Добро! Закон жизни прост: кто не защищается, должен погибнуть. В этом великая хитрость Создателя. Выживают все более сильные, изворотливые и умные. Недалек тот день, когда станут настолько сильными, что вломятся в мир Брия!

— Да ладно тебе, — ответил Михаил мирно, — шуточки у тебя какие-то.

— Придет время, — сообщил Азазель, — увидишь, было ли это шуточкой. Эти животные существа, как ты называешь людей, умело обходят свои животные свойства.

— Это их не оправдывает!

Азазель вскинул руки и тут же опустил на баранку руля.

— Хорошо, хорошо... Но по их планам за ближайшие полвека, а то и раньше, войдут в так называемую сингулярность. Точнее, создадут сингулярность, в которой уже смогут освобождаться от животных тел и полностью переходить в энергетические формы.

Михаил спросил неверяще:

— Ты серьезно?.. Могут перейти в мир Брия?

Азазель ответил очень серьезно:

— Может, в Брия, может, в Йецир, а то и в Ацилут. Если не сразу в Ацилут, но очень скоро, у них развитие продолжает ускоряться. Нам не успеть проследить, понимаешь?.. Но это люди, Михаил! Они не остановятся и в Ацилуте... а то и вообще сразу пройдут мимо.

Михаил ощутил себя замороженным в глыбе льда. Внезапно ни одной мысли, страх сковал в нем все, даже все чувства. Азазель говорит немыслимое, но не врет, людей знает лучше всех на свете и во всех мирах, за исключением самого Создателя.

Он прочистил замерзшее горло, проговорил сильным голосом:

— Куда едем?

— Хозяином особняка, — ответил Азазель, наблюдая за дорогой, — в котором мы побывали, числится некий Астегалс. Сам он благоразумно смылся в гости, делая вид, что и не знает, кто к нему вломился. Так, на всякий случай. Но нам нужен именно он, а не тупые твари, что даже разговаривать не умеют.

— Понял, — сказал Михаил озадаченно, — он тоже в особняке или в городе?

— Все зажиточные в особняках, — пояснил Азазель. — Потому так и называются, что особняком от остальных. Меньше чужих глаз и ушей, ясно? Хотя все

прикрываются стремлением жить на природе и питаться чистыми продуктами со своего огорода.

Он круто свернул на шоссе, сделал длинную петлю, чтобы выехать на другую сторону, а там углубился по такой же узкой дороге через темный лес.

— Уже недалеко, — сказал Азазель, — успокойся. Если что, вон там памперсы. Не останавливаться же ради тебя!

Он снова перехватил у Сири управление и вел автомобиль опасно и рискованно, иногда на поворотах задевая бортами свесившиеся ветви кустарников, но через несколько минут в просвет между деревьями показался двухэтажный дом из белого кирпича.

Азазель остановил автомобиль, жестом велел Михаилу выйти.

— Отсюда пешком, — пояснил он. — Между особняком Астегалса и этим, где хозяин Витя Геген, наверняка есть связь. Нет, та есть точно, я говорю о том, что здесь уже знают, что там произошло.

— Тогда как?

— Знаешь, — ответил Азазель, — про меня всякое говорят, какие-то хитрости мне приписывают, хотя я, как никто, прямой и честный. И предпочитаю простые пути.

Он открыл багажник, из-под кучи странного вида тряпья вытащил винтовку с длинным снайперским прицелом.

— Ого, — сказал Михаил. — Это и есть прямой путь?

— А что, — поинтересовался Азазель, — есть еще прямее? Подскажи, я человек гибкий и очень компромиссный.

Михаил промолчал, даже не указал на ошибочку, какой он человек, демон останется демоном, даже если в прошлом был могучим ангелом.

Азазель выбрал место за кустами, лег, припал к окуляру и долго высматривал, Михаил услышал его шепот:

— Так и есть, там уже проснулись... Ага, вон и Астегалс промелькнул... Гегена еще не видно... Есть, он уже на кухне... Ух ты, какой толстый мужик! А имя все еще детское... Хотя и у нас такая мода пошла, взрослые именуются вот так непристойно... Да это же Серый! Блин, и зачем он личину сменил?

Михаил пробормотал:

— Там окна все зашторены! Как ты видишь?

— Центурион, — ответил Азазель тихонько, — не веришь в прогресс?

Михаил снова смолчал, Азазель снова долго всматривался, потом плавно нажал на спусковую скобу. Выстрел грянул негромко, но в плечо Азазеля садануло заметно, он поморщился и потер ладонью ушибленное место.

— Хорошо... Теперь еще обозначим, что все видим и все контролируем...

Михаил наблюдал, мало что понимая, как Азазель всматривается в нечто, видимое в окуляр только ему, нажимает на курок, перезаряжает и после паузы стреляет снова.

Наконец он вскочил, поднял винтовку.

— Прекрасно! Геген, что не совсем Геген, сигналил. Пойдем, но держись наготове.

Михаил спросил настороженно:

— Так он один или кто-то есть еще?

— Надеюсь, нет, — ответил Азазель с заминкой. — Не должно быть. Такие люди держатся в стороне от всякого такого, ну ты понял.

Азазель упрятал винтовку и закрыл багажник, Михаил не понял насчет всякого такого, но пошел рядом, поинтересовался:

— А что за сигнал?

— Что сдается и ждет нас. Но все равно будь как Карацупа на кордоне.

Глава 8

Входная дверь особняка распахнулась, вышел плотный человек с небольшим брюшком, раскинул руки с растопыренными пальцами, показывая, что безоружен, но Михаил напомнил себе, что пистолет легко спрятать сзади за поясом.

Мужчина сказал громко:

— Азазель!.. Вот уж не думал, что это ты!.. Что случилось? Это ты убил Астегалса?

— Здравствуй, Серый, — сказал Азазель сухо. — Пойдем в дом, у меня к тебе вопросы. Не особо серьезные, но важные.

Хозяин сказал дружелюбно:

— Прошу заходи... заходите оба. Отвечу на все вопросы, хотя очень огорчен твоим выстрелом. Стекло разбил, штору продырявил... Правда, надо признать, это было мастерски... Через плотную ткань на таком расстоянии и прямо в голову!.. Однако, хотя мы с ним и не дружили, меня это огорчает. Это мой гость, он напросился на серьезный разговор...

Михаил вошел в дом последним, не сводя глаз с хозяина особняка. Тот держится вроде бы свободно, особого огорчения не выказывает, только некоторое недовольство, что понятно в его случае, но все же чувствуется и нечто затаенное, скрываемое тщательно.

Азазель остановился посреди прихожей, явно не желая идти дальше. Впрочем, прихожая такая же просторная, как гостиная, на одной стене целый ряд картин в позолоченных рамах, на другой — коллекция средневекового оружия, среди них дико смотрятся две бейсбольные биты и перчатки.

Михаил видел, что он насторожен и готов двигаться быстро и резко.

— И как, — поинтересовался Азазель, — этот серьезный разговор состоялся?

Хозяин развел руками.

— Как тебе сказать... В целом, да, Астегалс объяснил все проблемы и все, что произошло. Я далек от его дел, но в этом случае признал его правоту.

— Подробнее, — потребовал Азазель.

Тот вздохнул, но тут же вскинул голову и сказал с вызовом:

— Я знаю, чем ты занимаешься!.. А ты знаешь, чем занимаюсь я...

Азазель прервал предостерегающим тоном:

— Тихо-тихо. Не при ребенке.

Хозяин бросил косой взгляд на застывшего Михаила.

— Все еще не знает?.. Ну да, дурачишь и своих так же легко. Ладно, что взбесило только в этом понятном случае? Все было согласно древним обычаям. Ничего лишнего.

Азазель сказал с сердцем:

— Одно дело, когда сюда проникают бедолаги в поисках лучшей жизни, другое — когда прут монстры, жаждающие крови!.. По-моему, это у тебя случилось в первый раз. Не так ли?

Серый буркнул:

— Верно.

— Что изменилось?

Тот отвел взгляд в сторону.

— Видишь ли, тот, кого вы пытались убить в доме Фелфинила, и те двое, которых вы уничтожили вместе с особняком Астегалса... они из клана Малфаса.

Михаил молчал, ничего не понимая, Азазель наморщил лоб, наконец сказал в недоумении:

— Ну да, слышал о них... Некогда многочисленный и могучий клан правил целым уровнем ада, а сам Малфас командовал сорока легионами демонов, потом захирел...

— Всего на тысячу триста сорок лет, — уточнил Серый. — Но недавно у них появился новый сильный ли-

дер по имени Заран, это сын самого Малфаса, молодой, яростный и очень амбициозный. Малфас — тридцать девятый по рангу, увлекается постройкой причудливых зданий и высоких башен, каких до него никто не строил, а о величии рода как-то подзабыл... А Заран объединил разрозненные ветви, усилил род, а чтобы закрепить это и повысить свой авторитет, поклялся найти и уничтожить убийц своего деда и прадеда.

Азазель спросил в задумчивости:

— И сколько их было?

— Восемнадцать, — ответил Серый. — Пятнадцать из них Заран отыскал и всех убил, предварительно предав страшным пыткам, но троим удалось сбежать из ада на землю.

Азазель покачал головой.

— Выходит, мы перехватили охотников за головами?

— Вы зря это сделали, — сказал Серый серьезно. — Заран всего лишь совершал праведную месть.

— Убийцы его предков, — напомнил Азазель, — давным-давно померли. Заран мстит потомкам клана, который несет ответственность за убийство его предков. А это неправильно.

— Все правильно, — возразил Серый. — Ты слишком долго прожил среди людей! У нас всегда так было, вспомни! Этих троих выслеживали двадцать долгих лет, пока ищейкам Фниру и Тартлу не удалось напасть на след...

Азазель кивнул Михаилу.

— Это те, которых ты завалил так лихо.

Михаил произнес холодно:

— И что собираешься делать с этим... пособником?.. Ты что, не видишь, он тоже из клана этого... как его, Малфаса?.. Или ради каких-то благ выполняет его указы, что еще хуже?

— Можно обрезать уши, — предложил Азазель, — и вернуть в ад. С посланием, что если Заран такой уж

яростный мститель, то пусть явится сам, а не посылает таких беспомощных простаков.

Серый вскинул голову, глаза сверкнули яростью. Михаил насторожился еще больше, а тот прошипел зло:

— Я не... про... стак... И вы напрасно надеетесь... Вы даже не видите, кто стоит у вас за спиной и целится вам в затылки!

Михаил резко повернулся, почти сразу в спину ударило, как летящим с горы валуном. Его бросило на пол, головой ударился с такой силой, что в черепе загудело, а во рту ощутил вкус крови.

Почти сразу над ним прогремели два выстрела. Он медленно откатился в сторону и поднялся на дрожащих ногах, цепляясь за стену. Перед ним распростерся, дергаясь в конвульсиях на полу, человек с наполовину снесенным черепом, кровь заливает роскошный ковер, мозги выползли неопрятной кровавой кашей.

Серый тоже на полу, но уперся руками, начал с трудом подниматься, однако застыл перед пистолетом Азазеля, чье черное дуло смотрит ему прямо в лоб.

— Не двигайся, — прошипел Азазель мстительно. — Замри! Теперь понятно, ты не только из клана Малфаса, но и выполняешь личное поручение Зарана?..

Серый зло хохотнул.

— Опоздал, Азазель. Они выполнили все, что наметили. Все три наших древних врага убиты.

— Не все, — ответил Азазель.

Серый смотрел ненавидяще, видно было, что преодолевает некую боль, но все равно процедил сквозь стиснутые зубы:

— Раматер уцелел?... Тогда за ним все равно придут...

— Спасибо за предупреждение, — сказал Азазель. — Раматер, говоришь? Ладно, учтем... А зачем выдаешь то, о чем стоит умолчать?

Серый сказал уже громче и со сладострастным зло-радством:

— Потому что теперь придут и за тобой, Азазель!.. Ты ошибся, выбрав не ту сторону! Но я этому даже рад.

Азазель, не опуская пистолета, другой рукой нащупал на стене бейсбольную биту. Михаил не успел глазом моргнуть, как Азазель быстрым ударом биты прямо в лицо разбил демону нос и вышиб зубы.

Серый прохрипел:

— Тебе, пособнику, не уйти... Ты даже не представляешь, кто придет...

Азазель заорал и вторым ударом, уже со всего размаха, снес ему верхушку черепа. Мозги и кровь брызнули широкими струями, залили пол, а безжизненное тело окровавленной грудой рухнуло им под ноги.

Михаил едва выговорил дрожащими губами:

— Ну ты и зверь... Что на тебя нашло?.. Это же демон, как и ты...

Азазель прорычал, тяжело дыша:

— Скорее как ты!..

— Откуда такая ярость? — проговорил Михаил. Он помотал головой, стараясь прийти в себя. — Я бы мог его в ад... или в запах горелого мяса, а тот сразу бы рассеялся. Никогда не думал, что у тебя здесь такие друзья, за которых ты...

Азазель огрызнулся:

— Какие друзья? Зачем мне здесь друзья?

— Но ты так мстил!

— Ты совсем дурак? — спросил Азазель зло. — Это не месть. Такие вот придурки ставят под угрозу мою беспечную и, скажу честно, достаточно счастливую жизнь здесь! Мне хорошо среди людей!.. А эти безбашенные идиоты вот-вот все уничтожат!

Михаил выставил перед собой ладони.

— Все-все, успокойся. Я же не демон. В тебе столько ярости... очеловечился, да? С кем поведешься?

Азазель оглянулся на два труп.

— Иди к машине, а я тут приберусь. Еще один на кухне, это многовато. Лучше, если наших следов здесь не будет вовсе. Иди-иди! Ты еще не знаешь, следы бывают не только в виде отпечатков копыт на влажной земле.

Михаил отступил на шаг, всмотрелся с беспокойством.

— Но ты в порядке?

— Иди-иди, — ответил Азазель.

Ждать в машине пришлось недолго, Азазель появился через несколько минут, уже собранный, и хотя без привычного веселья в глазах, но заметно взявший себя в руки.

Михаил помалкивал, Азазель включил зажигание, вырулил на дорогу, а за спиной бабахнуло, видно, как вылетели от взрыва окна, а несколько секунд спустя весь дом охватило пламя...

Михаил оглянулся.

— Что там?

— Газовые баллоны взорвались, — ответил Азазель мрачно. — По статистике семь-восемь таких случаев по Москве за месяц. Я бы эти баллоны вообще запретил продавать криворуким!.. Все на электричество переходят, а они в старину тянут. Люди, как ты мог заметить, но не поверить, очень разные.

Он в крутом повороте, почти не снижая скорости, вылетел на магистраль, сзади протестующе бибикнули, но он быстро начал переходить с полосы на полосу, подбираясь к крайней левой.

Михаил переспросил:

— Семь-восемь случаев за месяц?

— Да, — подтвердил Азазель, потом посмотрел на Михаила хмуро и неприязненно. — Ты чего так смо-

тришь? В самом деле несчастные случаи!.. У нас что, Чикаго?..

— А Чикаго хуже или лучше ада?

Азазель вяло отмахнулся.

— Не хуже, но и не лучше. Ты как?

Михаил заметил:

— Вроде бы кошерно не получилось.

— Это жизнь, — напомнил Азазель. — Мало ли что нам хочется. Да и вообще... Надо же и удовольствие получить.

Михаил буркнул:

— Нехорошее удовольствие.

— Мы здесь научились, — пояснил Азазель, — из нехорошего тоже получать хорошее. Это трудно, но когда наконец поймешь что к чему, это такое щасте...

Михаил не стал уточнять, как это, это тонкости их жизни, а ему остались здесь считанные часы...

— А про кого он говорил? Кто придет?

Азазель отмахнулся.

— Пустые угрозы. Не бери в голову.

Но несмотря на подчеркнуто легкий тон, в нем чувствовалась настороженность и то состояние, когда только что услышал очень опасную новость.

— Сумасшедший мир, — пробормотал Михаил примирительно, — а что дальше будет?

— Мы уже мчимся навстречу этому «дальше», — заверил Азазель. — С сумасшедшей скоростью в шестьдесят минут в час!

Вид у него оставался сосредоточенным и мрачным, но руки на баранке не дрожат, а когда заговорил снова, голос звучал ровно, хотя и без привычной веселости:

— Все в порядке... Ты просто не представляешь... Я среди людей шесть тысяч лет!.. Это мой мир и мои люди, среди которых я как рыба в воде. Крупная такая рыба, хищная, но мирная и с веселым ндравом. А тут по-

являются какие-то отморозки... это здешний термин для таких вот, начинают все ломать и крушить... Понимаешь, привлекают не просто внимание, а внимание тех, кого стараемся избегать!

Михаил отмахнулся.

— Да понял, все понял. Не повторяйся. Но что насчет той угрозы?

— Какой угрозы?

— Что придут другие, теперь уже и ты в их списке...

Азазель досадливо поморщился.

— Я Зарану не по зубам. Даже если явится сам. Если только не придумает какие-то хитрости, которые даже я не смогу раскусить. Но думаю, на него найдется управа и там, на месте.

Михаил бросил на него осторожный взгляд.

— У тебя связь... с адом?

— Кое-что есть, — ответил Азазель туманно.

— С тобой общаться противно, — сказал Михаил с отвращением. — Разве можно быть таким неразборчивым?

— А если я в дипломаты намылился? — спросил Азазель. — Вон в ООН сейчас вакансия генсека образовалась... Стоит подумать... Нет, даже моей неразборчивости не хватит для общения с теми... гм... теми представителями. Хотя, может быть, я еще недостаточно изворотлив. А ты как думаешь?

Михаил сказал с отвращением:

— Ты на все способен.

— Спасибо, — сказал Азазель довольно. — Хоть кто-то похвалил.

Глава 9

Автомобиль в левом ряду разогнался до такой скорости, что Михаилу стало тошно смотреть на мелькающий со стороны Азазеля разделительный барьер, он только сказал с сердцем:

— Какая похвала? Ты не лучше тех разбойников, что прибыли кого-то убить!..

Азазель потемнел лицом, глаза сверкнули бешенством, даже в голосе прозвучала сдерживаемая ярость:

— Эх ты, законник... Мы не полиция! Мы, как и люди, защищаем свою привычную жизнь!.. И будем защищать, как нужно!.. Слышал про око за око, зуб за зуб, жизнь за жизнь?..

— Нет, — сказал Михаил заинтересованно. — Здесь такие законы?

— Такие, — процедил сквозь зубы Азазель. — В основе. Хотя и с современными толкованиями, на которые можно не обращать внимания.

— Почему?

— Потому что сегодня толкования одни, завтра другие. А основа всегда основа!.. Это как заповеди, понял?.. Люди с легкостью берут право в свои руки и защищают свои интересы, ориентируясь на Заповеди Всевышнего, а не на сиюминутные законы... Про тайные операции спецслужб слышал? Они тоже не соблюдают писанные людьми законы, но соблюдают заповеди!

Михаил даже чуть отодвинулся, Азазель, распаляясь все сильнее, сказал примиряюще:

— Понял-понял. Здесь заповеди тоже толкуют очень даже... стоит посмотреть, что здесь за нравы.

Азазель промолчал, вперил взгляд в стремительно бросающуюся под колеса серую ленту шоссе. Автомобиль в левом ряду прет на огромной скорости, благо на шоссе других машин практически нет, Михаил тоже по-малкивал, серьезных нарушений Азазель умело избегает, а за всякие мелочи отделяется штрафами, благо местных денег у него всегда с избытком.

На востоке начало светлеть, узкая полоска разделила темную землю и темное небо, пошла подниматься ввысь, а снизу чуть-чуть заалело.

Азазель бросил короткий взгляд в сторону рассвета, но лицо его не посветлело, как чувствовал по себе Михаил, а стало еще темнее.

— Приближается не только Тьма, — сказал он тяжелым голосом. — Что-то в самой Тьме, неподвластное ей... Еще более страшное и чудовищное, чем грядущая и неизбежная Тьма, и эта опасность приближается к Земле...

Михаил взглянул на него пристально.

— Что-то скрываешь, гад. Знаешь больше, чем я предполагал... и даже больше, чем мог узнать.

— Это как?

Михаил не сводил с его острого профиля взгляда.

— Сколько бы ты ни прожил на земле, — пояснил Михаил, — ты не мог узнать о тех, кто находится от тебя в другом городе. Тем более на другом континенте. Но ты знаешь.

Азазель отмахнулся.

— Да это так, случайности. Когда живешь сотни лет, накапливается многое...

Михаил покачал головой.

— А мне кажется, никакие не случайности.

— А что же? — спросил Азазель. — Ты стал слишком подозрительным, Михаил. Это жизнь на небесах тебя испортила?

Михаил огрызнулся:

— Я вижу, в какую опасную клоаку попал! Потому и подозрительный. И все здесь отвратительно!

— Нет в тебе романтики, — сказал Азазель обвиняюще.

— Чего-чего?

— Хотя, — договорил Азазель раздумчиво, — какая романтика в служении власти? Романтика только в бунтарстве... ты как насчет? Хотя что это я...

Михаил сказал с подозрением:

— И еще как-то многое не вяжется. Я многое в этом мире не понимаю, но эта беготня какая-то хаотичная... Гоняемся за демонами, за нами тоже гоняются. Как-то все случайно...

— Вся жизнь из случайностей, — заверил Азазель, — и упущенных возможностей. А тебе нужна упорядоченность?

— А кому не нужна? — спросил Михаил. — Людям тоже необходима. У вас приемлемым считают разве что неупорядоченный и даже случайный секс, но это черевато, даже я знаю.

— Теоретик, — гордо сказал Азазель. — Ладно, вон уже виден наш дом... Гуляки возвращаются из ночных клубов, но разве мы погуляли не веселее?

Сири ничуть не изумилась их позднему возвращению, в ванной комнате послышался шум льющейся воды, кофемолка сразу затрещала зернами, а плита вспыхнула множеством значков и цифр сверху и по бокам духовки.

— Садись, — велел Азазель, — я сам соберу на стол, а то у тебя руки трясутся. От жадности, да?

Михаил сказал с тоской:

— Что за мир, что за сумасшедший мир...

Азазель ответил с покровительственной ноткой:

— Мне все чаще кажется, Всевышний вообще не интересуется людьми так, как они полагают в своем великом самомнении. Он создает Великие Идеи, претворяет их целиком, заботясь лишь о целостности проекта, а не о каждой песчинке в его грандиозном здании. Эй-эй, сперва салатик! Ты же в человеческом теле, забыл? А салатик полезно.

После третьего бифштекса Михаил наконец-то взял вилку, дьявольская придумка, как сразу зорко определила церковь и запретила их использование, но потом

и в руководство церкви постепенно пробрались люди Сатаны...

Азазель, чему-то тихонько улыбаясь, подал знак кофейному автомату, тот потрещал зернами и выдвинул на поддоне две чашки с крепким, как определил Михаил по запаху, и сладким кофе.

— Пирожные? — спросил Азазель.

— Зачем? — отмахнулся Михаил, потом сказал с досадой: — Ладно, тащи все. Нужно залечить это тело и наполнить его доверху собственной силой зверя.

— Человек не зверь, — сказал Азазель с укором, — хотя и зверь. Человек намного больше, сам знаешь. Нам до сих пор непонятно, почему Создатель именно ему отдал этот прекрасный мир. Ты сомневаешься, что Он был прав?

— Нет-нет, — ответил Михаил поспешно. — Неисповедимы пути Создателя... А это что у тебя?..

— Хамон, — ответил Азазель с непонятной улыбочкой. — А тебе его можно есть?

— Мне все можно, — заверил Михаил. — Ух ты... Отрежь еще, если почему-то здесь нельзя грызть от целого куска.

— Нельзя, — подтвердил Азазель. — А некоторым группам человеконельзя есть даже определенные виды животных, почему и спросил о хамоне. Я уже разобрался в потаенном смысле таких странных запретов, но тебе рассказывать рано, твой неокрепший разум еще не вместит такие сложности... Вкусно?

— Отрежь еще, — милостиво разрешил Михаил.

Сам Азазель, удовольствовавшись одним бифштеком, держал в обеих руках большую чашку с крепким и горячим кофе, прихлебывал с наслаждением и поглядывал на Михаила со странной улыбочкой, в которой тому чудилось кроме привычной насмешки еще и странное сочувствие.

— Ты хорошо устроился, — заметил Михаил. — Работать не работаешь, твой доход позволяет, верно?

— Считать деньги в чужом кармане нехорошо, — напомнил Азазель, — но интересно. Ты еще не знаешь, что работать — это не обязательно расхаживать с лопатой или киркой в руках? А еще не знаешь, что даже муравьи перестанут трудиться, если дать им крылья. Что с некоторыми из них и происходит.

Михаилу почудился некий намек, но переспросил:

— Муравьи? С крыльями?

— Трутни, — объяснил Азазель, — их даже не кормят ввиду их бесполезности.

Михаил положил на тарелку обглоданную кость.

— Ну спасибо. Кофе тоже не дашь?

Азазель сделал вельможный жест.

— Ладно уж, разоряй трудящихся. Сири, сделай ему покрепче, но поменьше. Так экономнее. Собираюсь стать защитником природы и беречь воду для будущих поколений. Сейчас это в тренде.

Михаил с чашкой в руках пересел на роскошный диван, неспешно и мелкими глотками смаковал черный ароматный напиток, наслаждался покоем и удобствами.

На стене напротив огромный экран почти от угла и до угла, изображение такое ясное и выпуклое, что когда оттуда мчится с копьем в руках озверелый варвар и люто впивается взглядом в его, Михаила, лицо, тот невольно напрягался и старался незаметно как-то сдвинуться в сторону, хотя и понимал, что Азазель ехидно улыбается.

— Я тебе еще ужастики не показывал, — сказал Азазель хвастливо. — Включить?

Михаил содрогнулся.

— Не надо!

— А это часть человеческой культуры, — сказал Азазель назидательно, — ты что, человек не любишь?..

Михаил буркнул:

— Люблю — не люблю, но Господь велел их оберегать и защищать. Что я и делаю.

— Но Он отдал этот мир им, а не вам, белокрылым!

Михаил ответил зло:

— Все равно я их защищаю. Это мой долг.

— Обожаю людей долга, — сказал Азазель с чувством. — Так хорошо с вами!.. Но обычно мы здесь свой долг измеряем собственными необходимостями. А что дает тебе исполнение долга?

Михаил ответил с надменностью во взоре и голосе..

— Возможность исполнить следующий!

— Классно, — прокомментировал Азазель. — Особенно, что понимание необходимости выполнить долг требует забыть о своих интересах. Это так удобно в интересах власти!

— Демонам и людям этого не понять, — отрезал Михаил гордо.

Азазель вздохнул:

— Ты прав. Человек чувствует свой долг, если свободен... Ого, что это там?

Михаил тоже перевел взгляд на монитор, но никаких масштабных боев, даже простой стрельбы, какие-то поваленные деревья, бугристая почва, трещина в земле...

Азазель всмотрелся, сказал быстро:

— Ложись отдыхай, ты же в человеческом теле, а я сметаюсь туда! Это совсем рядом, на Симферопольке. Там что-то нехорошее, нутром чую.

Михаил насторожился.

— Демоны из ада?

— Не понял еще, — ответил Азазель. — Но что-то такое, что не укладывается ни в какие рамки. Милиция пока что не слишком заинтересовалась, все можно списать на бытовуху, но слишком уж как-то концентрированно...

Он поставил чашку на стол и поднялся, Михаил вскрикнул:

— Но-но, придержи коней!.. Что ты там такого увидел? Хочешь скрыться?.. Нет уж, еду с тобой.

— Какой ты настойчивый, — сказал Азазель. — Ладно, убедил. Но давай побыстрее!

Михаил поднялся, сказал с сожалением;

— Я последний раз ел вчера вечером!.. Если не считать вот этого жалкого завтрака...

— Как же ты удержался, — ахнул Азазель. — А куда все котлеты из баранины подевались в холодильнике?

— Ты же и пожрал!

— Правда? — спросил Азазель в сомнении. — Вот я какой одухотворенный и возвышенный, абсолютно не замечаю такие бытовые мелочи, а все только о высоком и чистом, как я сам... Поторопись, черепях!

Он вышел из квартиры быстрыми шагами, Михаил едва успел выскочить за ним на площадку, крикнул:

— Сири, закрой за нами!

Сири благоразумно не ответила. Как всякий ребенок знает, незнакомым мужчинам лучше не отвечать и конфет от них не брать, но Михаил все же услышал за спиной, как из проема в дверные пазы вдвигаются длинные стальные штыри.

Глава 10

Двери лифта гостеприимно распахнулись, приглашая в тесную кабинку, Азазель вошел и, не касаясь панели, взглянул на Михаила. Михаил, досадливо морщась, прикоснулся кончиком пальца к арабской цифре 2 с продольной черточкой впереди, цифра означает римскую II, а черточка указывает на подвальные помещения под домом.

Кабинка помчалась вниз, Азазель сказал покровительственно:

— Тебя уже можно выбрасывать на ходу из автомобиля, не пропадешь.

— Я все запоминаю с первого раза, — буркнул Михаил. — Как и ты, уверен.

— Я бы хотел кое-что забыть, — ответил Азазель, подумал и уточнил: — вообще-то ничего не хотел бы терять из памяти.

Двери распахнулись, выпуская обоих в подземный зал автомобилей, Азазель помахал рукой, в дальнем ряду один мигнул фарами и, красиво вырулив на свободную полосу между выстроившимися авто, достаточно быстро и уверенно понесся к ним.

— Здесь ему все знакомо, — объяснил Азазель, — а в городе еще стесняется.

— Это твой автомобиль стесняется?

— Побаивается, — уточнил Азазель, — попасть в аварию. Еще ребенок, быстро считать ситуации не умеет.

— Крупный у тебя ребенок.

— Ты еще экскаваторов не видел! Ничего, два-три крупных апгрейда, и мне к рулю можно будет не прикасаться. Эти штуки взрослеют быстро, нам, родителям, на радость и тревожную надежду.

Михаил молча сел на правое сиденье, хотя уже запомнил, как управляться с этой штукой, и уже управлял. Азазель перехватил его взгляд, покачал головой.

— Нужно еще и разрешение, дружище. Ну и что, что уже проехался разок? В другой раз поймают. Так что не рискуй. Пристегнись. Не забывай, ты только человек. Во всем.

Михаил молча наблюдал, как сперва неслись по узкому ущелью между двумя рядами высотных домов, справа и слева целая лавина таких же автомобилей, что отличаются один от другого не больше, чем скаковые лошади, только расцветка иная да экстерьер чуточку другой, а так все мчатся быстро и целеустремленно.

Азазель перехватил его внимательный взгляд.

— Ранние птички, — сказал он равнодушно. — А вот когда проснется и повалит на службу основная масса, будет мама не горюй на дорогах... Ничего, уже в этом году треть из этих бездельников потеряет работу. Братья Сири принимают нагрузку на свои плечи!

Вскоре выметнулись на МКАД, а там, промчавшись немного, съехали по крутой дуге, тут же по обе стороны побежал лес, выдвинувший на край дороги самые крепкие и могучие деревья.

Когда автомобиль выскочил на пригорок, Азазель указал вперед, там показалась деревня, это же совсем рядом с городом, справа и слева уже блестят на солнце новенькие кварталы высотных домов.

— Местные, — сказал Азазель с ноткой грусти, — все еще цепляются за родные земли. Дескать, здесь похоронены отцы-прадеды и прадеды прадедов...

Михаил ответил в том же тоне:

— Часть домов смотрятся брошенными. Хозяева разорились?

— Сейчас мало кто разоряется, — ответил Азазель и уточнил: — в том старом значении. Но деревенские стараются переселиться в город, а городских теперь вот потянуло в деревни...

— Место прекрасное, — заметил Михаил, — чего им надо? Рядом лес, озеро...

— Города растут, — сообщил Азазель, — а такие районы Москвы, как Медведково, Бабушкино, Бибирево, Кунцево и прочие, это бывшие деревни, которые быстро растущая Москва когда-то проглотила и возвела на их местах городские кварталы. Теперь там метро и троллейбусные линии.

Михаила качнуло, Азазель круто повернул баранку руля, подавая автомобиль с широкополосной дороги на

проселочную, где такой же асфальт, разве что свежееуложенный.

Деревья плотно пошли с обеих сторон, наконец автомобиль с облегчением выметнулся на небольшую приподнятость дороги. Михаил увидел дома ближе, когда-то добротные, сейчас печать запустения на всей деревне, здесь явно понимают: не стоит вкладываться в дорогие ремонты ни домов, ни погребов, ни даже заборов, если вот-вот государство выплатит компенсации за участки, а им предоставит благоустроенные городские квартиры.

Только один дом на небольшом холме смотрится предельно ухоженным, словно хозяева не верят ни в какие переселения или там живут протестанты, основатель которых Лютер как-то заявил: «Если мне скажут, что завтра конец света, сегодня все равно посажу дерево».

Азазель проехал мимо этого дома с ухоженным садиком и прекрасной теплицей, Михаил успел рассмотреть тщательно подстриженные кусты роз, а машина все катилась дальше, где еще через два участка увидели дом и двор, которые Михаил назвал бы худшими во всей деревне.

Азазель припарковал автомобиль на обочине и, отстегивая ремень, объяснил:

— Здесь и происходило.

Михаил буркнул:

— Все загажено, запущено... Как в этом доме живут?

— Здесь такое вот, — пояснил Азазель, — красиво называется неполными семьями... Если не так красиво, то неблагополучными. Если совсем уж правду, то... нет, не буду учить тебя нехорошим словам. В общем, хозяйка постоянно пьет и скандалит, мужики у нее чуть ли не

каждый раз другие, соседи тоже не подарок, оторви да выброси...

Михаил пошел рядом, все еще не понимая, что привело сюда Азазеля, старательно всматривался во все, что может показаться подозрительным, но, увы, к чему прицепиться не находил.

Забор ветхий, в щели носорог пройдет, кое-где вообще повалился, но калитка на месте, и Азазель честно подошел к ней, просунул руку в щелочку и отодвинул с той стороны задвижку.

— Заходи, Мишка, — сказал он с подъемом. — Здесь без церемоний. Почти коммунизм, как понимал великий Томас Мор.

— Ты еще Кампанеллу вспомни, — буркнул Михаил.

Азазель от изумления даже остановился.

— Что, этот тип у вас? А я думал, в аду...

Они прошли по дорожке, заметной только по тому, что бурьян там втоптан в сухую землю, а на крыльцо, заведя их, вышла женщина.

Михаил окинул ее взглядом с головы до ног, Азазель не приврал, женщина хоть и заметно спивающаяся, даже со здоровенным фингалом под глазом, но все равно к такой мужики будут выстраиваться в очередь, с великолепной сочной и, как здесь говорят, сексуальной фигурой: в меру полная, с крупной высокой грудью, что пытается выбраться наверх из тесного белья, все еще гибкая в поясе и широкая в бедрах, с оттопыренной кверху задницей.

— Полиция? — спросила она таким же сочным зовущим голосом. — Ваши уже приходили.

— Мы из другого отдела, — сказал Азазель. — Есть предположение, что это соседи ваши вредят. Женщина вы очень красивая, мужчины с вас глаз не сводят, а соседок это раздражает.

Она победно усмехнулась, красивым жестом поправила волосы, все еще роскошные и пышные, заодно приподняв грудь и показав во всей роскоши.

— Если бы только раздражало, — ответила она тем же очень женским голосом. — На прошлой неделе эти мерзкие сволочи перебросили через забор дохлую кошку!..

— Ужас какой, — посочувствовал Азазель.

— Они такие, — пожаловалась она. — И вообще швыряют всякие обрывки грязных газет, пластиковые пакеты, а когда указываю, объясняют, что ветер занес!

— Надо бы камеру поставить, — сказал Азазель. — Заснять, а потом в суд! Или еще лучше, пригрозить судом и тюрьмой, а они пусть каждый день ставят по бутылке водки!

Она смотрела заинтересованно.

— А это идея...

Отпихнув ее с дороги, из дома на крыльцо вышел мужчина в майке, могучий и толстый, с заметно свисающим брюхом, весь в тюремных наколках.

Некоторое время смотрел с верхней ступеньки мутными глазами, стараясь зафиксировать изображение, наконец тяжело спустился вниз, где и остановился перед Азазелем.

Михаил видел, как скривился Азазель, тяжелый запах винного перегара докатился тяжелой волной до них обоих, а дальше пошел, приминая траву, по всему участку.

— Мы не вызывали полицию, — объявил мужик недружелюбно.

Азазель сказал мирно:

— Мы как бы стараемся помочь. Люди и всякие там примкнувшие должны жить дружно. Как бы так, есть такая установка сверху, не нам ее обсуждать. Сказали — надо, значит, надо! Хотя, конечно, драться интереснее...

Мужик зыркнул злобно:

— С соседями я сам разберусь!.. Никто не смеет обижать Марию!

— Самосуд незаконен, — пояснил Азазель. — Вот сержант, что со мною, может подтвердить, Иисус сказал народам: не мстите, оставьте это удовольствие мне, я им всем, гадам, воздам так, что только в адских котлах и опомнятся!

Мужик, судя по его лицу, ничего не понял, просто прорычал еще громче:

— А тебе какое дело? Пошел на хрен!.. А если я арестован, то давай мне сперва адвоката!.. Хорошего, а не за рупь кучка!

Михаил ярился молча, Азазель тяжело вздохнул и сказал уже с ласковой угрозой, что прозвучала более пугающе, чем если бы заорал:

— Ты не адвоката получишь, а выбитые зубы прямо сейчас!.. Был бы ты трезвым и в приличном костюме, я бы разговаривал вежливо и со всем уважением, но такому пьяному свинтусу могу сломать хоть руку, хоть шею за нападение на офицера при исполнении.

— С целью завладения личным оружием, — вставил Михаил.

— Точно, — сказал Азазель обрадованно. — Понял? Потому что к побывавшим в тюрьме доверия нет ни у правоохранителей, ни, что куда важнее, у судей. Встань ровно и отвечай быстро, четко и очень вежливо. Я плохой коп, а с твоей репутацией повесить могу любой висяк, запомни. В Теплом Стане малолетку изнасиловали и убили, мне кажется, это сделал ты!

Мужик моментально протрезвел, лицо побледнело, сразу сдулся и сказал совсем другим голосом:

— Да все в порядке, гражданин начальник, обычная бытовуха. Соседи у нас не ангелы, пару раз получают в рыло, сразу успокаиваются и никуда заявлять не бегут.

Первый раз, что ли? А насчет Теплого Стана я вообще не знаю, что это и где он.

— Это хорошо, — согласился Азазель, — когда вопросы сами решаются. Без привлечения правоохранительных органов и надзорных органов. Кстати, о надзоре... Что с девочкой? Ее вроде бы забирали у вас?

Женщина сказала быстро:

— Да, но к таким упырям забирали, что моя малютка сама от них убежала!.. А у нас ей хорошо. Здесь ее сама природа защищает.

Михаил ощутил, что у него уши сами по себе вроде бы чуть вытянулись, стараясь не пропустить ни слова. Человеческое тело умеет настраиваться и само по себе без команды мозга, когда-то вообще все живое жило без мозга, так что в случае чего и сейчас можно без него.

Азазель широко улыбнулся.

— Дома стены помогают, — сказал он, — а вот чтоб природа... Мы же не можем ждать от нее милостей?

Женщина пояснила:

— Видите, какой у нас огромный и запущенный сад?.. Разросся, ветки прямо в окна лезут, в комнаты просятся!.. Вот ей в этом саду уютнее, чем в ее комнатке. Эти деревья и есть ее стены. Даже в дождь она там прячется и приходит сухая!

— С этим соглашусь, — согласился Азазель, — в доме то мать пьяная, то новый гость дебоширит... Ладно, осмотрим сад и пойдем отсюда. Товарищ сержант, осмотрите сад!

Михаил понял, что обращаются к нему, козырнул, запоздало вспомнил, что он в штатском, торопливо пошел между деревьями в сторону от дома.

Услышал, как за спиной женщина спросила встревоженно:

— А что в саду, что в саду?

— Рутинная проверка, — донесся голос Азазеля. — Раз уж мы на месте происшествия, нужно осмотреть и как бы вот отразить в официальном рапорте. Правила, знаете ли...

Михаил пропустил его вперед и пошел следом, поглядывая, как Азазель осматривает сад чересчур тщательно, поднимает сорванные ветром веточки, щупает царапины на коре деревьев.

— Детективишь? — спросил Михаил. — Хотя что-то понимаешь?..

— В человеческих делах? — уточнил Азазель. — Еще бы... Кто их учил дедуктивному методу, не догадываешься?.. Но здесь, как я гениально и мудро предположил, ничего обычного не произошло.

Михаил уточнил:

— Необычного?

— Нет, обычного. Хотя обычного хоть завались, но разве нас обычное интересует? Потому и не произошло, понял?.. Да ладно, я сам не всегда понимаю, что несу, но зато как красиво несу!.. Заслушаешься. Я сам заслушиваюсь себя, такого умного и нарядного. А из необычного то, что ветки в таком количестве с деревьев не сыплются. Даже сухие, а эти совсем живые, смотри!.. Даже сок еще выступает.

— Демоны?

— Или ангелы, — согласился Азазель, но взглянул на его посуровевшее лицо, поспешно уточнил: — Нет-нет, ангелы на такие хулиганства не способны. Они всегда в белом и поют-поют... что вы там поете? Новое что-то придумали или все те же старые песни о главном? О Главном, если точнее?

— Замолчи, — возгласил Михаил. — Не кощунствуй.

— А то обидишь?.. Все вы там такие, высокомерные... Ничего, бригантина уже поднимает паруса. Наплачетесь... Кстати, а вот странная яма, совсем свежая. Именно в ней, как понимаю, сломал ногу тот скверный мальчишка... Не слыхал? Ну да, ты же специалист по -крупному.

— И что с этой ямой?

Азазель пробормотал:

— Если это те, на кого думаю... то могли бы и заровнять снова. Видать, совсем слабенькие, силенок не хватило.

Михаил спросил быстро:

— Думаешь, демоны?

— Похоже, — ответил Азазель, вид у него был озадаченный, — но странность... гм... природники стараются никогда себя не обнаруживать... А их самих найти практически невозможно.

— Опасные?

— Нет, — ответил Азазель. — Мне кажется, вообще не могут причинить вред. Что и странно в данном случае.

— А что, — спросил Михаил сердито, — все же стряслось? Из-за чего мы здесь?

Азазель пожал плечами, осматриваясь в дремучем саду.

— Одному чужому мальчишке упавшей веткой голову разбило... не до смерти, правда, но все же хорошо так, будет этот сад десятой дорогой обходить. Нечего нарушать границы с чужой собственностью! Второму ключицу перебило, а третий так и вовсе ногу сломал!.. Вот в той яме, что откуда и взялась, когда он убежал...

— Да-а, — сказал Михаил саркастически, — совсем уж безопасные твои природники. Безопаснее не бывает..

Азазель медленно двигался через сад, Михаил ощутил чужое присутствие, ветви как-то странно опустились, загораживая дорогу, но Азазель уверенно раздвинул, а там у подножья древней-древней яблони, что уже и плодов не дает, сидит крохотная худенькая девочка лет пяти, хотя по ее серьезным печальным глазам Михаил дал бы все семь или даже восемь.

Глава 11

К его изумлению, у нее на коленях белый пушистый зайчонок, который то выпрыгивает из ее рук, то снова старается подлезть под них так, чтобы она его обнимала.

Девочка испуганно и обреченно смотрела на них снизу вверх большими грустными глазами, личико настолько бледное и прозрачное, что почти видно все ее косточки.

Такое же худенькое тельце в дешевом ситцевом платье, стареньком, потертом, но чистом, даже без пятен травяной зелени.

Михаил подумал с сочувствием, что этот ребенок исхудал то ли из-за хронического недоедания, то ли еще почему, мать все-таки женщина крупная и широкая в кости. А может быть, обиды и переживания есть и у такого крохотного существа. Даже взрослые часто страдают, а уж с детским горем ничто не сравнится.

Среди детей ее возраста, мелькнула мысль, она будет самой мелкой, а это значит, те, кто покрупнее, будут постоянно толкать ее и обижать. Она и сейчас смотрит на них обоих исподлобья, во взгляде затаенный страх, как у затравленного зверька, которого часто обижают и бьют. Лицо, подумал он снова с сочувствием, не просто бледное, а почти прозрачное, словно вся страна голодает из года в год.

— Милая, — сказал Азазель ласково, — знаю, тебе приходится трудно в этой жизни, но кому легко?.. Разве что вот моему спутнику, потому не обращай на него внимания. А я тебя понимаю. Трудно жить, когда никто не заступает. Но у тебя, как мне кажется, все-таки есть заступники?

Она все так же смотрела исподлобья и с недоверием, наконец судорожно кивнула.

— Да...

— Прекрасно, — сказал Азазель с энтузиазмом. — У всех должны быть защитники. Особенно у тех, кто слаб и защитить себя не может.

Она промолчала, продолжая смотреть с тем же недоверием маленького человечка, которого жизнь уже научила полагаться только на себя и не ждать помощи.

Михаил переспросил:

— Азазель, ты уверен?

— Нет, — признался Азазель. — Милая, скажи, как они тебе помогают? Как защищают?

Михаил сказал с неудовольствием:

— Как ей кто-то может помогать так, что никто не видит?

— Может, — проговорил Азазель зловеще. — А девочку сейчас закуем в наручники и отвезем в тюрьму.

— Что? — ахнул Михаил.

— Такие правила, — сказал Азазель, он ловко ухватил девочку за руку. — Там ее бить, конечно, будут, это же тюрьма, и кормить не станут, но так надо.

Михаил умолк, еще не понимая, что за игру задумал Азазель, а тот грубо потащил девочку прямо через кусты в сторону дома.

Ветка дерева внезапно опустилась, Азазель стукнулся лбом, приподнял свободной рукой, но под ногой резко опустилась земля, однако Азазель, словно ожидал, легко перепрыгнул яму, держа на весу девочку.

— Сверху! — крикнул Михаил.

Азазель шарахнулся в сторону, а тяжелый сук с острым концом пронесся рядом и вонзился, как брошенное с верхушки дерева копьё. Ветви сада медленно опускаются со всех сторон, преграждая дорогу, потемнело, а сами деревья угрожающе заскрипели.

— Ничего, — прорычал Азазель весело, — вы еще не знаете, с кем дело имеете...

Михаил вскрикнул:

— Да что же это?

Под Азазелем провалилась земля красивым квадратом, словно кто-то выкопал яму для посадки небольшого деревца. Он снова перепрыгнул с легкостью, волоча за собой девочку, как тряпичную куклу.

Михаил хотел крикнуть, чтобы полегче с ребенком, однако девочка, похоже, не чувствовала себя испуганной. В какой-то момент ему стало страшновато, когда по ее губам скользнула едва заметная улыбка и тут же исчезла.

Азазель тащил девочку к автомобилю, она не противилась, только когда распахнул дверцу, уперлась свободной рукой в кузов и крикнула тонким жалобным голосом:

— Отпустите!.. Вам же будет хуже!

Азазель ответил со злым весельем:

— А мы двое буревестников! Пусть сильнее грянет буря...

Михаил крикнул предостерегающе:

— Азазель! Ты что делаешь?

Азазель сказал быстро:

— Мишка, в машину!.. Кажется, я засек, откуда это все прет. Быстрее, Микеланджело!

Михаил бросился к автомобилю, крикнул на ходу:

— Что за Микеланджело?

— Не помню, — ответил Азазель беспечно. — Не то из оперы, не то из комикса. Я человек широкой культуры... Держись!

Девочка не успела пикнуть, как впихнул ее в машину, прыгнул за руль, а с другой стороны забежал Михаил и сел, успев перехватить девочку и, усадив к себе на колени, прижать к груди.

Азазель круто развернул автомобиль на таком пятачке, что в самом деле надо быть либо виртуозом, либо как-то помогать силой демона, вдавил педаль газа, и машина с ревом метнулась по узкой дороге.

Автомобиль перескочил проваливающуюся перед ним землю, помчался по дороге, резко рыская из стороны в сторону, чтобы избежать внезапно вылезающие из земли крупные камни и резко трескающуюся землю.

Деревья впереди начали угрожающе гнуться в сторону дороги, Азазель разогнал автомобиль, Михаил прижал девочку крепче, слышно было, как испуганно стучит ее маленькое сердце.

— Азазель, — проговорил он сдавленным голосом, — ты хоть понимаешь...

— Почти уверен, — ответил Азазель. — На целых два процента... Нет, брешу, на полтора! А надо бы хотя бы на три...

Он резко повернул руль, автомобиль на большой скорости повернул от дороги. С обеих сторон затрещали кусты, стуча по окнам и кузову, Азазель весело орал, машину бросало из стороны в сторону, но он улюлюкал, словно дерется со всем миром и побеждает, только наваливался на руль всем корпусом.

Через минуту автомобиль вылетел на простор, проселочная с ее сумасшедшими деревьями и кустами осталась позади, мотор взвыл, втаскивая автомобиль наверх по склону, а дальше вздохнул с облегчением, когда коле-

са ощутили под собой ровную гладь шоссе с идеальным асфальтовым покрытием.

Автомобилей больше по встречной, отгороженной заборчиком, а попутные Азазель обгонял, не считаясь со здешними правилами, штраф за превышение скорости — всего лишь деньги, а для живущего среди людей тысячи лет демона деньги никогда не были проблемой.

Девочка не просто успокоилась, а прижалась к Михаилу, детским сердечком ощутив в нем защитника, даже глаза закрыла, но не заснула, а он в непонятном озарении начал ощущать ее мечты и видения, в которых она живет в хорошем доме, где ее ждут и любят, ей разрешили завести собачку, хотя бы совсем маленькую, которая мало кушает и не лает...

На шоссе автомобиль Азазеля тоже рыскал из стороны в сторону, хотя поверхность асфальта оставалась ровной, Михаил понял, что Азазель настороже, не позволяет просчитать их путь, но продумать не успел, Азазель крутнул баранку, колеса застучали по проселочной дороге.

По обе стороны величаво пошли красивые статные березы, празднично красивые, ухоженные вплоть до кончиков крон, хотя непонятно, кто туда карабкается, чтобы придать форму веткам, а за первым же поворотом открылся вид на невысокий зеленый холм, а на вершине большой просторный дом в два этажа, светлый и с огромными окнами.

— Ого, — сказал Азазель, — здесь сад еще побольше.

Михаил всматривался в приближающийся дом, оградой участка служила невысокая изгородь из дивно красивого цветущего кустарника, где даже листьев почти не видно за цветами, а дальше за домом высился роскошный сад со старыми картинно прекрасными деревьями с изогнутыми ветвями.

Азазель сбавил скорость, автомобиль катил к особняку уже спокойно, а на просторной стоянке развернулся и замер.

Михаил осторожно выбрался наружу, держа на руках притихшую девочку. Азазель появился с той стороны автомобиля, а в доме хлопнула входная дверь, на порог вышли мужчина и женщина, торопливо пошли в их сторону по широкой дорожке из красиво уложенной плитки.

Азазель довольно улыбался и злорадно потирал ладони. Михаил с девочкой на руках всматривался в обоих со злобной подозрительностью.

Несомненно супруги, оба одинакового сложения, одинаково встревоженные, одеты чисто и прилично, как интеллигентные люди среднего класса, не крикливо, с достоинством, чуточку старомодно, что внушает больше доверия, чем когда женщины за шестьдесят одеваются и ведут себя как шестнадцатилетние.

Женщина сразу взглянула на Михаила испуганно-умоляющими глазами.

— Что с нею?

Он уловил в ее голосе страх за девочку и жажду сделать так, чтобы этот худой испуганный ребенок был счастлив.

— Сперва разберемся с вами, — отрезал он. — Азазель...

Девочка распахнула глаза, большие и радостные, обняла его за шею и поцеловала в щеку. Михаил ощутил ее желание опуститься на землю, медленно наклонился.

Она встала ножками на грунт, все еще не отнимая рук от его шеи, улыбнулась ему и, повернувшись, побежала к хозяевам этого дома.

Женщина присела, распахнула руки. Девочка вбежала в ее объятия, прижалась крепко-крепко.

Азазель сказал медленно:

— Та-а-ак... что за птица я, уже поняли, вижу... кто мой спутник... гм, лучше не знать... Кто вы такие, даже не спрашиваю, суду все ясно, а с приговором у нас не заржавеет. Особенно у моего спутника, ему бы только ломать да поджигать, это он страсть как обожает.

Михаил нахмурился, на него поглядывают с особой опаской, пусть даже не знают, кто он, некоторые близкие к природе демоны могут чувствовать присутствие большой силы.

Мужчина пробормотал:

— Раз вы все знаете... что мы можем сказать? Трудно видеть, как этого ребенка обижают, и понимать, что не можем защитить.

Азазель кивнул.

— Да, с вашего холма их дом и сад как на ладони. А также детский сад и школа, что вообще вон почти рядом.

Михаил всматривался в обоих пристально и со странной смесью растущей злости, а мужчина в беспомощности развел руками.

— Мы не могли не вмешаться! Хоть и понимаем, чем нам это грозит. Как видите, живем неподалеку, нам отсюда видно, что у соседей. Я заметил эту бедную девочку, когда ее водили в детский сад... Знаете ли, дети так жестоки!.. Они всегда находят, над кем поиздеваться.

Женщина сказала тихо и печально:

— Всегда бьют и обижают самых слабых и беспомощных.

Азазель пожал плечами.

— Это везде, — сказал он равнодушно, что еще больше разозлило Михаила. — В школах, спортивных клубах, на солдатчине...

— Я уже несколько лет присматриваю за нею, — сказал мужчина. — Да, еще с детского сада.

Азазель поинтересовался медленно:

— И всякий раз... вот так?

Тот помедлил с ответом, указал взглядом на Михаила.

— Это ваш друг?

— Нет, — ответил Азазель, — какой он друг? Он вообще не имеет понятия о дружбе. Но он в курсе.

Мужчина вздохнул, в его голосе Михаил уловил отчаяние, но в то же время заметно, как изо всех сил старается держаться достойно:

— А что я мог сделать? Обращаться в полицию? Для них нужно, чтобы убийство или хотя бы увечье. Из-за детских слез и обид пальцем не шелохнут... В надзорные тоже не обратишься, кто мы такие?.. Хотя да, пару раз обращались, так нам такое ответили...

Женщина сказала с болью:

— Но что мы могли?.. Когда в детском саду ее били другие дети, мы старались их чем-то отвлечь... Когда такое же видели в школе, тоже пытались как могли... иногда получалось не совсем как мы хотели...

Азазель пожал плечами.

— Это пустяки. Подумаешь, пара сломанных ног, вывернутых рук, порванные связки, порезанный палец, царапины, кровоподтеки...

Она опустила голову.

— Мы поступали нехорошо, я знаю...

— Да, — согласился Азазель. — Очень нехорошо. Если, конечно, придерживаться сегодняшних законов.

— А вчерашних? — спросил мужчина. Михаил уловил в его тихом интеллигентном голосе слабую надежду.

— Это зависит, — ответил Азазель, — во-первых, от того, что имеем в виду под вчерашним. Вчерашние как вчерашние, или вчерашнее как вчерашнее вечное... Но мы не судьи...

Михаил, что молчал и только слушал, вдруг сказал в раздражении:

— Почему?

— Почему не судьи?.. — переспросил Азазель. — Не знаю. Хотя ты, возможно... как бы где-то сбоку прав... или полуправ. Мы же как бы люди, а люди сами выбирают дороги, у них свобода воли... В смысле, у нас свобода воли. Можем быть хоть судьями, хоть не знаю кем. А что... я не понял, ты что-то хочешь прояснить?

Михаил пробормотал все в том же раздражении, еще сам не уверенный, на кого злится и надо ли вмешиваться:

— Нигде о девочке не заботились... только здесь.

— Мудрое наблюдение, — проговорил Азазель. — И как ты это сумел заметить?

— Потому, — сказал Михаил со злостью, — я даже не знаю, что правильно, а что неправильно. Потому что поступить правильно и по закону будет очень неправильно по заповедям...

— Отличная мысль! — восхитился Азазель. — Но все, что делаем, будет правильно или неправильно, смотря с какой кочки или колокольни смотреть. Ты хочешь, даю подсказку, взглянуть с необычной для тебя точки зрения... с точки зрения интересов ребенка?

Михаил буркнул:

— Да. Как бы. А так можно?

— Это мудро, — сказал Азазель вдруг очень серьезно. — Решай ты. Я молчу, я в стороне.

Михаил сказал раздраженно:

— Ну да, как всегда. Азазель!

Хозяева вздрогнули и посмотрели на Азазеля, бледные настолько, что вот-вот оба упадут в обморок.

Азазель покачал головой.

— Нет уж, решай ты.

Михаил поднял карающий взгляд на хозяев дома, бледные и неподвижные ждут его решения, держась за руки, а женщина свободной рукой обнимает прижавшуюся к ней девочку.

— Говори, — сказал у него за спиной Азазель. — Я слова не скажу!

Михаил сделал усилие, никогда еще не приходилось ломать в себе нечто настолько сопротивляющееся, могучее, древнее, но с таким внутренним треском, словно переломил горный хребет о колено, сказал хриплым от напряжения голосом:

— Девочку соизволяем взять вам... Нет, не разрешаем, а передаем!.. Но на время!

— До ее совершеннолетия, — уточнил Азазель, вырывая Михаила, что, борясь с собой, уже готов был взять свои слова обратно. — А затем сама будет решать, оставаться в родительском доме... вашем родительском доме!.. или же выпорхнуть в мир.

Михаил все еще давил в себе нечто, наконец сказал с угрозой:

— Вы уже поняли, что мы не из комитета по удочерениям, верно?.. Так вот, если и для вас девочка станет помехой, как у прежних родителей, то никаких судов и разбирательств не будет. Вы просто исчезните, превратитесь в смрадный дымок, что тут же развеется. А теперь возвращайтесь в дом, пока мы не передумали!

Глава 12

Азазель на обратном пути выглядел непривычно задумчивым, хмурился, черные как уголья глаза поблескивают то мрачно, то весело, автомобиль ведет по левой полосе достаточно быстро, но не лихачит, даже подает вправо, если кто-то из особо нетерпеливых сигналил сзади, требуя пропустить вперед.

Михаил наконец сказал со вздохом:

— Скребет что-то внутри... Мы же поступили неправильно, не по закону! Хотя для тебя это привычно, но почему так сделал я? Неужто из скверной человеческой жалости?

Азазель бросил на него взгляд искоса.

— Успокойся, ты поступил точно по закону Творца. Тот велел плодиться и размножаться, это единственный закон, который дал человеку напрямую, а все остальные приносили либо ангелы, либо пророки. Так что самое главное, как уже ты понял... а если не понял, что вернее, то вот стучу молотом по твоей крепкой голове: самое главное — дети, их благополучие! Иначе род людской прервется, а это крах Божьего Замысла.

Михаил пробормотал с неуверенностью в голосе:

— Здесь все намного сложнее и запутаннее. Почему так сложно? Мне так тревожно... И с каждым днем все тревожнее.

— Но разобраться можно, — заверил Азазель. — Нужно только в любом деле сразу смотреть в корень. Если понять, увидеть, нащупать и ухватить, то сразу все становится почти ясным, хотя и не то, что ожидал понять и узреть.

— Ага, — буркнул Михаил, — вот так сразу. Если!.. А как насчет того, что она детеныш других родителей?.. Те же могут забрать?

— Могут, — подтвердил Азазель, — если захотят. Но захотят вряд ли. Это же помеха в доме, где постоянные гулянки и пьянки! Мелкая помеха, но все-таки...

— Значит, с нею все будет хорошо? Она останется у этих...

— Да, — подтвердил Азазель. — Вообще-то не делается так, как ты почему-то решил, повинувшись зову глупого человеческого сердца и не догадываясь, что в этом теле есть еще и разум. На самом деле сперва нужно прой-

ти массу комитетов, комиссий, инстанций, чтобы мать лишит материнства, а опеку передать кому-то... а потом еще и на удочерение...

Михаил сказал мрачно:

— И что ты предлагаешь? Если те негодяи восхотят вернуть себе ребенка, им нельзя мешать?

Азазель сказал покровительственно:

— Какие негодяи, таких треть населения!.. У них есть даже права избирателей, представляешь такую дурь? Каждый гребет к себе, только курица от себя. Да еще эти нынешние свободы личности... Но, к счастью, я человек открытый, коммуникабельный и у меня везде концы. Подержаю нужные, все будет путем. Думаю, удастся даже оформить удочерение. Все законно, не бойсь!.. Законы здесь в целом все же хорошие, как бы даже по заповедям, только кривые, а еще и само исполнение хреновее не бывает.

— Но все-таки и закон на стороне этой девочки?

— Точно, — подтвердил Азазель. — Заповедь — точно. А законы, что есть истолкования и пояснения заповедей, иногда только путают. Но ты же орел, не стал вникать в хитросплетение подзаконных актов! Поступил прямо и по-солдатски.

Михаил бросил на него косой взгляд, но Азазель, похоже, впервые не съехидничал насчет меднолобости а вроде бы даже похвалил, хотя, как всегда, с вывертом и по-своему.

Автомобиль метнулся вправо, переходя с полосы на полосу, на крутом вираже лихо и с визгом тормозов влетел на изогнутую эстакаду. Михаил с понятным беспокойством смотрел на проносящийся совсем рядом небольшой заборчик, отгораживающий от падения с большой высоты.

Виадук для автомобилей завершил полный поворот, автомобиль выметнулся снова на широкое шоссе, уже другое, помчался еще быстрее.

Азазель косо взглянул на все еще злого Михаила. В черных глазах блеснуло странное веселье.

— Михаил, — произнес он медленно, — если честно, я ну никак не ожидал... Надеялся, но не ожидал. Вообще-то был почти уверен, что провалишь этот тест...

Михаил насторожился.

— Тест? Что за тест?

— Да это так говорится, — ответил Азазель уже беспечно, — людская речь нарочито неточная, это придает и красоту, и двусмысленность, и даже некое очарование. Перекусим по дороге?

— Не издохнешь до дома.

— Ладно-ладно, — сказал Азазель, — только заправимся по дороге. В баке примерно столько же бензина, как и топлива в моем желудке.

Михаил остался в машине, когда Азазель вышел и разговаривал с обслуживающими на заправке, видел, как указывает на колесо, жестикулирует, его слушают, кивают, наконец с одним из рабочих хлопнули по рукам, Азазель заулыбался и пошел к обязательной у каждой заправки кафешке.

Ждать пришлось недолго, Азазель вышел с массивным свертком в руке, в другой держа, покачивая на ходу в такт шагам, словно взвешивая, огромный бутерброд.

Довольный и сияющий, откусил на ходу и проглотил почти сразу, не разжевывая, как голодный волк, а когда открыл дверь, сразу сунул сверток Михаилу.

— Осторожнее, там два стакана кофе. Я велел накрыть, чтобы не остыли. Люблю погорячее, если ты понимаешь, о чем я... Да ладно, не понимаешь, вижу.

Михаил достал из свертка высокие пластиковые стаканы, один передал Азазелю, сам взял оттуда же стакан и бутерброд.

— Здесь готовят прекрасные блинчики, — сообщил Азазель, — хотел взять, но подумал, что моя Сири сама их обожает готовить!

— Даже обожает? — спросил Михаил.

Азазель кивнул.

— Она запрограммирована любить то, что люблю я. Понимаешь, эти демоны, которых создают люди, появляются абсолютно чистыми. К ним не нужно приноравливаться, с ними не нужно считаться! Они изначально устроены так, чтобы служить людям и делать их жизнь проще и легче...

Он говорил весело, с подъемом, Михаил слушал, стараясь погрузиться в этот причудливый мир и хоть чуточку понять. Азазель выглядит все таким же веселым и насмешливым, но и заботливым, однако не покидало странное, едва уловимое ощущение некой недоговоренности, словно в самом деле и сейчас поучаствовал в некой непонятной проверке.

Азазель перехватил его взгляд, когда Михаил посмотрел на часы, сказал с сочувствием:

— Подумаешь, через полчаса расстреляют!.. Или суд будет дольше? Вряд ли, ты же военный! У вас все по-честному: никаких адвокатов, военно-полевой, приговор немедленно и тут же исполняется, не отходя от кассы.

Михаил сказал с тоской:

— А тебе еще несколько часов до конца недели, которую я тебе дал, поддавшись твоим хитростям... Сволочь ты необыкновенная. Уже начинаю думать, что не случайно таскал меня везде, стараясь втравить во что-то, чтобы вот так вывернуться, как только что пойманная толстая рыба.

Азазель пробормотал в недоумении:

— Кто толстый? Это я толстый?

Михаил сказал с ожесточением:

— А что мешает мне вытащить огненный меч сейчас?

— А твое слово? — спросил Азазель без всякого испуга. — Потерять честь вот так просто?.. Ты на это не пойдешь.

Михаил тяжело вздохнул.

— Кто теряет честь, тот уже ничего больше потерять не может.

Он умолк и не проронил ни слова за дорогу. Так же молча оставили автомобиль в подземном гараже и поднялись на лифте в квартиру Азазеля.

Сири, ничего не спрашивая, включила гриль, через стеклянную дверцу Михаил увидел, как на вертеле медленно поворачивается тушка крупной птицы.

Кофемолка затрещала размалываемыми зернами, а в нагрудном кармашке Михаила дернулся и пикнул смартфон. Он осторожно вытащил двумя пальцами, на экране появилось улыбающееся лицо Синильды.

— Я уже еду, — сообщила она, не дав ему раскрыть рот. — Минут двадцать, ну двадцать пять, и буду у вас!..

— Да, — ответил он потерянно, — да... как же я по тебе соскучился...

И опять не успел сказать самое важное, она отключилась, Азазель крикнул с кухни:

— Женщинам на дороге говорить нельзя! Пока рули не исчезнут.

— Как исчезнут? — спросил Михаил.

— Да так, — ответил Азазель. — Как и ты.

Михаил сказал с тоской:

— Помолчал бы. Неужели в тебе совсем нет уважения?

Он все не отрывал взгляда от стрелок часов. Азазель тоже поглядывал, он первый начал улыбаться, в то время как Михаил становился все озабоченнее.

— Ладно, — сказал Азазель великодушно, — хватит. Тебе не кажется, что я Творца знаю лучше, чем ты?.. Хотя ты и терся у Его престола все эти тысячелетия, позолоту напрочь ободрал, а хвостом так и себе бока пооббивал!

Михаил бросил тревожный взгляд на часы, повернулся к Азазелю.

— Что тебе известно такого, — потребовал он, — что неизвестно мне?

— Император Траян, — поинтересовался Азазель, — который Ульпий Невра, был до Христа или после?

— Не знаю, — отрезал Михаил, — а это важно?

— В какой-то мере, — сообщил Азазель. — Иисус, если ты о таком слышал, отдал свою жизнь за жизни всех людей на свете. Спас, как считается. Его в отсталых странах вообще называют Спасителем, а в одной особо отсталой в этом отношении даже воздвигли громадное уродливое строение и назвали храмом Христа Спасителя. Так вот именно со времен красивого и даже в чем-то картинного поступка Христа самопожертвование стало чем-то особенным... ну как вроде бы снимает все грехи и совершенные преступления, в том числе военные и даже участие в этнических чистках, что особенно важно. Хотя насчет чисток не уверен, я больше по локальным конфликтам, они романтичнее.

Михаил снова повернулся к часам, там минутная стрелка от роковой черты отошла по кругу на целых десять делений.

— Может быть, — предположил он с неуверенностью, — тут эти, как их... другие часовые пояса?

Азазель хохотнул.

— Дружище, где напакостил, там и осудят! В тех же часовых поясах.

Михаил нахмурился, бросил резко:

— Я тебе не дружище! Ты преступник.

— Ты тоже, — напомнил Азазель.

— Я совершил проступок, — ответил Михаил с достоинством, — и готов добровольно понести наказание.

Азазель сказал с интересом:

— Ого, какая гордыня! Почти как у Сатана. Нет ли тут смертного греха?

Михаил напрягся, лицо посуровело.

— Не сравнивай...

Азазель сказал очень серьезно:

— Ты все еще не понял? Хотя ты и противник, Михаил, но я восхищаюсь твоей преданностью идеалам. Ты хорош... И сейчас ты не предстанешь перед судом. Да-да, с твоей стороны имело место самопожертвование! Пусть не жизнью, но очень важным. Честно говоря, я надеялся, но до конца не верил...

Михаил медленно выдохнул, плечи его опустились, но лицо порозовело, а в глазах появился блеск.

— Ты... не ошибся? Хотя да, время вышло... Значит, мое самовольство сочли... допустимым.

— Ты рисковал, — пояснил Азазель с какой-то грустью в голосе, — ради какого-то сраного человеческого детеныша... в котором есть искорка Творца от того огня, что вдохнул в Адама. Огонь не гаснет, когда зажигает другие огни!.. В каждом человеке теперь частица Творца, хотя и кро-о-о-охотная... Ты сделал все, чтобы ее спасти. Это оценили.

Михаил прошептал:

— Есть на свете божья справедливость...

— Есть, — подтвердил Азазель, — тебя оставили из-за той девочки в больнице, но сегодня ты подтвердил снова, уже несколько иначе... и я бы сказал, на уровень выше.

— Что подтвердил?

Азазель произнес задумчиво:

— Что ты не такой твердолобый, каким был. Или потому, что в человеческом теле? Как-то оно дает о себе знать?..

Михаил произнес отдельно:

— Азазель, ты всегда был хитер...

— Обижаешь, — возразил Азазель с достоинством, — я всегда был умен! И мудер.

— Но поглупел? — поинтересовался Михаил. — Верно?

Азазель воззрился на него в патетическом изумлении.

— Ты чего? Как ты вообще можешь говорить о моей великой мудрости, если твой интеллект где-то на уровне голого землекопа? Или даже нематоды?.. Нет-нет, я не отрицаю твоей отваги, мужества и великой мускульной силы, но... сам понимаешь...

— Понимаю, — ответил Михаил мирно.

Азазель сказал с подозрением:

— Понимаешь? Ух ты!.. А что понимаешь?

— Азазель, — произнес Михаил, — как ты сказал, я прост и прям, чего не отрицаю. Я не способен хитрить, тем более закручивать сложнейшие интриги.

— Это же прекрасно, — воскликнул Азазель с пафосом. — Миру нужны такие прямые и негибачаемые! На вас стоим. Обеими ступнями.

— Но моя прямизна, — договорил Михаил крепнущим голосом, — вовсе не значит, что не могу увидеть чужую кривизну.

Азазель сказал с интересом:

— О, это уже интереснее. Какой мерзавец смеет с тобой хитрить?

— Ты, — ответил Михаил громовым голосом.

Азазель отшатнулся, а в комнате вспыхнул кроваво-красный свет. В руке Михаила неувовимо быстро возникла белая плазменная молния и превратилась в рассыпающийся искры меч из слепящего пламени.

Азазель дернулся, но острие меча уперлось в горло чуть ниже кадыка, а на застывшем лице Михаила он увидел только мрачную ярость и готовность к удару.

— По... погоди, — пролепетал он, — но зачем меч... если собрался меня в ад?

Михаил напомнил резко:

— Никакого ада.

— Значит, — сказал Азазель тихо, — просто исчезну... Таков твой приговор?

Михаил взглянул ему прямо в глаза.

— Отвечай и не ври. Сейчас распознаю любую ложь. Как случилось, что там уловили сильный всплеск? Я сразу прибыл, чтобы разобраться, и обнаружил тебя. Что скажешь?

Азазель осторожно развел руками и отвел взгляд от лица Михаила.

— Зачем спрашиваешь? У тебя абсолютная память. Я прокололся, допустил ошибку. За тысячи лет становишься беспечным, где-то сплеховал.

— Настолько, — поинтересовался Михаил, — что заметил даже я? И пришел точно к тебе? И вообще ты допустил слишком много ошибок. Слишком.

Азазель скосил глаза на пылающее острие меча у своего горла, вздохнул горестно.

— Увы, старею. Ты прав, раньше я не был таким беспечным.

— Среди людей ты стал еще осторожнее и хитрее, — продолжал Михаил безжалостно. — Азазель, говори правду. Рукоять меча в моей руке, и она не дрогнет. Я прям, как ты сказал, и действую прямо. Мне все твои хитрости и какие-то странные проверки осточертели. Говори, или убью. Хоть мы и действовали вместе, но я не забываю, что ты враг.

Азазель тяжело вздохнул, поднял на него взгляд, Михаил подобрался, никогда Азазель не смотрел на него так серьезно и печально.

— Ты в самом деле поумнел, Михаил.

— Все, — сказал Михаил громовым голосом. — Время вышло! Я разрываю твою паутину лжи...

Азазель прервал быстро:

— погоди! Во-первых, тебе в затылок смотрит ствол пистолета. Пуля разнесет тебе голову раньше, чем сделаешь движение... Во-вторых, да, ты, как ни удивительно, понял верно. Я готов все объяснить. Ты угадал, нам нужен именно ты.

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая.	120
Часть третья	245

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

Орловский Гай Юлий
МИХАИЛ, МЕЧ ГОСПОДА
Книга первая
ПРОСЬБА АЗАЗЕЛЯ

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Тагирова*

Художественный редактор *А. Сауков*

Технический редактор *О. Куликова*

Компьютерная верстка *Л. Панина*

Корректор *И. Гончарова*

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 20.07.2017. Формат 84x108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Гарамонд». Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48.
Тираж 5000 экз. Заказ 6606.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

В электронном виде: www.litres.ru
или www.bookvoed.ru

ЛитРес:
один клик до книг

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:

142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

**По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж
International Sales: international wholesale customers should contact
Foreign Sales Department for their orders.**

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.:**
+7 (495) 411-68-59, доб. 2261.

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса:

142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:

Москва. Адрес: 142701, Московская область, Ленинский р-н,
г. Видное, Белокаменное шоссе, д. 1. Телефон: +7 (495) 411-50-74.

Нижегород. Филиал в Нижнем Новгороде. Адрес: 603094,
г. Нижний Новгород, улица Карпинского, дом 29, бизнес-парк «Грин Плаза».
Телефон: +7 (831) 216-15-91 (92, 93, 94).

Санкт-Петербург. ООО «СЗКО». Адрес: 192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны,
д. 84, лит. «Е». Телефон: +7 (812) 365-46-03 / 04. E-mail: server@szko.ru

Екатеринбург. Филиал в г. Екатеринбург. Адрес: 620004,
г. Екатеринбург, ул. Новинская, д. 2щ. Телефон: +7 (343) 272-72-01 (02/03/04/05/06/08).

Самара. Филиал в г. Самаре. Адрес: 443052, г. Самара, пр-т Кирова, д. 75/1, лит. «Е».
Телефон: +7 (846) 269-66-70 (71...73). E-mail: RDC-samara@mail.ru

Ростов-на-Дону. Филиал в г. Ростове-на-Дону. Адрес: 344023,
г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, 44 А. Телефон: +7 (863) 303-62-10.

Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Ростове-на-Дону. Адрес: 344023,
г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, д. 44 В. Телефон: (863) 303-62-10. Режим работы: с 9-00 до 19-00.

Новосибирск. Филиал в г. Новосибирске. Адрес: 630015,
г. Новосибирск, Комбинатский пер., д. 3. Телефон: +7 (383) 289-91-42.

Хабаровск. Филиал РДЦ Новосибирск в Хабаровске. Адрес: 680000, г. Хабаровск,
пер. Дзержинского, д. 24, литера Б, офис 1. Телефон: +7 (4212) 910-120.

Тюмень. Филиал в г. Тюмени. Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Тюмени.
Адрес: 625022, г. Тюмень, ул. Алебашевская, 9А (ТЦ Перестройка+).
Телефон: +7 (3452) 21-53-96/ 97/ 98.

Краснодар. Обособленное подразделение в г. Краснодаре

Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Краснодаре
Адрес: 350018, г. Краснодар, ул. Сормовская, д. 7, лит. «Г». Телефон: (861) 234-43-01(02).

Республика Беларусь. Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Минск. Адрес: 220014,
Республика Беларусь, г. Минск, проспект Жукова, 44, пом. 1-17, ТЦ «Outlet».

Телефон: +375 17 251-40-23; +375 44 581-81-92. Режим работы: с 10-00 до 22-00.

Казахстан. РДЦ Алматы. Адрес: 050039, г. Алматы, ул. Домбровского, 3 «А».
Телефон: +7 (727) 251-58-12, 251-59-90 (91, 92, 99).

Украина. ООО «Форс Украина». Адрес: 04073, г. Киев, Московский пр-т, д. 9.
Телефон: +38 (044) 290-99-44. E-mail: sales@forsukraine.com

Полный ассортимент продукции Издательства «Э»

можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».

Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д. 46.
Тел.: +7 (812) 601-0-601, www.bookvoed.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру. Тел.: +7 (495) 745-89-14.

ISBN 978-5-699-99135-8

9 785699 991358 >

Демоны и раньше ускользали из ада, но из чужих тел их изгоняли экзорцисты. Затем чья-то могучая воля пробита в мир людей узкую щель, и демоны начали протискиваться в своих телах. Но, занятые с ними войной, люди не заметили, что клипоты все массивнее и тяжелее, вот-вот раздавят мир. А еще с каждым днем все ближе нечто исполненное, грозящее уничтожить Вселенную. Демон Азazel, живущий среди людей уже шесть тысяч лет, не в силах выстоять против него в одиночку.

Но где герой, что остановит Извечное Зло?

ISBN 978-5-699-99135-8

9 785699 991358 >

ПРОСЬБА АЗАЗЕЛЯ